

**Actual problems
of Turkic studies
2018**

**International
scientific conference
XXXII Kononov Memorial Lectures**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE**

XXXII

**KONONOV MEMORIAL
LECTURES**

**DEPARTMENT
OF TURKIC PHILOLOGY
OF SAINT PETERSBURG
STATE UNIVERSITY**

Materials

Saint Petersburg
27–28 October 2017

Saint Petersburg
2018

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

XXXII

КОНОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**НА КАФЕДРЕ
ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

Материалы конференции

Санкт-Петербург
27–28 октября 2017 года

Санкт-Петербург
2018

**ББК 81.2Тюрк
М34**

А43 Актуальные вопросы тюркологических исследований: Международная научная конференция XXXII Кононовские чтения, 27–28 октября 2017 г.: Материалы конференции / под ред. Н.Н. Телицина. — СПб.: Центр содействия образованию, 2018. — 149 с.

ISBN 978-5-906623-35-5

В сборнике представлены тезисы докладов участников XXXII международной научной конференции Кононовские чтения, прошедшей 27–28 октября 2017 г. в Санкт-Петербурге. Материалы посвящены различным проблемам изучения письменных памятников и современной литературы тюркоязычных стран.

ББК 81.2Тюрк

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-906623-35-5

© Коллектив авторов, 2018
© Кафедра тюркской
филологии СПбГУ, 2018

Содержание

Памяти Андрея Николаевича Кононова (<i>Н.Н. Телицин</i>)	7
<i>Аврutiна А.С.</i> К вопросу о диссимилиации в османском языке . .	10
<i>Алиева К.А.</i> К вопросу об употреблении аналитических форм с гоноративным значением в древнеуйгурском языке	11
<i>Аникеева Т.А.</i> Старопечатные книги на тюркских языках из собрания МГИМО(У) МИД РФ	19
<i>Гейгер Н.Н.</i> О периодах ориентации в огузских языках (на материале современных турецкого, азербайджанского и туркменского языков).	24
<i>Гирфанова А.Х.</i> «Записки янычара» как литературный и исторический памятник	27
<i>Гузев В.Г.</i> К вопросу о понятии «залоговые отношения»	28
<i>Гусейнолы К.</i> Время жизни, родина и этническое происхождение Заратустры (Зороастра)	30
<i>Дубровина М.Э.</i> О синтаксических особенностях тюркских языков в сфере сложного предложения	40
<i>Жуков К.А.</i> Пометки А.Н. Кононова на полях брошюры И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»	48
<i>Камалова Ш.Н.</i> К вопросу о предикативных конструкциях в языке ДТРП.	75
<i>Капустина Ю.К.</i> Новеллистика Ахмеда Хамди Танпынара	77
<i>Койнова Е.С.</i> Травелог Ахмета Хашима	81
<i>Колосова Д.И.</i> Категория номинализации действия в турецком и японском языках.	83
<i>Лебедев Э.Е.</i> Глагольные формы с модальными значениями в чувашском языке.	85
<i>Оганова Е.А.</i> О некоторых особенностях турецкого отглагольного имени на -mAv составе изафетов.	87
<i>Пестовская Д.А.</i> Особенности внешней политики Турции в странах тюркского мира.	88
<i>Погуляева Е.В.</i> Флективные элементы в турецком языке.	95
<i>Сарыгёз О.В., Абилов И.Ш.</i> Жесты как невербальные лакуны и сопровождающие их устойчивые выражения (турецкий язык)	97

<i>Султанов Т.И.</i> Сословные привилегии чингизидов и традиция семейного права	99
<i>Телицин Н.Н.</i> Об одном спорном месте в тексте древнейуйгурского памятника «Книга, обучающая основам сознания (𐰽𐰺 tōzin oqytdaču nom)»	105
<i>Furat Kamil.</i> Türkiye’de karşılaştırmalı edebiyat bilimi ve türk-rus edebiyatları arasında karşılaştırılan eserler	110
<i>Фарзалиев Акиф.</i> Рукописи сочинений Ахмеда Ясеви, хранящиеся в фонде Научной библиотеки им. М. Горького	119
<i>Хаджиева Т.М.</i> Фольклорные материалы из научного наследия А.К. Боровкова (Архив СПФ АРАН)	127
<i>Чертыхова М.Д.</i> Внимание как составная часть динамической характеристики ментальных глаголов в хакасском языке	128
<i>Чугунекова А.Н.</i> Концепт «лес» в хакасской языковой картине мира	139
<i>Шамина Л.А.</i> Грамматикализованные аналитические конструкции верификативной семантики в тувинском языке	142
Сведения об авторах	146

Памяти Андрея Николаевича Кононова

Ежегодные «Кононовские» проводятся на кафедре тюркской филологии с 1986 г. и посвящены выдающемуся отечественному тюркологу, академику Андрею Николаевичу Кононову (1906–1986). В 2015 г. XXX Кононовские чтения были проведены в рамках Международной научной конференции «Языки и литературы тюркских народов», посвященной 180-летию создания кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (26–28 октября 2015 г., Санкт-Петербург). В конференции приняло участие более 140 человек из 20 стран. В 2016 г. XXXI Кононовские чтения состоялись в рамках Международной конференции «The 6th International Symposium on Oriental Ancient Documents Studies (Saint-Petersburg, October 2–6, 2016)», в которой приняли участие более 70 востоковедов из многих стран. С 2017 г. Кононовские чтения проводятся как ежегодная Международная научная конференция. По итогам конференции организационным комитетом было принято решение создать отдельную секцию «Молодой тюрколог», в которой смогут принять участие студенты бакалавриата, магистратуры и специалитета, обучающиеся в тюркологических ВУЗах Российской Федерации, а также в зарубежных ВУЗах и центрах.

Доклады, представляемые на конференции, затрагивают различные вопросы становления и развития языков, языковой структуры, литературы тюркских народов в прошлом и настоящем; особое внимание уделяется актуальным вопросам тюркологических исследований, проблемам их развития и поддержки.

Андрей Николаевич Кононов, руководивший кафедрой тюркской филологии Восточного факультета ЛГУ с 1949 по 1972 гг., был избран в 1958 г. членом-корреспондентом, а в 1974 г. действительным членом АН СССР. А.Н. Кононов является одним из виднейших тюркологов нашей страны, стоявшим у истоков создания Советского комитета тюркологов. Педагогическая работа А.Н. Кононова, начатая им в 1931 г. в стенах Ленинградского восточного института, с 1934 г. протекала в Ленин-

градском университете. В своей научной и педагогической деятельности А.Н. Кононов продолжал традиции, заложенные выдающимися тюркологами прошлого в Петербургском университете. Им были написаны три грамматики турецкого языка, которые представляют собой плод длительных поисков решений как частных вопросов турецкой грамматики, так и ее общей схемы. Последняя из них — «Грамматика современного турецкого литературного языка» — была удостоена в 1957 г. университетской премии первой степени. В 1957 г. А.Н. Кононов был избран почетным членом Турецкого лингвистического общества. Помимо названных трудов по турецкому языку, перу А.Н. Кононова принадлежит большое количество работ по частным вопросам турецкой грамматики. В своих трудах по турецкому языку и в «Грамматике современного узбекского литературного языка» (М.; Л., 1960) А.Н. Кононов уделял большое внимание изучению проблем синтаксиса тюркских языков.

«Грамматика современного узбекского литературного языка» обобщила многолетние изыскания ее автора в области изучения тюркских языков вообще: отдельные явления узбекской грамматики и строй узбекского языка представлены в ней на широком общетюркологическом фоне. В 1980 г. вышла в свет «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв.» — результат долговременных занятий А.Н. Кононова историей и исторической грамматикой тюркских языков.

Другой областью научных интересов А.Н. Кононова являлись текстологические изыскания и публикация старотюркских памятников. Особую группу работ А.Н. Кононова составляют труды по истории русской тюркологии и отечественного востоковедения в целом. Наиболее крупные из них — вышедшая двумя изданиями книга «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (Л., 1972; Л., 1982) и «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (М., 1974; М., 1989), одним из авторов которого, редактором и автором введения был А.Н. Кононов. Постоянно привлекала внимание А.Н. Кононова и трудная область этимологических исследований.

Всего А.Н. Кононов опубликовал свыше 250 научных трудов по общим и частным вопросам грамматики, текстологии, этимологии, семасиологии, фразеологии тюркских языков и истории востоковедения. Под редакцией А.Н. Кононова опубликовано более 60 монографий и сборников статей.

За сорок с лишним лет работы на Восточном факультете ЛГУ А.Н. Кононов прочитал большое количество теоретических и специальных курсов по различным аспектам тюркского языкознания, вел семинарские занятия по древнетюркским памятникам и средневековым турецким текстам. Среди теоретических курсов А.Н. Кононова, оказавших большое влияние на подготовку специалистов-тюркологов на Восточном факультете, следует назвать такие курсы, как «Грамматика турецкого языка в научном освещении», «История турецкого языка», «Памятники древнетюркской письменности», «Введение в тюркское языкознание» и др.

Научные заслуги А.Н. Кононова получили широкое международное признание. Он был избран почетным членом Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, иностранным членом Венгерской и Финской академий наук, ему были вручены золотая медаль Индианского университета (США), диплом Турецкого лингвистического общества за успехи в изучении тюркских языков. А.Н. Кононов неоднократно выступал на международных конгрессах востоковедов.

Н.Н. Телицин

Заведующий кафедрой тюркской филологии

А.С. Аврутина

К вопросу о диссимиляции в османском языке

On the issue of dissimilation in the Ottoman language

Анализ текстов различных памятников на османском языке отражает явления расподобления согласных по признаку глухости-звонкости на стыках морфем. В текстах таких памятников, как: «Чарх-наме» Ах-меда Факиха (XIII в.), «Сюхейль и Невбахар» Ходжи Месуда (XIV в.), «Кысса-и Мелик Данышменд» (XV в.) на стыках корневой и служебных морфем встречаются консонантные сочетания /rt/, /lt/, /nt/, /nç/; /dt/, /td/, /çd/, /gt/, /kd/, /sd/, /şd/, /zt/, которые можно условно назвать «диссимилятивными», т. е. «расподобленными» по признаку глухости-звонкости. Подобная ситуация с консонантными сочетаниями наблюдается также в памятниках более позднего периода, например в тексте памятника «Хюсн-ю Ашк» Шейха Галипа (XVIII в.), а также в тексте романа Намыка Кемалья «Intibah» (XIX в.).

В то же время диахронический статистический анализ памятников показывает, что с течением времени «диссимилятивные» консонантные сочетания уступают место сочетаниям, в которых оба элемента уподоблены по признаку глухости-звонкости, и такие сочетания мы будем условно называть «ассимилятивными».

В специальной литературе бытует мнение, что диссимилятивных явлений в среднеосманском (XVII–XVIII в. — среднеосманский период) и новоосманском (новотурецком XIX в.) языке быть не могло, а присутствующие в текстах явления лишь отражают устоявшиеся орфографические правила.

Однако анализ балканских диалектов турецкого языка, зафиксированных исследователями в 10–20-х гг. XX в., показывает, что диссимиляция по глухости-звонкости в ряде этих диалектов присутствовала. Этот факт позволяет иначе взглянуть на проблему возможной диссимиляции в малоазийско-тюркском языке, а также на процесс становления гармонии согласных по признаку глухости-звонкости.

К.А. Алиева

К вопросу об употреблении аналитических форм с гоноративным значением в древнейуйгурском языке

On the issue of using verbal forms with honorific meaning in the old uyghur

В начале XX в. в результате многочисленных экспедиций в Восточном Туркестане были обнаружены памятники, которые представляют собой ценнейшие источники по истории, культуре уйгурского народа, а также для изучения древнейуйгурского языка.

Язык указанных памятников, представляющий собой совокупность диалектных вариантов, широко распространенных среди древнейуйгурских племен, обслуживал этнически более или менее однородную социально-культурную общность племен, говорящих на одном языке [10: 84–87]. По морфологии и лексике он отличается от традиционно выделяемого *древнетюркского языка*. Принимая во внимание современные теории классификации тюркских языков, следует говорить не о едином древнетюркском языке, а о древнетюркских языках вообще и относить к ним язык орхонских рунических памятников, язык рунических памятников Центральной Азии (карлукских) и древнейуйгурский язык и т. п.

Сегодня к наиболее крупным памятникам, написанных на древнейуйгурском языке, относят памятники, датируемые VII–XIII вв.: «Покаянную молитву манихеев», памятник VII в. религиозно-просветительского содержания, который был переведен на древнейуйгурский язык; еще одним переведенным на древнейуйгурский язык сочинением является «Поклонение волхвов», точнее дошедшие до наших времен рукописные фрагменты христианского содержания; а также древнейуйгурский перевод памятника буддийского содержания — «Фрагменты биографии Сюань-цзана». Язык указанных памятников свидетельствует о состоянии уйгурского языка в период VII–XIII вв., и исследования в этой области позволяют проследить пути развития отдельных языковых средств, од-

ним из которых являются особые аналитические формы глагола, призванные передавать гоноративное значение.

Вопреки существующей точке зрения, согласно которой под аналитическими формами глагола следует понимать глагольные сочетания, в которые могут входить более двух глаголов, частично несущих грамматическую и лексическую информацию [1: 245–246], в настоящей работе к аналитическим формам глагола отнесены формы, образующиеся по модели: «адвербиальная форма глагола + вспомогательный глагол». Значение аналитических форм сигнализирует о способе протекания действия, выраженного основой глагола в адвербиальной форме, которая несет основное лексическое значение. Подобные образования традиционно именуется способами глагольного действия [6: 158–159], или Aktionsart [7: 4–5].

Под акционсартом понимают совокупность значений, которые входят в область лексического значения глагола и в которых отражаются и уточняются особенности протекания действия во времени [2: 36; 5: 30]. Акционсартовые значения в тюркских языках выражаются морфологическими средствами, а видовые значения относятся к области семантики и не выражаются однозначно определенными морфологическими средствами [3: 110].

Аналитические формы формируются по устойчивой неразложимой модели [4: 82–89, 94–104], в которой только вспомогательные глаголы могут принимать новые формы. В древнетюркских языках в аналитических формах при сочетании глагола, несущего основное лексическое значение, и вспомогательного глагола наблюдается важность значения статики или динамики лексически значимого глагола.

Применительно к древнетюркским языкам аналитический способ выражения акционсартовых значений является продуктивным. На материале современных тюркских языков некоторые подобные образования потеряли свою продуктивность и полностью грамматикализовались, при этом они приобрели иное значение, став формами изъявительного наклонения. Например, в среднеазиатских языках форма *-ip tur-*, в турецком языке *-acak ol-*, *-yor-* и т. п.

В рассматриваемых аналитических формах в древнеуйгурском языке первым компонентом выступают адвербиальные формы: *-a* и *-p*. По грамматическому значению формы *-a*, которая указывает на одновременность совершения действия с другим действием, подбирается вспо-

могательный глагол, зачастую таким образом, что главной характеристикой действия, выраженного аналитической формой «-а + *всп. гл.*», выступает длительность, поскольку действие в форме -а совпадает с периодом протекания основного действия.

Адвербиальная форма -р в древнеуйгурских памятниках встречается в форманте *-pan/-panin* [1: 308–311; 9: 179–230]. Значение *-p/-pan/-panin* указывает на предшествование действия уточняемому действию. В памятниках удалось обнаружить употребление данной модели в форме образуемой -р. В аналитической форме по модели «-р + *всп. гл.*» отчасти реализуется грамматическая функция формы -р, поскольку в сочетании со вспомогательным глаголом акцентируется внимание не только на лексическом значении глагола в форме -р, но и на предшествовании или завершенности, результативности действия.

Второй компонент рассматриваемой модели, т. е. вспомогательный глагол (глагол-модификатор), связан с определенной семантической зоной, поэтому они подбираются по смыслам к лексически значимому глаголу, образуя устойчивую неразложимую форму с присущим ей значением. В древнеуйгурском языке наблюдаются случаи, когда второй компонент модели подбирается к первому на основе выражаемой им семантики, а именно движение или статика. Иными словами, если первый компонент модели, т. е. основной глагол, передает динамичное действие, например, движение, то второй компонент, т. е. вспомогательный глагол, является глаголом движения.

Среди исследуемых форм следует выделить аналитические формы, имеющие значение, которое можно причислить к гоноративным значениям. Подобные формы можно рассматривать как средства выражения уровней общения. В памятниках встречаются формы с гоноративным значением, в которых вторым компонентом выступают: *ötün* — ‘*просить*’, *jarliqa* — ‘*соизволить*’, *tegin* — ‘*удостаиваться что-либо делать*’.

В работе рассматриваются три аналитические формы с гоноративным значением, которые отмечаются в древнеуйгурских памятниках: *-p ötün-*, *-p jarliqa-*, *-a tegin-*.

Традиционно аналитические формы *-p ötün-*, *-p jarliqa-*, *-a tegin-* рассматривались как синонимичные. Однако вопрос об одновременном функционировании в языке «форм, выполняющих схожие функции и передающих близкие значения», не был полностью рассмотрен.

При описании аналитических форм *-p ötün-*, *-p jarliqa-*, *-a tegin-* отмечалось их функциональное сходство, «способность замещать другие глаголы», т. е. выступать в роли служебных слов. Однако частотность употребления указанных форм в древнеуйгурском языке позволяет предпринять попытку установить семантическую разницу между значениями, которые передают указанные формы.

1. Форма *-p jarliqa-*

Аналитическая форма *-p jarliqa-* указывает на то, что субъект, совершающий действие, находится на более высоком уровне, нежели остальные участники действия. Гоноративное значение указанной формы находит отражение в следующих смыслах: ‘*соизволить*’ ‘*соблаговолить*’ [11: 37]. Наряду с формой *-p jarliqa-*, встречаются случаи употребления аналитической формы *-a jarliqa-* с синонимичным значением.

- *qirodis qan inča tip jarliqadi (Uig I 3)*
 qirodis qan inča ti - p_jarliqa - di
 Ирод царь таким образом говорить - AART - 3 SGPST
Царь Ирод соизволил изречь следующее...
- *burxan qutin bulu jarliqar ... (Hüen 3б, 6-7)*
 burxan qut-i-n bul - u_jarliqa - p
 Будда благодать - 3 POSS - ACC обретать - AART - CVB
Он соизволил обрести благодать Будды...
- *nirvanqa kirü jarliqadi (Hüen 3б, 9-10)*
 nirvana-qa kir-ü_jarliqa-di
 нирвана-DATALL погружаться - AART - 3 SG PST
Он соизволил погрузиться в нирвану.
- *teḡri burqan körki<...>ol jaḡi itmiš saḡramta erdinilig örgün üzä jaltrüju jaşuju oluru ornanu jarliqadi (Hüen 11a, 10-14)*
 teḡri_burqan körki ol jaḡi it - miš saḡram - ta
 Будда тень - 3 SGPOSS этот новый делать - SAF монастырь -
 LOCABL
 erdinilig örgün üzä (jaltrü - jujaşu - juolur - uornan - u)_jarliqa - di
 наделенный трон POST (сиять сверкать разместиться воссесть) -
 AART - 3 SGPST
 драгоценностью
Воплощение Будды <...> соизволило явиться и разместиться на священном троне во вновь построенном монастыре.

2. Форма *-p ötün-*

Аналитическая форма *-p ötün-* указывает на то, что действие совершается субъектом, занимающим более низкую ступень среди участников коммуникации. Данный смысловой оттенок вносится вспомогательным глаголом *ötün* — ‘просить’. Является синонимичной аналитической форме *-a ötün-*.

Существует точка зрения, согласно которой формы с глаголом *ötün-* индифферентны к статусу говорящего и адресата сообщения, однако материал древнетюркского языка дает основание полагать, что аналитические формы с *ötün-* не являются нейтральными формами, а выступают в качестве средств выражения гоноративных смыслов. В памятниках наблюдается употребление форм с *ötün-* в ситуациях, когда статус говорящего ниже статуса других участников коммуникации.

- *barıp jüküinalim anıñ uluı kutıña tip ötündiler (Chuast 1–2)*

bar - ıp jükün - alim an - ıñ ulur kut - ı - n - ga

доходить - AART - 1PL OPT этот- GEN великий счастье - 3 SG POSS

- DISTR - DATLOC

- *ti - p_ötün - di - ler*

молвить - AART - 3 PL PST

Мы пойдём и поклонимся его великой святости — они [колелопреклоненно] молвили.

Примечательно, что в одном тексте обнаруживается пример употребления близкой по смыслу формы *-a ötün-*. Представляется, что в найденном примере аналитическая форма *-a ötün-* выступает как непродуктивное образование, а входит в устоявшуюся молитвенную формулу. Иными словами, форма *-a ötün-* употребляется только в этом контексте, что дает основание говорить о реликтовом употреблении данной формы.

- *jazuqda bosunu ötünürbiz (Chuast 40)*

jazuq - dabosun - u_ötün - ür - biz

грех - DATLOC избавляться - AART - 1 PLPRS

мы [нижайше] раскаиваемся в грехах.

Интересен тот факт, что М. Эрдал в приведенном примере рассматривает *ötün-* не как вспомогательный глагол, т. е. компонент аналитической формы, а как глагол, реализующий свое лексическое значение. К тому же в приведенном примере исследователем форма *-a* воспри-

нимается как форма супина, которая реализует функцию формы *-yalî*. Представляется, что *bosunu ötünürbiz*, построенное по модели аналитической формы *-a ötün-*, из-за частоты употребления в текстах молитв и просьб, скорее всего, приобрело характер молитвенной формулы и перестало восприниматься как продуктивная форма *-a ötün-*.

3. Форма *-a tegin-*

Аналитическая форма *-a tegin-*, значение которой сигнализирует, что субъект действия выражает по отношению к себе уничижение [12: 81]: Иными словами, субъект действия обращается к другим участникам с позиции уважения и вежливости. В отличие от аналитических форм *-p ötün-* и *-p jarliqa-* является более нейтральной формой обращения. В памятниках встречаются примеры, которые дают возможность истолковывать данную форму следующим образом: *удостаиваться что-либо делать, оказывать любезность в совершении чего-либо*.

- *ötrü ol kük tonlu beg tuta teginiñler tip... (Suv 15)*

ötrü ol kük tonlu beg tut - a_tegin - iñ - ler tip

когда этот синий одеяние бек держать - AART - 2 PLIMPQUOT

Когда бек в синем одеянии прокричал: «Не удостоитесь ли вы схватить [его]»

- *taqî jemâ bitijü teginâlim... (Uig I 65-66)*

taqî jemâ bitî - jü_tegin - âlim

и еще писать - AART - 1PLOPT

А сейчас мы [удостоимся чести] написать...

Описанные формы широко употребляются в древнеуйгурском языке, что свидетельствует о возникшей в языке потребности в средствах, функция которых заключается в том, чтобы передавать гоноративное значение. Подобная необходимость в использовании гоноративных форм может объясняться тем, что рассматриваемые произведения являются переводами с других языков, где система уровней общения уже сформировалась и указание на разный статус участников коммуникации являлось обязательным. Создание средств для передачи гоноративных смыслов на речевом уровне послужило основой для формирования уровней общения в древнеуйгурском языке.

В древнетюркских языках наблюдается употребление подобных моделей в качестве основных элементов приема ввода прямой речи, а именно в аналитических формах с глаголом *te-* 'говорить'. Ситуации употребления указанных форм дают основание предположить, что

в древнеуйгурском языке формы *-p ötün-*, *-p jarliqa-*, *-a tegin-* выступают как основные элементы рамочных конструкций ввода прямой речи, в которых, в отличие от распространенной в древнетюркских языках рамочной конструкции с глаголом *te-* (например, *tip tidi*, *tip tijü*), основным значением выступает гоноративное, т. е. указание на статус участников коммуникации.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что для древнеуйгурского языка характерно употребление аналитических (и перифрастических [6: 158–176; 8: 93–97]) форм как наиболее продуктивных морфологических средств, способных передать информацию об особенностях протекания действия. Частое употребление форм объясняется появлением необходимости передавать новые значения, в том числе гоноративные, что свидетельствует о развитии древнеуйгурского языка под влиянием внешних факторов. Аналитические формы с гоноративным значением, употребительные в древнеуйгурском языке, предлагается отнести к формам уровней общения в речи.

Литература:

1. *Erdal M.* A grammar of old Turkic. Leiden: Brill, 2004.
2. *Агрель С.* О способах действия польского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
3. *Воронкова. А.А.* К современным теориям аспектуальности. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2007. С. 112–120.
4. *Жирмунский В.М.* Об аналитических конструкциях // Жирмунский В.М. Избранные труды. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976.
5. *Маслов Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян; вступит. ст. А.В. Бондарко, Н.А. Козинцевой, Т.А. Майсака, В.А. Плунгяна. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. *Насилов В.М.* К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках // Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976. С. 158–176.
7. *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектуальности. Акциональность. М.: Наука, 1989.
8. *Насилов Д.М.* К вопросу перифрастических форм глагола в древнетюркском языке // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1960.

9. *Телицин Н.Н.* Инфинитные формы глагола в древнейуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 179–230.
10. *Телицин Н.Н.* Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 83–90.
11. *Тугушева Л.Ю.* Глаголы *tägin-*, *jarlıqa*, *ötün-* в раннесредневековом уйгурском литературном языке // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1988.
12. *Тугушева Л.Ю.* Раннесредневековый тюркский литературный язык. Словесно-стилистические структуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

Т.А. Аникеева

Старопечатные книги на тюркских языках из собрания МГИМО(У) МИД РФ¹

Аннотация: Статья посвящена описанию ряда старопечатных изданий на татарском языке, которые были обнаружены в фонде редких книг Научной библиотеки МГИМО и до настоящего момента описанию не подвергались.

Ключевые слова: книжная культура, типография, татарский язык, тюркские литературы.

Т.А. Anikeeva

Early printed books in Turkic languages from the collection of the MGIMO University

Abstract: The article is devoted to description of a number of the old-printed books in the Tatar language, which were found in the fund of rare books of the Scientific library of the MGIMO University and have not been described until now.

Key words: book culture, printing, Tatar language, Turkic literatures.

В фонде редких книг Научной библиотеки МГИМО содержится порядка 400 старопечатных и литографированных изданий на турецком (османском), персидском и арабском языках — это как литературные произведения, так и разнообразные словари, учебные пособия, богословские сочинения, исторические трактаты. В качестве основного источника поступления этих книг (и части рукописей на соответствующих языках) выступает библиотека МИВ (изначально — Лазаревского института живых восточных языков) (см. подробнее: [6]). Данные издания систематическому описанию и исследованию до сегодняшнего дня практически не подвергались (исключение — ряд рукописей, см., например: [6: 6–16]).

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №17-31-0000.

Что касается книг, литографий и рукописей на турецком языке в этом собрании, то некоторые из них уже привлекали внимание исследователей и были описаны (см., например: [2; 1; 5]), в частности рукописи и литографии, представляющие собой образцы турецкого (и тюркского) фольклора, которые традиционно являются неотъемлемой частью рукописного и старопечатного фонда многих книжных и рукописных собраний (см., например: [4])².

Среди печатных книг на татарском языке в фонде редких книг Научной библиотеке МГИМО, изданных в Казани, — богословская литература, а также пользовавшиеся популярностью поэтические произведения, которые можно отнести к тюркской дидактической традиции. Можно сказать, что собрание старопечатных изданий на татарском языке в Научной библиотеке МГИМО (основой которого, по всей видимости, явилась библиотека МИВ) наглядно демонстрирует процесс формирования и развития соответствующей читательской и издательской традиции. Приводим сделанные нами описания некоторых из них.

№ 1. Ниязи. Китаб шарх Ниязи ала шарх Баркави ли-л-Кунави

Наборная печать. Казань, 1870. 392 стр. Язык текста — татарский.

Печати библиотеки спецклассов ЛИВЯ, библиотеки Ин-та востоковедения в Москве.

Надписи: синими чернилами — «№ 9189», карандашом — «Комментарий Ниязи к комментарию аль-Баркави к аль-Канаби. На татарском языке. Казань, 1870». Простым карандашом: «шифр 799-х 605».

№ 2. Китаб шарх маб хафтияк тефсир турк дилинде Таджуддин-эфендинин

Комментарий к седьмой части Корана («Хафтияк») на татарском языке Таджуддина-эфенди³.

Наборная печать. Казань, 1294 г. х. (1876). Язык текста — татарский. 335 стр.

Печати библиотеки спецклассов ЛИВЯ и библиотеки Ин-та восто-

² Среди тюркских и турецких рукописей, уже попавших в поле зрения исследователей и описание которых было опубликовано, есть пособия по гаданию и толкованию снов (*Фал-наме* и *Табир-наме*), а также популярное в турецком фольклоре сочинение, созданное в жанре «обрамленной прозы», — «Рассказы сорока визирей» (*Кырк везир хикайелери*, или *Хикайат-и кырк везир*). Рукопись этого сочинения по косвенным данным (колонки и начало отсутствуют) отнесена к XVIII или даже концу XVII в. [6: 16].

³ «Хафтияк» был в числе первых книг, изданных в 1801 г. в типографии, открытой при Первой Казанской гимназии («Азиатская типография»), см.: [3: 239].

коведения в Москве. Надписи: «№ 795х», «№ 629» (черные чернила), «№ 8950» (синие чернила); карандашом — «Комментарий к Корану на татарском языке. Казань 1294 = 1877».

№ 3. Субат-уль-аджизин

«Опора обреченных». Популярная в Поволжье поэма среднеазиатского поэта-суфия Суфи Аллаяра (1616–1713).

Наборная печать. Язык текста — татарский. Казань: Азиатская типография [Абдулазиза Бурнашева], 1802 г. 108 стр. Книга является одной из первых, изданных в Казани типографским способом на татарском языке.

Печать библиотеки Ин-та востоковедения в Москве, ЛИВЯ, Научной библиотеки МГИМО. Надпись синими чернилами № 8632; *210 т. Вклеен листок с описанием (?): «№ 8-ой. Поэма Суадимь-Качикь (на татарском). 1802». На одной из страниц надпись ручкой «Из собрания Петра Фролова». Большое количество рукописных пометок на форзаце.

№ 4. Мухаммед Челеби (Языджиоглу). Мухаммадийя

Дидактическая поэма о пророке Мухаммаде, созданная Мехмедом Языджиоглу (ум. 1451) в 1449 г. Пользовалась огромной популярностью среди татар.

Наборная печать. Язык текста — татарский. Казань: типография Людвиг Шутца, 1845 г. 300 стр.

Печать библиотеки Ин-та востоковедения в Москве, ЛИВЯ. Надпись синими чернилами «№ 9223»; Карандашом «497 – Д».

№ 5. Рабгузи. Кысас ал-анбийя

Дидактическое произведение Рабгузи (кон. XIII – нач. XVI в.) (настоящее имя — Насреддин, сын Бурханеддина) «Истории о пророках». Состоит из 72 историй на библейские и коранические сюжеты. Включает в себя стихотворные фрагменты.

Наборная печать. Язык текста — татарский. Казань, 1295 г. х. (1878). 555 стр.

Печати Ин-та востоковедения в Москве и библиотеки спецклассов ЛИВЯ. Надписи: карандашом — «Книга на татарском языке, 800-х, 602». Чернилами — «№ 9695».

Начальный же этап истории типографского книгопечатания на турецком языке в собрании Научной библиотеки МГИМО представляют два сочинения, объединенные под одним переплетом (конволют).

№ 6. Тарих-и Рашиди-эфенди. Тарих-и Челеби-заде-эфенди

Два исторических сочинения: «Хроника Рашида-эфенди» и «Хроника (Исмаила Асыма) Челебизаде-эфенди». Предположительно, этот конвюлот напечатан именно в типографии Ибрагима Мютеферрики, так как точно известно, что эти сочинения были в числе произведений, изданных там в период с 1729 по 1743 гг.

Конвюлот. Наборная печать. Плотная белая бумага. Стамбул, 1153 г. х./1740 г. Язык текста — турецкий. Пагинация по разворотам. Вступление — 194 стр.; *Тарих-и Рашиди-эфенди* — 115 стр.; *Тарих-и Челеби-заде-эфенди* — 158 стр.

Печать Библиотеки Ин-та востоковедения в Москве. Надписи: синими чернилами — «№ 9356», карандашом — «9403» (зачеркнуто), карандашом — «т. II и III».

Если говорить о другом произведении из числа напечатанных в типографии Мютеферрики, то среди них, например, — и персидско-турецкий словарь Хасан-эфенди Шуури, составленный им в XVII в. Эта книга была последней, напечатанной в типографии у Ибрагима Мютеферрики в 1742 г. В собрании Научной библиотеки МГИМО представлено издание данного словаря, датированное уже концом XIX в., что, несомненно, свидетельствует о популярности и спросе на подобные словари, которые позволяли переиздавать их практически без изменений в течение более чем полутора веков⁴:

№ 7. Шуури. Фарханг шуури. Фарсиден тюркчйе мюкеммель люгат китабы

Персидско-турецкий словарь. Составлен в 1075 г. х. Т. 1. Наборная печать. Стамбул: типография Джемаль-эфенди, 1314 г. х. (1896). 480 стр.

Печати: библиотеки спецклассов ЛИВЯ и библиотеки Ин-та востоковедения в Москве. Надписи: синими чернилами — «№ 8750»; черными чернилами — «№ 7373х», «№6657m». Пометка карандашом: «Фарханг-Шуури (турецкий толковый словарь. Стамбул, 1896)».

⁴ В качестве других подобных словарей можно назвать знаменитый арабско-турецкий словарь «Укийанус» (или «Аль-камус аль-мухит»), составленный Абу-т-Тахиром Мухаммадом ибн Йакуб аш-Ширази аль-Фирузабади (1329, Шираз - 1414/816 г.х.), — в собрании Научной библиотеки МГИМО есть издание его 1 тома, датированное, предположительно 1230 г.х. (1815); а также не менее известный арабско-турецкий словарь Мустафы б. Шемседина аль-Ахтари (ум. 1561 г.) «Ахтари-йе кебир», напечатанный в Стамбуле в типографии Хаджи Боснави Мухаррем-эфенди в 1303 г.х. (1886) и богато украшенный (красный картонный переплет с золотым тиснением (розетки)).

Литература:

1. *Аникеева Т.А.* Булакские издания на турецком языке в собрании Научной библиотеки МГИМО (У) МИД РФ // Вопросы тюркской филологии. Вып. XI. Материалы Дмитриевских чтений / ИСАА МГУ. М., 2016. С. 259–265.
2. *Аникеева Т.А., Зайцев И.В.* Автографы и экслибрисы на книгах из Библиотеки Лазаревского института Научной библиотеки МГИМО (Университет) МИД как источник по истории московского востоковедения // Восточный архив. 2016. № 2. С. 64–73.
3. *Габдельганеева Г.Г.* Татарская печатная книга Казани (от истоков до 1917 г.) // Тюркоязычная книга: наследие веков. Казань, 2012. С. 238–243.
4. *Дмитриева Л.В.* Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М.: Вост. лит. РАН, 2002.
5. Рукописи и литографированные издания произведений Алишера Навои в московских собраниях. Каталог / сост. и авт. описания рукописей и литографий И.В. Зайцев. М., 2016.
6. Краткий каталог редких и ценных востоковедческих книг из собрания Научной библиотеки МГИМО. М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2015.

Н.Н. Гейгер

**О периодах ориентации в огузских языках
(на материале современных турецкого,
азербайджанского и туркменского языков)**

**On the orientation periods in the Oghuz languages
(according to the materials of the modern Turkish,
Azerbaijani and Turkmen languages)**

В науке существует множество дефиниций понятия времени: философское, физическое, метрологическое, астрономическое и др. В данной работе автором будет рассмотрено понятие времени как грамматической категории.

В лингвистике широко распространено следующее определение: «время — грамматическая категория глагола, соотносящая действие (процесс) с моментом речи» [1], при этом под моментом речи понимается «точка отсчета для различения трех грамматических времен: прошедшего — до момента речи, будущего — после момента речи, настоящего — с включением момента речи» [1]. Однако момент речи едва ли может являться точкой отсчета. Во-первых, это внеязыковое явление, происходящее в объективном мире, поэтому при транспозитивном употреблении временных форм оно не согласуется с моментом речи, например: «Иду я вчера по улице и вижу Александра». В данном случае наблюдается употребление настоящего времени в значении прошедшего. Во-вторых, это материальное явление, поэтому оно не может соотноситься с абстрактными языковыми явлениями. В-третьих, момент речи «может лишь учитываться говорящим при выработке стратегии высказывания, в том числе при выборе той или иной формы, но не может в силу своей “экстралингвистичности” быть центром системы идеальных единиц, которыми являются языковые значения» [2: 182].

Согласно концепции В.Г. Гузева, за точку ориентации стоит принимать период ориентации. Прежде всего это, конечно же, настоящий период, который представляет собой центр категории времени. В.Г. Гу-

зев отмечает, что «систему временных форм, ориентированную только на грамматический настоящий момент, рационально рассматривать как систему, имеющую только одну отправную точку, т. е. как систему односторонней ориентации» [3: 69]. Примером таковой может служить категория времени литературного русского языка, в которой прослеживаются три времени: настоящее время (совпадает с настоящим периодом ориентации), прошедшее (предшествует настоящему периоду ориентации) и будущее (следует за настоящим периодом ориентации). Это значит, что любая глагольная временная форма соотносится с обобщенным абстрактным образом настоящего периода.

Что касается тюркских языков, «они включают специальные формы, служащие для сигнализации о хронологических соотношениях действий с каким-либо моментом в прошлом» [3: 69]. Именно поэтому можно говорить о грамматическом прошлом моменте ориентации. Более того, применительно к современному турецкому языку можно говорить о грамматическом будущем моменте ориентации. И прошедший, и будущий периоды ориентации будут являться вторичными и третичными соответственно. Любое действие сначала будет соотносено с первичным ориентиром, т. е. настоящим периодом, так как вторичный и третичный периоды ориентации сами по себе соотносены с настоящим периодом.

Таким образом, можно сделать вывод, что глагольные временные формы — это структурные морфологические единицы, в значении которых отражены и закреплены временные отношения, в которые вступают процессы (действия). Любое действие сначала соотносится с первичным (настоящим) периодом ориентации, и лишь потом, если оно не совпадает с настоящим периодом, а либо предшествует, либо следует за ним, будет соотноситься с вторичным или третичным периодом ориентации. Соотношение с каким-либо периодом ориентации и является значением той или иной временной формы. Однако у всех временных форм отличаются смыслы, так как в речи есть множество смыслов. Именно из-за того, что смыслы у временных форм разнятся, в одном периоде ориентации все времена отличаются друг от друга, при этом значение у временных форм одного периода ориентации одинаково.

Литература:

1. *Ахманова О.С.* Глагол // Словарь лингвистических терминов // URL: <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/>

2. *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2015.
3. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1990.

А.Х. Гирфанова

**«Записки янычара»
как литературный и исторический памятник**

**“Notes of the Janissary”
as a literary and historical monument**

«Записки янычара» были обнаружены в 1823 г. польским литературоведом А. Галензовским в католическом монастыре в г. Бердичеве. Впервые изданы в 1912 г. польским филологом Яном Лосем. Исследователи затрудняются в установлении языка оригинала. В 1975 г. вышел немецкий перевод «Записок» с предисловием К. Гаазе, обратившего внимание на то, что работа состоит из трех частей: (1) трактат об антитурецкой войне; (2) сведения о мусульманстве в истории турок; (3) фрагменты сербской истории.

Памятник остается не изученным с источниковедческой точки зрения. Автором «Записок» считается некий Константин из Островицы, геопозиция которой также не известна точно. Обращается внимание на то, что слухи о непобедимости турок сильно преувеличены. Приводятся практические советы ведения войны с ними. Одновременно с этим Константин отмечает их положительные черты. Он пишет о милосердии турок к невольникам, об их равном правосудии ко всем подданным. Иногда стиль изложения материала сближает повествование с фольклорными произведениями. В описании битвы за Белград в 1456 г. используются загадки и притчи. Фольклорный характер носит и датировка событий.

«Записки» предстают и как историческое сочинение, и как мемуары, как произведение, одновременно отражающее сербский и турецкий эпос и фольклор, что препятствует определению его жанра.

В.Г. Гузев

К вопросу о понятии «залоговые отношения»

On the term “voice relations”

Профессор А.В. Бондарко, формулируя содержание понятия «залоговость» как функционально-семантической сферы, которая, по его мнению, охватывает не только грамматическую категорию залога, но и весь комплекс морфологических, синтаксических и лексических языковых средств, использует понятие «залоговые отношения» [1]. Оправданно задаться вопросом: что такое залоговые отношения, каково содержание этого понятия теоретического языкознания, *какие отношения действий и предметов должны пониматься как залоговые?* В цитируемом сборнике «Теория функциональной грамматики» рассматриваются *функционально-семантические сферы и конструкции*: активность, пассивность, возвратность, взаимность, каузативность.

В русской речи смысл сочетаний отглагольных существительных, в которых усматривается «субстантивация действия, его «опредмечивание»» [2], со словоформами творительного падежа (*контроль* проездных документов *кондуктором*, *оплата* проезда *пассажирами*) едва ли может признаваться залоговым, поскольку 1) в значениях соответствующих лексем на переднем плане выступает предметность, а не процессуальность, 2) не используется глагольная форма страдательного залога.

У автора настоящих строк, в процессе осмысления материала русского и тюркских языков, сформировалась точка зрения, согласно которой залоговые формы представляют собой морфологические средства передачи той или иной разновидности отношений между действиями и связанными с ними предметами [3].

Однако постепенно, в результате обращения к материалу других языков выяснялось, что такое представление нуждается в конкретизации, поскольку область отношений действий с предметами обслуживается также и другими языковыми средствами. Например, глагольной семантикой переходности/непереходности, лексическими значениями

глаголов (*побуждать, давать* [4], *тур. dođmak «рождаться» ...*), значениями падежей (например, русского творительного).

Проведенный анализ привел автора настоящей работы к необходимости уточнения принятой прежде трактовки понятия «залог» [5]: под залогом, по-видимому, следует понимать *глагольное морфологическое средство* передачи не просто отношений между действиями и связанными с ними предметами, а *определенной, конкретной структуры взаимоотношений действий с предметами (активности, возвратности, взаимности, страдательности, побудительности и других, о которых, возможно, еще предстоит узнать)*. Иными словами, *глагольные формы*, признаваемые залоговыми, выполняют функцию передачи через словоформы в речи именно перечисленных конкретных разновидностей отношений.

Сказанное приводит к следующему выводу: залоговыми можно признавать только немногочисленные (в частности активные, пассивные (страдательные), возвратные, взаимные, каузативные (побудительные)) отношения действий с предметами, которые в языке конкретной цивилизации восприняты и отражены в значениях специальных морфологических инструментов, т. е. глагольных форм или категорий.

Примечания:

1. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 125.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык. С. 102.
3. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения. Глагол. (На материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. С. 34–55; *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 125–142.
4. Имеются в виду высказывания типа «дай договорить».
5. Там же. С. 53.

К. Гусейноглы

Время жизни, родина и этническое происхождение Заратустры (Зороастра)

Аннотация: Современные ученые во многом расходятся в вопросах о времени жизни, родине и этническом происхождении Заратустры. В статье предпринято усилие прояснить эти вопросы. Утверждается, что Заратустра жил в VI в. до н. э. и родина его находилась в Прибайкалье. А по этническому происхождению он был туранцем, т. е. принадлежал к сако-туранским племенам, которые в середине I тыс. до н. э. господствовали в степях Центральной Азии.

Kamil Huseynoglu

Zarathustra's (Zoroaster's) Lifetime, the Birthplace and Ethnical Origin

Abstract: Modern scholars largely disagree on the question of the Zarathustra's time of life, home and the ethnic origin. The article makes an effort to clarify these questions. It is alleged that Zoroaster lived in the VI century BC and it was the birthplace of the Baikal region. And by ethnicity, he was Turans and belonged to the tribes of Saka-Turan, who dominated in the middle of the I millennium the steppes of Central Asia.

Зороастрийская религия получила свое название от имени основателя — Заратустры (Зороастра в др.-греч. произношении). Античные авторы временем его жизни называют «период царствования Гистаспа, эпохи Моисея или Камбиза, а самого его называют персом, индийцем, персомидийцем, эллином, бактрийцем, жителем континента, “расположенного над Великим морем”, ассирийцем, халдеем, памфилийцем, жителем Азербайджана, а также евреем из рода жрецов, жившим в Самирии» [12].

Время жизни и место рождения Заратустры — основателя первой известной пророческой религии в истории человечества — и сегодня остается предметом спора среди исследователей. Существуют научные тео-

рии о возникновении зороастризма в Азербайджане, в Средней Азии, на территории России — в Пермском крае и на Урале.

В более поздних частях Авесты говорится о том, что Заратустра происходил из небогатого рода Спитамы, его отца звали Порушаспа, а мать — Дугдова. Он был женат дважды и имел трех сыновей и трех дочерей.

Согласно Гагам — самой древней и священной части Авесты (автором которых считается сам пророк), вероучение Заратустры не нашло признания на его родине и он, подвергаясь преследованиям, вынужден был бежать в страну правителя Виштаспы, который после определенных колебаний не только оказал покровительство Заратустре, но и принял его веру. «Вслед за царем и царицей в истинную веру обратились отец Виштаспы, старый Аршама Арватаспа, царский брат Заривари, советник Виштаспы Джамаспа из знатного рода Хвова и его брат Фрашаоштра.

Потом маздаяснийскую веру приняли и один за другим все знатные мужи в царстве Виштаспы, а следом в нее стал обращаться простой люд» [6: 115].

Однако названия обеих стран (родины Заратустры и страны кави Виштаспы) в Гагах не упомянуты, так как слушателям Заратустры они были хорошо известны. По авестийским преданиям, Заратустра был осенен «истинной» верой в 30 лет, после десятилетних скитаний он прибыл в страну Виштаспы, а в 42 года обратил его в свою веру. Согласно тем же преданиям, пророк жил в VI в. до н. э. и был убит туранским черным магом Рвахш Тур, когда ему было 77 лет.

Из этих сведений видно, что учение Заратустры могло получить распространение и дальнейшее развитие именно в стране Виштаспы.

Имя этой ключевой фигуры встречается также в Бехистунской надписи древнеперсидского царя Дария I (522–486 до н. э.). Согласно сведениям этой надписи, Виштаспа был отцом Дария I и в 521 г. был наместником в Парфии, но до этого он мог править и в других областях Средней Азии. Известно, что в то время в Средней Азии обитали в основном сако-массагетские племена. В современной научной литературе «к сакам относят племена Приаралья, северных и восточных районов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, отличая их от близких по культуре массагетов и скифов Северного Причерноморья» [13]. Древнеперсидские надписи различали три группы сакских племен: Саки-хаумаварга («варящие хаому — дурмящийся напиток»), Саки-тиграхуда

(«с остроконечными шапками»), Саки-тъяй-парадарайя («заморские»). Между 545 и 539 гг. до н. э. южная часть Средней Азии до бассейна реки Яксарт (Сырдарья) была захвачена персидским царем Киром II (558–530 до н. э.), и определенная часть саков была покорена Ахеменидами. Источники сообщают о войнах царей династии Ахеменидов Кира II и Дария I с различными сакскими племенами [7: 292–295].

Нужно отметить, что этноним «саки» в Авесте отсутствует и вместо него употребляется слово «туры». В науке господствует точка зрения о тождестве туров и саков [1; 13; 9: 156–157]. Но слово «сака» в древнеперсидских надписях и «сак» у античных авторов — понятия более широкие, чем «тура» или «тур», так как слово «сак» собирательное название и включает также многие другие племена раннего железного века. Скорее всего, собственно саками были соседи Бактрии, по имени которых сначала персы, а затем и греки стали называть всех кочевников Средней Азии. А туры были лишь одним из многочисленных племенных объединений Средней Азии. Этическое происхождение и название туров были связаны с именем их мифического предка Тура. Образ жизни туров был оседло-кочевой. В VII–III вв. до н. э. сако-туранские племена объединились в союзы. Во главе этих союзов стояли верховные вожди. Их называли царями. По Авесте, самым известным царем Турана являлся Франграсиан (в иранской мифологии — Афрасиаб), непримиримый враг иранских царей. Как увидим ниже, сам Заратустра, изгнанный с родины своей «общинной», тоже принадлежал к турским племенам, не признавшим его учения. Именно по этой причине как в авестийской, так и в иранской эпической традиции туры (туранцы) изображены как извечные антагонисты учения Заратустры и иранцев. По-видимому, в те времена туры действительно господствовали среди кочевников Центральной Азии.

Как уже говорилось, в Гатах название родины Заратустры не упомянуто, но приведены некоторые сведения о ее природно-географической среде.

В Авесте Заратустра называется «знаменитым мужем» из Арианам-Вайджа («Арийского Простора»), где находился дом его отца. Также из родословия Заратустры, приведенного в Авесте, видно, что его прадед Манушчитра якобы в свое время был царем Арианам-Вайджи [6: 58]. В книге Видевдат [1; 2] Арианам-Вайджа упоминается как страна, с которой начинается перечень стран добра. В Яштах наряду с Арианам-

Вайджа появляется река Вахви-Датия («Благая Датия»), на которой или вблизи которой молятся бог Ахура-Мазда (Яшт V, 17) и пророк Заратуштра (Яшт V, 104; Яшт XVIII, 450).

В стране Арианам-Вайджа находится также священное мировое море Ворукаша, в которое впадает множество рек (Яшт V, 3), а одна река вытекает из него (Яшт VII, 47). В этой стране необыкновенно длинная и суровая зима — она длится 10 месяцев:

И первым делом сотворил я Арианам-Вайджа,
Одну из самых дивных стран у Датии-реки...
Там десять месяцев зима, два — лето. И зимою
Томятся в холоде вода, растенья и земля.
Когда же зима идет к концу, разливы рек могучих
Смывают влагой ледяной селенья и поля [6: 34].

Арианам-Вайджа «локализуется в научной литературе по-разному: Хорезм, либо местность на берегу Аракса, либо область в междуречье Амударьи и Сырдарьи, либо южнорусские степи и др.» [11: 104]. А море Ворукаша принято отождествлять с Аральским или Каспийским морем. Однако из этих морей вода не вытекает. Географические и климатические реалии перечисленных выше местностей тоже не соответствуют реалиям, которые свойственны Арианам-Вайдже. Подобные данные, приведенные в Авесте об Арианам-Вайдже, можно найти в Прибайкалье, где в VII–III вв. до н. э. располагался «наиболее мощный центр культуры скифского мира на Востоке» [10: 203].

«В степях Евразии в скифское время наряду с местными культурами сложились и имеющие древнюю подоснову общие скифо-сибирские культы: предков, животных, солнца, растительных сил природы (Древа жизни), а позднее, с V в. до н. э. — культ огня» [10: 198]. В общем «в середине I тысячелетия до н. э... от Дуная на западе до Забайкалья и плато Ордос (Северо-Восточный Китай) на востоке сложились культуры так называемого скифо-сибирского мира» [10: 195].

Так, возвращаясь к географическо-климатическим реалиям Прибайкалья, можно отметить, что в озеро Байкал впадает 336 рек и ручьев (из постоянных притоков), а из него вытекает одна река — Ангара. Говоря о климатических условиях восточных побережных районов Байкала, особенно около Баргузинского хребта, который в Авесте называется Хара Березати («Высокий горный сток»), А.Л. Бочавар пишет: «Около Баргузинского хребта среднегодовая температура 4,4 градуса. Даже ле-

том, в августе редко бывает больше плюс 12,5 градуса... С конца октября до середины мая землю надёжно укрывает от промерзания полуметровый слой снега» [4: 227].

В Авесте Хара Березати характеризуется как «система высочайших хребтов, окружающих со всех сторон озеро Ворукаша» [6: 26, 335].

Баргузинский хребет располагается в Бурятии и «занимает третью часть побережья озера Байкал на востоке. Он располагается вдоль озера с юга на север... Протяженность хребта составляет 300 км... Среди всех горных массивов, прилежащих к Байкалу, Баргузинские горы наиболее высокие» [14].

В Авесте отмечается, что «вдоль западного и восточного хребта Хара Березати, высоко над землёй сияют сквозные пещеры... Всего этих пещер 180 на востоке и 180 на западе» [6: 28].

В действительности Баргузинский хребет на всем своем протяжении перемежается ущельями [15].

Вокруг озера Байкал имеются и другие топонимы и гидронимы, аналоги которых можно найти в Авесте. На западе от Байкала их больше, чем в восточном Прибайкалье. Так, согласно иранской мифологии и эпической традиции, столицей Турана была крепость Кан, которая, по «Шахнаме», находится на северо-востоке от Сырдарьи. В Авесте тоже упоминается этот топоним (Яшт V, 54 и 57). В «Гимне Хварно» при перечислении гор упомянуты «и горы те, что в Канхе» (Яшт XIX, 4), т. е. вокруг крепости Кан. Из текста Авесты также следует, что здесь обитали туранцы. На Алтае имеется горная степь, которая и ныне называется Канской. А на востоке от нее, на территории Красноярского края течет река Кан. Южнее реки Кан — в Республике Тыва — находится река Туран, на берегу которой расположен город Туран. В Иркутской области, на восточном побережье Байкала находится река Киренга, название которой перекликается с авестийской Рангой.

Современное название самого озера Байкал тюркского происхождения и означает «богатое» или «щедрое озеро», так как слово «бай» на древнетюркском языке имеет два значения [5: 79]. Совершенно очевидно, что название это могло появиться только после расселения тюркских этносов в прибайкальских областях. Как известно, тюркоязычные хунны завоевали прибайкальские степи в конце III в. до н. э. и после этого тюркские этносы всегда присутствовали здесь [8: 247]. До прихода же хуннов в Прибайкалье господствовали сако-туранские племена

на и, по всей вероятности, именно они называли это озеро Ворукашой. И.М. Стеблин-Каменской на основе авестийского языка название «Ворукаша» разъясняет как «Широко изрезанное», «имеющие широкие заливы» [2: 200].

В Авесте Ранга характеризуется как широкая река, «в стремнине» который находится остров. На этом острове тур Йойшта, сын Фрияны, принесил жертву богине Ардвисура (Яшт V, 63 и 81).

Вблизи моря Ворукаша тоже жили туранцы, предводителем которых являлся Арэджатаспа (Яшт V, 116–117). Когда описывается юность Заратуштры, вновь обнаруживается, что его земляки туранцы, среди которых имеются «праведные» люди [6: 84–85].

Таким образом, есть все основания полагать, что Заратустра был туранцем и его родина Арианам-Вайджа находилась в прибайкальских степях. В связи с тем, что он свои проповеди начал еще на родине, то логично думать, что Гаты сложены не на древнеперсидском, а на туранском (сакском) языке. Известно, что языки эти были родственными, но, разумеется, не тождественными. Однако исследователи, ошибочно считавшие Заратустру персом, при сопоставлении языка Гат с языком древнеперсидских надписей VI в. до н. э., выявленные значительные языковые расхождения объясняли «архаичностью» языка Гат. И на этом основании, т. е. обращая внимание на «архаичность» религиозных текстов, отодвигали эпоху деятельности Заратустры на несколько столетий назад, а иногда до середины II тыс. до н. э. Другой причиной отнесения эпохи Заратустры к более отдаленным временам служило то, что ни в одной из надписей ахеменидских царей имя Заратустры не упоминалось, хотя все восхваляли Ахура Мазду превыше других богов. Видимо, причина этого тоже кроется в этнической принадлежности Заратустры; в Авесте туранцы считаются яркими врагами «истинной веры и противниками иранцев». Кроме того, для ахеменидских царей туранцы были представителями «варварской периферии».

Тем не менее после прихода к власти Дарий I старался распространить учение Заратустры, но он встретил сильное сопротивление влиятельных вельмож Персии и не хотел вступать с ними в открытый конфликт. Поэтому распространение зороастризма в Иране в эпоху Ахеменидов по существу ограничилось властной верхушкой.

А народные массы по-прежнему поклонялись древним божествам природы — Митре (богу солнца), Анахите (богине воды и плодородия)

и т. д. Ахеменидские цари, оценив преимущества учения Заратустры как официальной религии, тем не менее не отказались от культов древних богов, которым поклонялись персидские племена. Если у Заратустры Ахура Мазда стал, по существу, единственным богом, а Митра и другие древние боги были объявлены злыми духами, начиная с самого Дария I Ахура Мазда единственным не был, хотя он и почитался выше остальных божеств. Например, Дарий I заявляет в Бехистунской надписи, что Ахура Мазда и другие боги, которые «существуют», помогали ему захватить власть. Позднее, в надписях Артаксеркса II и III, наряду с Ахура Маздой, упоминаются в качестве почитаемых Митра и Анихита. В дальнейшем к ним добавляются и другие древнеиранские божества — Веретрегна, Тир, Хаома Дрваспа, Рашн, Фраварти, Вай, Апам Напат, которые Заратустрой были объявлены дэвами (злыми духами). Цари объявили их язятами («достойными почитания») и поставили ниже Ахура Мазды и Семи Бессмертных Святых, но дозволили обряды и поклонение, несоместимые с учением Заратустры.

Но в знак умиротворения был введен в гражданское летоисчисление календарь Заратустры, как более точный, дополнив названия его месяцев именами язатов Митры и Апам Напата, а также почитаемых народом духами предков Фраварти [б: 163–164].

Еще при Дарии I учение Заратустры начинает распространяться в Мидии, и мидийский город Рага постепенно превращается в центр зороастризма. До этого мидийские маги также придерживались своей древней религии. Однако после подавления восстания мидийского мага Фравартиш в 521 г. Дарий запретил магам совершать свои обряды и заставил их принять учение Заратустры. С целью проповедования новой религии в Мидию был послан один из ближайших соратников Заратустры и советник царя Джамаспа. В Авесте тоже об этом упомянуто: «В то время как остальные страны, признавшие высший авторитет Заратустры, имели собственную рату (судью), в стране Рага таковым является сам верховный глава даэна Заратуштри» [б: 38].

Видимо, Джамаспе удалось убедить мидийских магов в «истинности» новой религии, и они ее приняли. Имя Джамаспы вошло также в предание о происхождении Нооруза — самого главного зороастрийского праздника. Абу Рейхан Бируни (973–1048) об этом пишет: «Некий персидский ученый говорит, что причина наречения этого дня Ноурузом следующая: Сабии появились в дни царствования Тахмураса. Когда во-

царился Джамшид (Джамаспа. — *К.Г.*), он восстановил религию магов. Это дело, которое случилось в Ноуруз, было названо “новым днём” и его объявили праздником... А некоторые говорят, что Джамшид любил странствовать по разным местам и когда ему захотелось побывать в Азербайджане, он сел на золотой престол и люди понесли его на своих шеях. И когда лучи солнца упали на Джамшида, и люди увидели его, они восхитились и обрадовались и объявили этот день праздником» [3: 226]. Необходимо отметить, что в средневековой персидской литературе образ Джамшида отождествляется с Йимой — «прародителем человеческого рода и сыном солнца» в древнеиранской религии, что совершенно бесосновательно.

Таким образом, после того как Мидия или Азербайджан становятся религиозным центром зороастризма, маги начинают переносить сюда многие священные религиозные понятия и географические объекты зороастризма, в особенности те из них, которые находились на родине пророка. Например, понятия, связанные с горным хребтом Хара Березати (Баргузин) переносятся на гору Алборз, окружающую Рагу (вблизи Тегерана), и считается, что Заратуштра родился в этом городе. Именно этим можно объяснить двойственность ряда «географических понятий» в Авесте.

Мало информации о зороастризме сохранилось с периода конца ахеменидской эпохи до конца аршакидской (парфянской) эпохи (с 250 г. до н. э. по 224 г. н. э.). Тем не менее имеются сведения о наличии в Парфии храмов огня. Документы датированы на основании зороастрийского календаря. Нужно напомнить, что предки аршакидов еще при Заратустре и Виштапсе стали зороастрийцами. В Денкарте — более позднем зороастрийском сочинении IX в. — сообщается о том, что уцелевшие части авестийского канона (по зороастрийскому преданию, якобы уничтоженного Александром Македонским) были собраны при аршакидском царе Вологезе I, правившем в I в. Примерно с того же времени на аршакидских монетах появляются изображения алтарей огня.

Сасанидская эпоха (224–642) стала важным этапом в упорении позиции зороастризма в Иране. Еще с начала II в. на западных территориях Ирана появилось христианство, постепенно распространяясь и на другие области страны. Сасаниды, как и их предшественники аршакиды, вели непрекращавшиеся войны с римлянами. А христианское население Ирана не только не хотело воевать со своими единоверными братьями,

но иногда даже занималось шпионажем в пользу римлян. Официальный переход римского императора Константина в христианство сделало всех христиан подозрительными в глазах Сасанидов и, чтобы противостоять натиску христианства, они тоже решили иметь «религию писания». Поэтому в сасанидский период зороастризм становится государственной религией, хотя и в ней, наряду с культом Ахура Мазды, существенную роль играли культ Митры, Анахиты и Фраварти.

При Сасанидах (в VI в.) Авеста была отредактирована, кодифицирована и записана специально созданным для нее алфавитом из 49 букв. Таким образом, зороастризм во многом превратился в догматическую религию.

С VII в., со времени арабских завоеваний и утверждения ислама, зороастрийцы подвергались гонениям. Многие из них в VII–X вв. переселились из Ирана в Индию, особенно в Гуджарат, где они стали называться парсами. Оставшихся в Иране последователей зороастризма мусульмане называют гебрами. Именно парсами Индии в основном и сохранена уцелевшая часть Авесты, а также остатки некогда обширной зороастрийской литературы на среднеперсидском языке, включая переводы Авесты и комментариев к ней (зенд). Но в целом сохранившаяся до наших дней Авеста в 3–4 раза меньше той, что существовала после ее последней кодификации при Сасанидах.

Литература:

1. *Абаев В.И.* Скифский быт и реформа Зороастры // Archiv Orientalni. T. XXIV/1. Praha, 1956.
2. Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата / пер. с авестийского И.М. Стеблин-Каменского М., 1993.
3. *Беруни А.Р.* Памятники минувших поколений // Беруни А.Р. Изб. произведения / пер. и прим. М.А. Салье. Т. 1. Ташкент, 1957.
4. *Бочавар А.Л.* Планета Земля. М., 2002.
5. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
6. Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы / предисл., биографич. статьи, комментарии подг. А. Шапошниковым. М., 2008.
7. История Востока. Т. 1: Восток в древности. М., 1999.
8. История древнего мира / под ред. И.М. Дьяконова и др. Изд. 3-е. М., 1989.
9. *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

10. *Мартынов А.И.* Археология: учебник. М., 2002.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1. М., 2000.
12. <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/zoro...>
13. [wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BO%D0%BA%](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BO%D0%BA%)
14. i-bir.ru/barquzinskij-rajon/dostoprimechatelnosti/
15. <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BO%D>

М.Э. Дубровина

О синтаксических особенностях тюркских языков в сфере сложного предложения

Аннотация: Тюркские языки обладают своими особенностями, нередко отличающими их от других языков. Эти отличия могут быть типологическими: тюркские языки агглютинативные. Поэтому они могут представлять большой интерес для теоретических изысканий, поставляя экзотический материал, который зачастую не вписывается в привычные схемы. Статья содержит интересные факты из области тюркского синтаксиса и демонстрирует возможность языковой системы обходиться без привычных для индоевропейских языков придаточных предложений.

Ключевые слова: тюркские языки, синтаксис, сложноподчиненное предложение, придаточное предложение.

M.E. Dubrovina

A few words about the syntactic features of the Turkic languages in the sphere of complex sentences

Abstract: Turkic languages have their own characteristics, often distinguishing them from other languages. These differences can be typological: Turkic languages are agglutinative. Therefore, they can be of great interest for theoretical research, supplying exotic material that often does not fit into the usual schemes. The article contains interesting facts from the field of Turkic syntax and demonstrates the ability of the language system to do without the usual for Indo-European subordinate clauses.

Key words: Turkic languages, syntax, complex sentence, dependent clause.

Традиционно в тюркском языкознании было принято описывать языковой строй различных тюркских языков, опираясь на принятые в индоевропеистике схемы, т. е. в области синтаксиса привычным было выделять простые и сложные предложения. Во многих тюркологических исследованиях XIX и XX вв. можно найти разделы, в которых самым детальным образом представлена номенклатура сложноподчиненных

предложений обнаруживаемых в том или ином тюркском языке [1]. При этом под сложноподчиненными предложениями во многих случаях принимают высказывания, типа:

1. Киһи кэлбитигэр мин бардым. ‘Когда человек пришел, я ушел’.

Практически во всех тюркских языках есть особые глагольные формы, которые не имеют аналогов в европейских языках и поэтому трактуются по-разному. Анализируя высказывания, в которых они употреблены, исследователи отождествляют их со сказуемыми придаточных предложений, а всё высказывание, таким образом, относят к разряду сложноподчиненных. Нередко решающим в таких случаях является семантический эквивалент (перевод) такого тюркского высказывания на европейские языки, несмотря на то, что при таком подходе не будет видна разница между сложным предложением, в котором объединены два простых предложения.

По мнению Е.И. Убрятовой, «в якутском языке два или три предложения могут быть объединены в сложные предложения».

2. Киһи кэлбитэ, мин бардым. ‘Человек пришел, я ушел’ [13: 12].

Между двумя представленными выше высказываниями исследовательницей не проводится существенного различия: и первое, и второе она относит к сложным предложениям. А между тем, необходимо обратить внимание, что глагольные формы первых частей высказываний, которые означаются одинаковым термином «сказуемое», наделены принципиально разными аффиксами: словоформа *кэлбитэ* представляет собой форму времени [2: 309], а словоформа *кэлбитигэр* является глагольно-именной (инфинитной) формой с обстоятельственным значением. Аналогичным образом в группе сложноподчиненных предложений якутского языка оказываются следующие высказывания:

3. Киһи кэлээтинкытта мин бардым ‘Сразу, как только пришел человек, я пошел’.

4. Киһи кэллөһүнэ мин бардым ‘Когда (если) человек пришел, я пошел’.

Между тем, как и в этих случаях, глагольная форма первых частей высказываний представляет собой одну из деепричастных (или обстоятельственных) форм глагола. Можно констатировать, что во всех тюркских языках обнаруживаются высказывания, внутри которых присутствуют обороты, вводимые различными инфинитными формами глагола (причастиями, деепричастиями и т. д.).

Приведем аналогичные по семантике и форме примеры из современного турецкого языка:

5. Adam **geldi**, ben gittim ‘Человек **пришел**, я ушел’

6. Adam **geldiği zaman** ben gittim ‘**Когда** человек **пришел**, я ушел’

7. Adam **gelince** ben gittim ‘**Как только** человек **пришел**, я ушел’

8. Adam **gelmişken** ben gittim ‘**Раз уж (если)** человек **пришел**, я ушел’.

Только в первом высказывании выделенная глагольная словоформа представляет собой форму прошедшего времени, т. е. является финитной формой, все остальные словоформы — формы деепричастий или обстоятельственных конструкций, статус которых близок к деепричастиям.

Обнаруживаемые особенности подобных высказываний, прежде всего в сфере их морфологического оформления, вызвали у многих исследователей некоторые сомнения и подталкивали их к продолжению поисков по определению функциональной сущности этих конструкций. Именно поэтому вопрос о существовании в тюркских языках сложных предложений, а в частности придаточных, неоднократно выдвигался на передний план тюркологических изысканий. Как было отмечено выше, для этого было, по крайней мере, две основные причины. Во-первых, влияние синтаксиса индоевропейских языков и стремление описать новый язык по уже имеющимся традиционным схемам, а во-вторых, экзотичность самого тюркского материала. Ведь в высказываниях любого тюркского языка обнаруживаются довольно распространенные обороты, вводимые глагольными формами (причастиями, деепричастиями, масдарами и субстантивно-адъективными формами (САФ’ами)), которые могли иметь своего собственного субъекта. И именно вопрос: что представляют собой эти обороты — придаточные предложения или развернутые члены предложения, продолжает сохранять актуальность и до настоящего времени.

Исследователи по-разному пытаются ответить на этот вопрос: одни предлагают рассматривать эти конструкции как придаточные предложения, другие — как компоненты простого предложения. Первая точка зрения, основанная на логико-семантическом подходе к природе придаточных предложений, впервые была сформулирована М.А. Казем-Бекем, а впоследствии представлена в работах В. Гордлевского, А.К. Боровкова, Дж. Вадиди и в большинстве зарубежных тюркологов [12: 272–273].

Э.В. Севортян так поясняет суть логического (логико-семантического) подхода: если смысл тюркской конструкции соответствует в переводе русскому придаточному предложению, то и конструкцию независимо от ее формы также следует считать придаточным предложением [11: 122]. Однако, по его мнению, применение на практике этой точки зрения приводит «к стиранию всяких границ между атрибутивными и предикативными связями в языке, к подмене грамматического критерия логическим, т. е. к забвению специфики языка» [11: 123].

Диаметрально противоположная точка зрения базируется на подходе, который нередко называют формальным, так как он предполагает обязательное присутствие в предложении финитной формы. Однако об этом несколько позже.

Были среди ученых и пограничные мнения. Так, Ж. Дени выделил причастные, деепричастные и иные глагольно-именные конструкции в особую синтаксическую категорию, а сами подчинительные обороты именовал «квазипредложениями». Н.К. Дмитриев предполагал, что в тюркских языках внешняя связь между потенциально главным и потенциально придаточным предложением выражается причастной формой, которая и является сказуемым потенциального придаточного. Поэтому такие конструкции он называл придаточными предложениями особого рода.

Э.В. Севортян, отрицая как логический, так и формальный подходы к трактовке этих конструкций, призывает подходить к их объяснению через общую теорию предложения, т. е. утверждая, что в предложении важно не только наличие сказуемого, но и подлежащего. Далее ученый развивает мысль, что «невозможно говорить о каждой из этих структурных частей предложения без другой, так как лишь соединение их приводит к образованию самих категорий подлежащего и сказуемого [11: 123]. Кроме того, по его мнению, предложение отличается от атрибутивного словосочетания наличием предикативной связи между главными членами предложения. Э.В. Севортян полагает, что в тюркских языках предикативная связь может быть выражена как аналитически, так и синтетически. При аналитическом способе присутствуют два члена — подлежащее и сказуемое, — но сказуемое никак специально не оформлено (примеры 10, 13, 14), при синтетическом же способе связи подлежащее может быть опущено, тогда как сказуемое имеет обязательное морфологические оформление (примеры 9, 11, 12) [11: 125].

9. Тур. Ben doktorum. 'Я врач'.
10. Тур. Ali doktor. 'Али врач'.
11. Татар. Мин бар-ган+мын. 'Я ходил'.
12. татар. Синбар-ган+сын. 'Ты ходил'.
13. Диал. татар. Мин алган 'Я уже взял'.
14. Диал. татар. Синалган 'Ты уже взял'.

При аналитическом (лексическом) способе присутствуют оба члена — подлежащее и сказуемое — но сказуемое может не иметь специального морфологического оформления, т. е. не иметь финитной формы, при синтетическом же способе связи подлежащее может быть опущено, тогда как сказуемое имеет обязательное морфологическое оформление. Из этого ученый делает вывод, что «не имеет решающего значения то, как выражено сказуемое». С его точки зрения, «важно лишь, чтобы в той или иной форме была выражена связь подлежащего со сказуемым» [11: 125]. Очевидно, именно эти идеи легли в основу столь распространенного в настоящее время в тюркском языкознании убеждения, согласно которому сказуемое в тюркских придаточных предложениях тоже может быть оформлено не так, как обычное сказуемое, т. е. иметь не специальную финитную форму, а какие-то иные варианты, как то: причастную форму, деепричастную форму, форму обстоятельственной конструкции с послелогом или даже падежные формы от именных форм глагола. Однако в подобных заключениях необходимо соблюдать некую осторожность, чтобы не сделать выводов относительно явлений чужого языка, полагаясь на логику и устройство своего родного языка. Ведь видеть предикативную связь между существительным, передающим производителя действия, и деепричастием возможно только в том случае, если полагаться на русскую интерпретацию этого оборота. Дело в том, что в русском языке деепричастия не могут иметь своего производителя, который отличался бы от подлежащего, а в тюркских языках такое наблюдается практически при всех деепричастиях. Так, А.Н. Кононов специально отмечает: «Развернутое обстоятельство, выраженное деепричастием, является вторым центром предложения, при котором может быть **свой субъект** (выделено мной. — М.Д.) (действующее лицо)...» [9: 474]. Именно наличие своего субъекта затрудняет интерпретацию тюркских деепричастных оборотов на европейские языки, так как при переводе нельзя воспользоваться аналогичными деепричастными оборотами.

15. Ben odaya **girince** (o) sigarasını saklar. ‘Когда я **вхожу** в комнату, он прячет сигареты’. Букв. ‘Я, **войдя** в комнату, он прячет сигареты’.

А.Н. Кононов же отдельно отмечал, что «наличие своего субъекта при деепричастии не создает придаточного предложения; это — оборот, так как деепричастные формы не выделимы, т. е. не могут быть сказуемыми в составе предложения» [9: 474].

То же можно сказать и о тех оборотах внутри высказывания, глагольная форма которых имеет показатель той или иной обстоятельственной конструкции. Необходимо подчеркнуть, что согласно данным различных исследований, например, в современном турецком языке количество деепричастий и средств, близких по семантическим и грамматическим функциям, превышает 100 [6: 97].

16. **Ben doğmadan önce** arkamda sınırsız bir zaman vardı. (OP, BAK, 9). ‘**Перед тем, как я родился**, за мной было бесконечное время’.

17. **Onları üzdiğüm için** kendimi suçlu hissettim. (Elif Şafak. Aşk. S. 62) ‘Я чувствовал себя виноватым, **из-за того, что расстраивал их**’.

18. **Uyandığımda** hava kararıyordu (BK, GKB, 81). ‘**Когда я проснулся**, смеркалось’.

Кроме того, в тюркских языках помимо деепричастий или обстоятельственных конструкций развернутые обороты в высказывании могут вводить глагольно-именные формы, аналогов которым в европейских языках нет. В тюркологических работах такие именные формы глагола именуется субстантивно-адъективными формами, в виду наличия у них двух функций: субстантивной и адъективной [3: 62; 7; 8].

20. Тур. **Ona ...rasladığımı** anlattım. (BK, GKB, 63). ‘Я рассказал, **что я его встретил**’.

21. Тур. **Kedim yaklaştığımi** duymdu. (Информант). ‘Моя кошка почувствовала, **что я приближаюсь**’.

По нашему мнению, логический (логико-семантический) подход к толкованию сущности предложения, заключающийся в том, что если смысл тюркской конструкции соответствует в переводе русскому придаточному предложению, то и конструкцию независимо от ее формы также следует считать придаточным предложением [11: 122], едва ли можно признать оправданным. Более адекватным подходом в этом отношении признается так называемый формальный подход, при котором решающим критерием для выделения предложения является наличие финитной формы сказуемого (verbum finitum). Финитная форма — это

морфологическое средство выражения мысли, облеченной в форму суждения [4: 61]. Согласно данным логики, «смысловую» основу предложения как разновидности синтаксической конструкции составляет именно суждение [10: 230–253], т. е. мысль, содержащая информацию о субъекте и предикате одновременно. Но суждение лежит в основе всех предикативных высказываний, которые не обязательно должны быть собственно предложением. По мнению В.Г. Гузева, предикативные словосочетания отличаются от предложений тем, что в них суждение выражается лексическим путем, а не с помощью морфологических средств [5 : 56]. С этих позиций турецкое высказывание Ahmet asker ‘Ахмет — солдат’ не представляет собой предложения, так как в нем отсутствует финитная форма. Как представляется, финитная форма глагола или имени сформировалась в языке как маркер двучленной мысли, имеющей субъектно-предикатную структуру, и тем самым именно финитная форма позволяет коммуникантам кодировать мыслительное содержание максимально точно, максимально однозначно, ведь недаром иностранцам намного проще воспринимать те высказывания иностранной речи, в которых финитная форма присутствует.

Кроме того, при определении синтаксической сущности оборотов внутри высказывания, которые строятся не на базе финитной формы, а на базе инфинитных форм, необходимо выделить связь, которая возникает между этим оборотом и сказуемым. По нашему мнению, это атрибутивная связь, поэтому причастия, деепричастия и прочие именные формы глагола в тюркских языках возникают, прежде всего, как уточняющие средства, сродни определениям в европейских языках.

Таким образом, автор настоящего исследования полностью поддерживает точку зрения, согласно которой все тюркские обороты, построенные на базе инфинитных форм, т. е. причастий, деепричастий и т. д., даже если эти обороты имеют своего субъекта, необходимо отнести не к придаточным предложениям, а к компонентам простого предложения. [5: 56].

Источники и условные сокращения:

ОР, БАК — Orhan Pamuk. Benim Adım Kırmızı. 6. Baskı. İstanbul İletişim yayınları, 1999.

ЕŞ, А — Elif Şafak. Aşk.

ВК, ГКВ — Bilge Karasu. Göçmüş Kediler Bahçesi. 5. Baskı. İstanbul Metis yayınları, 1999.

Литература:

1. *Гаджиева Н.З.* Типология придаточных предложений в современном азербайджанском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III. Синтаксис. М., 1961. С. 166–221.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982.
3. *Гузев В.Г.* Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 56–61.
4. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л., 1990.
5. *Гузев В.Г.* Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // *Востоковедение. Филологические исследования*. Вып. 27. СПб., 2006. С. 40–63.
6. *Дениз-Йылмаз О.* Категория номинализации действия в турецком языке. СПб., 2006.
7. *Дубровина М.Э.* О термине «субстантивно-адъективная форма» (САФ) применительно к некоторым глагольно-именным формам тюркских языков // *Актуальные вопросы тюркологических исследований / под ред. Н.Н. Телицина, Й.Н. Шена*. СПб., 2016. С. 49–55.
8. *Дубровина М. Э., Мухитдинова Х.С.* Сравнительно-типологический анализ причастия с показателем *-gan* в узбекском языке // *Российская тюркология*. № 2 (11). 2011. М.; Казань, 2011. С. 41–47.
9. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
10. *Копнин П.В.* Диалектика, логика, наука. М., 1973.
11. *Севортян Э.В.* О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III. Синтаксис. М., 1961. С. 122–134.
12. *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Изд-е 2-е, испр. и доп. М., 1986.
13. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Книга первая. Новосибирск, 1976.

К.А. Жуков

**Пометки А.Н. Кононова на полях брошюры
И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»**

Аннотация: С начала 1920-х до начала 1930-х гг. Советская Россия рассматривала Турецкую республику — национальное светское государство, возникшее на обломках Османской империи, — как союзника в общей антиимпериалистической борьбе. Частью такого прагматичного подхода были попытки создания в СССР искусственного образа новой дружественной Турции. Например, некоторыми советскими учеными были поддержаны усилия Мустафы Кемала по выработке нового государственного мифа. Н.Я. Марр успешно распространял идеи относительно автохтонности турок в Малой Азии и средиземноморском регионе. Однако в период с начала 1940-х до начала 1950-х гг. позитивный образ Турции в СССР ушел в прошлое. Столь резкая перемена отражала изменение приоритетов в планах И.В. Сталина по послевоенному геополитическому переустройству Ближнего Востока. Соответственно, Турция в СССР стала рассматриваться в качестве преемника агрессивной Османской империи. Идеи покойного Н.Я. Марра, бывшего вождя советского языкознания, относительно «турецкого вопроса» вошли в противоречие с такой политикой. Таким образом, участие его последователей в лингвистических дискуссиях 1948–1950 гг. было обречено на провал. В статье рассматриваются критические антимарристские аргументы, которые содержатся в малоизвестной статье 1952 г. известного советского тюрколога А.Н. Кононова.

Ключевые слова: И.В. Сталин, Ататюрк, Н.Я. Марр, русско-турецкие отношения, лингвистика, востоковедение, история, Константинополь.

К.А. Zhukov

**A. Kononov's notes on the margins of Stalin's pamphlet
“Marxism and questions of linguistics”**

Abstract: From the beginning of the 1920s to the beginning of the 1930s, Soviet Russia considered Turkish Republic — a new national, secular state which had been founded on the remnants of the Ottoman Empire — as an ally in the common anti-imperialistic struggle. A part of such a pragmatic approach was the attempts to create an artificial image of a new friendly Turkey which were made in the USSR. For instance, Mustapha Kemal's efforts to develop a new state mythology were

supported by some Soviet scholars. Nicholas Ya. Marr successfully disseminated the opinions of autochthony of the Turks in Asia Minor and Mediterranean region. However, in the period from the beginning of the 1940s to the beginning of the 1950s the positive image of Turkey in the USSR ceased to exist. Such a drastic change reflected new priorities in Joseph Stalin's plans concerning the post-war geopolitical map of the Middle East. Consequently Turkey was to be seen by the USSR as successor of the aggressive Ottoman Empire. The opinions of Marr, the late chief of Soviet linguistics, concerning the "Turkish Question" proved to be harmful for such policy. Therefore participation of his followers (marrists) in the linguistic discussions in the years of 1948-1950 was doomed to failure. The present work deals with some anti-marrist arguments which can be found in a not widely known article of the year 1952 written by a famous Soviet turcologist Andrey N. Kononov.

Key words: I.V. Stalin, Atatürk, N.Ya. Marr, Russo-Turkish relations, Linguistics, Oriental studies, History, Constantinople.

Ознаменовавшая победу «лысенковщины» в биологии сессия ВАСХНИЛ (Москва, август 1948 г.) имела печальные последствия для всей советской науки. 22 октября 1948 г. в Ленинграде прошло совместное Открытое заседание Ученых советов Института языка и мышления имени Н.Я. Марра и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, после которого группа ленинградских лингвистов приступила к подготовке секретного документа: «Докладная записка в ЦК ВКП(б) о состоянии и задачах советского языковедения». Эта «Записка» была закончена в ноябре 1948 г. Работа шла под руководством А.В. Десницкой, С.Д. Кацнельсона и Ф.П. Филина (авторов таких разделов «Записки», как Раздел I. «Два направления в языковедении» и Раздел IX. «Выводы»). Общая редакция текста осуществлялась А.В. Десницкой. Недавно этот документ, его машинописный (не первый) экземпляр, был опубликован [7].

В упомянутую группу вошли два востоковеда. Первый — И.И. Цукерман, курдолог, старший научный сотрудник ИЯМ — стал автором Раздела «VIII. Изучение иранских языков», в котором в частности говорилось, что в СССР имеет место «явно неудовлетворительное положение в иранистике — области языкознания, которая с давних пор является опорным пунктом буржуазного формально-генетического метода. У нас в стране командное положение в области изучения иранских языков занимает чл.-корр. АН А.А. Фрейман — заведующий кафедрой иранской филологии ЛГУ и заведующий иранским кабинетом ИВ АН.

<...>. А.А. Фрейман в течение ряда лет вел открытую и злобную борьбу с Н.Я. Марром и его учением о языке. Только после Отечественной войны, боясь ответственности за свою деятельность, проф. Фрейман старательно инспирирует слухи о своем повороте в сторону Нового учения о языке <...>, в то же время полностью оставаясь на своих прежних порочных методологических позициях» [7: 349–350].

Вторым востоковедом-участником этой группы ленинградских лингвистов стал А.К. Боровков — тюрколог, заместитель директора ИВ АН СССР. В Разделе «V. Изучение тюркских языков» А.К. Боровков дает такое видение современного ему положения вещей в данной области: «Углубление исследовательских задач в области изучения тюркских языков выдвигает на очередь все требовательнее новые теоретические проблемы. Акад. Н.Я. Марром и акад. И.И. Мещаниновым намечены новые теоретические пути и в этой области, но развиваются они крайне недостаточно. Основные научные кадры не освободились от формализма и не выходят за рамки чисто эмпирических вопросов (чл.-корр. АН СССР С.Е. Малов, акад. В.А. Гордлевский, чл.-корр. АН СССР Н.К. Дмитриев, проф. К.К. Юдахин). Недостаточно проявили себя в теоретической области и наши специалисты новой формации, воспитанные школой акад. Н.Я. Марра (А.Н. Кононов, Н.А. Баскаков, Н.И. Урбатова [правильно: Убрятова Е.И. — *К.Ж.*], С. Джикиян [правильно: Джикия С.С. — *К.Ж.*] и др.). <...>. Из учеников Н.Я. Марра наиболее выдающимся в области тюркологии является чл.-корр. АН Узбекской ССР проф. А.К. Боровков, работающий в области истории и диалектологии узбекского языка. Отставание теоретических исследований сказалось и на критической работе. Не ведется борьба против реакционных фашистских пантюркистских установок, господствующих в современной Турции, против старой формальной школы и формально-генетического метода...» [7: 344–346].

Таким образом, по всем внешним признакам уже состоявшийся погром генетики в СССР должен был иметь свое продолжение на поприще языкознания. В этой связи необходимо сказать о тогдашней общей атмосфере в стране, и в Ленинграде в особенности. Летом 1949 г. начались аресты по так называемому «Ленинградскому делу». 30 сентября 1950 г. в Ленинграде состоялся суд над «центральной группой» фигурантов по этому делу. Было расстреляно шесть человек; 28 октября на московском процессе к смертной казни были приговорены еще 20 человек, в их числе бывший ректор ЛГУ А.А. Вознесенский. Всего по данному делу

по всей стране репрессиям были подвергнуты более 32 тыс. чел. [15: 95–96]. Сильнейший удар в том же 1949 г. был нанесен по университету и академической науке в Ленинграде. Востоковедение в стороне не осталось. Так, 6 ноября 1949 г. вновь был арестован и затем (13 сентября 1950 г.) осужден на 10 лет лагерей выдающийся тюрколог Л.Н. Гумилев. В своих письмах А.А. Ахматовой из лагеря он утверждал, что причиной ареста были доносы коллег: «...сидящие в Академии бездарники¹ определенно старались избавиться от меня, хотя бы путем самых фантастических и клеветнических измышлений. Они имели к тому же связи, и все завертелось...» [Цит. по: 4: 240].

В этой атмосфере сторонники «нового учения о языке» чувствовали себя вполне комфортно². В 1949 г. в Ленинграде на стене «Академического дома» (наб. Лейтенанта Шмидта, д. 1) появилась мемориальная доска в честь Н.Я. Марра, обсуждались перспективы издания десяти-томного собрания сочинений академика. В стране все громче звучали голоса приверженцев и создателей «аракчеевского режима в языкознании», призывавшие покончить с примиренческим отношением к враж-

¹ Читаем «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына: «Есть многие научные репутации в Москве и Ленинграде, <...> построенные на крови и костях. *Неблагодарность учеников*, пересекая пегою полосой нашу науку и технику в 30-е – 40-е годы, имела понятное объяснение: наука переходила от подлинных ученых и инженеров к скороспелым жадным *выдвиженцам*». Вот пример из области востоковедения того времени: «Когда разгромлен был институт буддийской культуры (все видные сотрудники арестованы), а руководитель его, академик Щербатской, умер — ученик Щербатского Кальянов пришел к вдове и убедил отдать ему книги и рукописи умершего — «иначе будет плохо: институт оказался шпионским центром». Завладев работами, он часть из них (а также работу Вострикова) издал под своей фамилией и тем прославился. <...> Сейчас не уследить, не перечислить все эти присвоенные работы, украденные изобретения...» [27: 777–778]. О талантливом тибетологе, индологе и буддологе А.И. Вострикове, расстрелянном в 1937 г., см.: [16: 106–107].

² Между тем причины для беспокойства у марристов уже были. Осенью 1949 г., после разгромной статьи в «Литературной газете» (14 сентября 1949) по поводу торжеств в ЛГПИ им. А.И. Герцена в честь 70-летия В.А. Десницкого, юбиляр был снят с должности заведующего кафедрой русской литературы [26: 74–75]. Известный революционер, «красный профессор» Десницкий был влиятельной фигурой: например, однотомник сочинений Пушкина под редакцией Б.В. Томашевского (Л., 1936), изданный к столетнему юбилею со дня смерти поэта (1937), сопровождался вступительной статьей Десницкого «Пушкин и мы», в которой были сформулированы новые советские идеологические установки в отношении творчества и личности поэта. В год очередного Пушкинского юбилея, а также 70-летия самого И.В. Сталина, это влияние закончилось. Понятно, что опала Десницкого не могла не сказаться на судьбе упоминавшейся выше «Записки» ленинградских лингвистов, одним из авторов которой была его дочь — А.В. Десницкая.

дебным влияниям в советской науке³; одновременно шла популяризация наследия «крупнейшего советского языковеда» [см., например: 31]. Наконец, в начале 1950 г. АН СССР провела специальную сессию в ознаменование 15-летней годовщины со дня смерти Н.Я. Марра.

И вдруг — все изменилось после появления заказанной Сталиным публикации А.С. Чикобава в газете «Правда» (9 мая) и выхода в свет в той же «Правде» двух статей самого И.В. Сталина (20 июня и 4 июля 1950 г.), вскоре изданных под общим заголовком «Марксизм и вопросы языкознания». В считанные недели в советском языкознании произошел «поворот кругом».

До настоящего времени причины такого неожиданного поступка И.В. Сталина, в сущности спасшего отечественную лингвистику от грозящего ей окончательного разгрома, в известных нам работах по истории советской науки не получили удовлетворительного объяснения. В.М. Алпатов, автор содержательной книги о Марре и марризме, пишет, например: «...многое из того, что произошло, мы, конечно, никогда теперь уже не узнаем...» [1: 181].

Как представляется, все дело в том, что ответ на вопрос: почему Сталин выступил по вопросам языкознания, следует искать отнюдь не в сфере языкознания. Тот же В.М. Алпатов, отмечает, что вполне правдоподобную версию высказывает автор книги о Марре француз Р. Лермит: «Космические идеи Марра, его национальный нигилизм, пренебрежение к русской науке не соответствовали идеологической линии Сталина военных и послевоенных лет...»⁴ [1: 183].

В целом разделяя мнение о том, что основные причины данного сталинского поступка кроются в «экстралингвистических» факторах, мы, однако, делаем акцент на особенностях внешнеполитической обстановки в послевоенное время и, в первую очередь, уделяем внимание специфике советско-турецких отношений, рассматривая их динамику во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг. На наш взгляд, совершенно очевидно, что пафос последних работ Н.Я. Марра, в начале 1930-х гг. активно поддерживавшего официальную историческую и лингвистическую

³ «Н.Я. Марр подверг уничтожающей критике основы методологии индоевропеистики, показал ее расистскую, антинародную сущность», — заявляла, например, А.В. Десницкая [6: 467].

⁴ В примечании ко второму изданию своей книги (первое вышло в 1991 г.) исследователь пишет: «...сейчас именно эта причина вмешательства Сталина мне представляется главной, хотя она не исключает других» [1: 245].

теорию кемалистов, в послевоенный период вступил в явное противоречие с новыми идеологическими установками Сталина, разрабатывавшимися параллельно с планами политического переустройства Ближнего Востока⁵. Настоящая работа, в которой дается обоснование нашей позиции, состоит из трех основных частей, в которых рассматриваются следующие темы: 1) специфика внешне- и внутривосточного контекста, сделавшего удар по марризму в СССР неизбежным; 2) позиция А.Н. Кононова в отношении установок Н.Я. Марра по «турецкому вопросу»; 3) некоторые последствия борьбы с марризмом для гуманитарных наук в Ленинграде.

I. Внешне- и внутривосточный контекст

Известный востоковед И.М. Дьяконов вспоминает, как в 1946 г. он «подрядился» написать для Азербайджана «Историю Мидии». «Все тогда искали предков познатнее и подревнее, — пишет мемуарист, — и азербайджанцы надеялись, что мидяне — их древние предки. <...>. Незадолго перед тем началась серия юбилеев великих поэтов народов СССР. Перед войной отгремел юбилей армянского эпоса Давида Сасунского (дата которого вообще-то неизвестна) — хвостик этого я захватил в 1939 г. во время экспедиции на раскопки Кармир-блур. А сейчас в Азербайджане готовился юбилей великого поэта Низами...» [8: 731].

Заметную роль в этих юбилейных торжествах сыграл директор Государственного Эрмитажа И.А. Орбели, в июле 1937 г. назначенный также на должность директора Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР. Хронологию его активности в эти годы можно восстановить по недавно опубликованной биографии академика, составленной в конце ноября 1939 г. одной из его ближайших постоянных сотрудниц К.В. Тревер: «В начале 1937 г. [И.А. Орбели] принимал участие в организационных работах Академии наук по празднованию юбилея Руставели. <...>. В 1938 г. был избран Академией наук на должность Председателя Армянского филиала Академии наук. <...>. В декабре ездил в командировку в Ереван, где принимал участие в работах комиссии по окончательной сводке вариантов текста эпоса “Давид Сасунский”. В Ереване прочел два доклада. <...>. Прочел в начале года ряд научных докладов о “Давиде Сасунском”: на Отделении общественных наук Академии наук, на специальном заседании в Союзе писателей (Москва)

⁵ Удивительным образом этот аспект ускользнул от внимания В.М. Алпатова, сына известной советской византистки З.В. Удальцовой — одного из авторов седьмого («константинопольского») выпуска «Византийского временника» за 1953 г.

и на заседании Ленинградского юбилейного комитета по “Давиду Сасунскому”. <...> В качестве заместителя председателя Республиканского оргкомитета по празднованию 1000-летия армянского эпоса “Давид Сасунский” и как член юбилейного комитета Союза писателей в течение всего года (до сентября) принимал участие в различных заседаниях, совещаниях и вел работы по изучению эпоса, по редактированию и изданию армянского текста и русского перевода, подготовке статей научных и популярных, изданию альбома древней армянской архитектуры, изготовлению юбилейного значка, фарфоровой юбилейной плакетки и т. п. С 10 сентября по 12 октября находился в Армении; здесь, в Ереване, провел сессию Армянского филиала Академии наук, посвященную 1000-летию юбилею эпоса “Давид Сасунский”, и сделал на одном из заседаний доклад об эпосе; затем в Ереване же принимал участие в работах VII пленума Правления Союза советских писателей СССР, посвященного этому же юбилею, сделав доклад “Эпос Давид Сасунский и мировой эпос”» [5: 34–35].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что кульминация этих юбилейных мероприятий пришлось на первые дни Второй мировой войны. Пафос армянского героического эпоса (борьба с иноземными захватчиками) органично вписывался в общий политический и духовный контекст эпохи. В этой связи будет интересно обратиться к ближневосточной тематике, в частности взглянуть на состояние советско-турецких отношений в предвоенное время. Нетрудно заметить, что их «золотой век» был уже позади. Пик этих отношений пришелся на осень 1933 г., когда Турцию посетила советская правительственная делегация, прибывшая на празднование десятилетнего юбилея Турецкой Республики. 29 октября К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный принимали военный парад в Анкаре вместе с основателем новой Турции Мустафой Кемалем (Ататюрком). По итогам этого визита кинорежиссером С.И. Юткевичем был создан документальный фильм «Анкара — сердце Турции» (1934), в котором демонстрировались впечатляющие успехи южного соседа, в тяжелой национально-освободительной борьбе с империалистами отстаивавшего свою независимость. Вверх пошло экономическое и культурное сотрудничество между двумя странами. В эти годы в Турции «побывала почти вся элита советской интеллигенции того времени» [10: 177–178]. В их числе были такие представители советской науки, как Н.Я. Марр, А.Н. Самойлович, И.И. Мещанинов, Х.З. Габидуллин и мн. др.

Советско-турецкая дружба стремительно пошла на убыль в 1937 г., что самым трагическим образом отразилось на судьбе многих людей, олицетворявших годы ее подъема, в том числе востоковедов. В мае 1937 г. был отозван в Москву и вскоре расстрелян посол СССР в Турции в 1934–1937 гг. Л.М. Карахан. А.Н. Самойлович, директор ИВ АН СССР в 1934–1937 гг., был расстрелян в 1938 г. В 1937 г. был расстрелян его коллега-тюрколог, профессор МГУ Х.З. Габидуллин. В 1942 г. погиб в лагере для политзаключенных автор известных работ о кемалистской Турции, дипломат Г.А. Астахов (Ю. Тишанский)⁶. В последний год жизни Ататюрка (1938 г.) советские консульства были закрыты в Измире и Карсе, турецкие — в Ленинграде, Одессе, Баку и Ереване.

Одновременно с этим наблюдалось сближение Турции с Англией, а также шло усиление германского влияния в Турции. 18 июня 1941 г. между Турцией и Германией был заключен договор «о дружбе и ненападении», а 25 июня Турция объявила о своем нейтралитете, фактически заняв враждебную по отношению к Советскому Союзу позицию. В стране заметно оживилась пантюркистская пропаганда, Турция поставляла в Германию стратегическое сырье, периодически нарушала международную Конвенцию Монтрё 1936 г. по Проливам. Наконец, осенью 1942 г. Турция сосредоточила вблизи советской границы 26 дивизий, что вынуждало СССР держать значительные вооруженные силы в Закавказье [10: 180–183; 196–199].

На таком внешнеполитическом фоне вполне понятен процесс стремительной возгонки национального самосознания в закавказских республиках, начавшийся «сверху» уже в предвоенный период. Тяга к поэтическим юбилеям, отмеченная И.М. Дьяконовым, когда все «искали предков познатнее и подревнее» (см. выше), имела, таким образом, вполне реальную политическую подоплеку и определялась тогдашней международной обстановкой. Таким образом, советская национальная, научная и культурная политика в этом регионе закладывала моральные и духовные основы под геополитические планы, вынашиваемые Кремлем на послевоенный период в отношении Ближнего Востока.

⁶ В эту обойму вполне мог попасть и А.Н. Кононов. 21 мая 1934 г. А.Н. Самойловичу из НКВД была отослана положительная резолюция на его рекомендацию Кононова для дипломатической работы в Турции. Предполагалось направить его в качестве секретаря-переводчика Генконсульства СССР в Смирну (Измир) [25: 464]. Однако поездка эта не состоялась, и в 1934 г. А.Н. Кононов приступил к работе в качестве преподавателя турецкого языка в ЛГУ.

Показательным примером в этом отношении может послужить история создания АН Армянской ССР. Обратимся в этой связи к мемуарам известного ученого, академика В.А. Амбарцумяна. Он вспоминает: «В Москве, в сентябре 1943 года <...> я случайно встретил Иосифа Орбели. Он был в прекрасном настроении и сообщил мне, что вопрос организации Академии наук Армении по существу решен. Торжественное открытие должно было состояться 29 ноября 1943 года. <...> Я понял, что Орбели — главный организатор Академии и что он хочет привлечь к работам Академии ученых-армян, живущих вне Армении. По всей видимости, он полагал, что сначала — важные лица, а потом уже придет дело. <...> До этого времени в Армении существовал Филиал Академии наук СССР, председателем которого был Иосиф Орбели. Филиал имел в своем составе несколько научных институтов, но его вес в советской науке был ничтожен. За пять лет своего существования он составил и опубликовал сборный текст эпоса «Давид Сасунский» и продолжил геологические исследования Ованеса Карапетяна. <...> В феврале 1944 года Орбели, я и академик Егиазарян отправились в Москву для консультаций с руководством Академии наук СССР и по некоторым конкретным делам. Там нам очень помог полномочный представитель Армении Пирюзян. Однажды он сообщил нам, что нас хочет видеть Анастас Микоян. Он нас принял в конце февраля в здании Министерства внешней торговли. <...> Он расспросил нас о наших планах и подчеркнул, что Академии наук Армении нужно обращать особенное внимание на развитие точных и технических наук. По нашей просьбе Микоян сделал несколько распоряжений по обеспечению лабораторий Академии импортными техническими средствами и приборами. Здесь он уже действовал как заместитель председателя Совета Министров. <...>

Микоян спросил нас также об издании армянских классиков. Известно, что наша Академия в последующие годы предприняла огромную работу в этом направлении. Он также заметил, что в ближайшее время нужно пополнить Академию членами-корреспондентами⁷. От Микояна мы вышли, окрыленные перспективами нашей Академии, и через несколько дней поездом вернулись в Ереван» [2].

Заслуживающим внимания представляется тот факт, что в памяти ученого-астрофизика отложились не только рассуждения Микояна о необходимости развивать в республике точные науки, но и его напутствен-

⁷ В 1945 г. одним из первых чл.-корр. АН Армянской ССР стал известный археолог, будущий многолетний директор Государственного Эрмитажа Б.Б. Пиотровский.

ные указания относительно «издания армянских классиков». Дата открытия АН Армянской ССР (21–29 ноября 1943 г.) совпала (очевидно, совсем не случайно) с важным политическим мероприятием. Именно в эти дни на Тегеранской конференции (21 ноября – 1 декабря 1943 г.) обсуждался вопрос о желательности вступления Турции в войну на стороне союзников. На этой конференции Сталин высказал сомнение в готовности турок воевать против немцев. Турция, говорил он Черчиллю и Рузвельту, «не вступит в войну, какое бы давление на нее ни оказывали». Спустя почти год, 15 июля 1944 г., Сталин телеграфировал Черчиллю следующее: «Ввиду занятой турецким правительством уклончивой и неясной политики в отношении Германии, лучше оставить Турцию в покое и предоставить ее своей воле... Это, конечно, означает, что и претензии Турции, уклонившейся от войны с Германией, на особые права в послевоенных делах также отпадут» [цит. по: 10: 200–202].

В тот период отношения двух стран регулировались целым комплексом международных и двусторонних документов, краеугольным камнем которых был Московский договор о дружбе и братстве от 16 марта 1921 г. В 1945 г. со стороны СССР был предпринят ряд попыток пересмотра правовой базы взаимных отношений. Обоснования таких действий готовились заранее, в том числе в сфере науки.

Академик Б.Б. Пиотровский вспоминает, например, как после возвращения из Москвы в Ереван осенью 1943 г. его вызвали в ЦК компартии Армении: «...меня вызвал С.К. Карапетян и сказал, что немецкая агитация активно использует “индоевропеизм” армян, объявляет их чуждым для Кавказа пришлым элементом, родственным европейцам. Он попросил меня сообщить ему последнюю научную точку зрения о происхождении армян. Мне пришлось этим вплотную заняться, хотя основные мои выводы об аборигенности армян были отражены в выходящей в печати моей книге»⁸ [19: 215].

В июне 1944 г. по приглашению первого секретаря ЦК компартии Армении Г. Арутинова известный советский историк Е.В. Тарле «как специалист в области русско-турецких отношений» (в это время Тарле уже завершил свой знаменитый двухтомник о Крымской войне) посетил Ереван, чтобы «обсудить перспективы воссоединения Западной Арме-

⁸ Речь идет о книге «История и культура Урарту» (Ереван, 1944), за которую в 1946 г. ее автору была присуждена Сталинская премия второй степени в области науки и техники. Позже появилась специальная брошюра Б.Б. Пиотровского по этому вопросу: «О происхождении армянского народа» (Ереван, 1946).

нии с Советской Арменией». По итогам поездки Тарле представил в ЦК ВКП(б) докладную записку. В ЦК состоялось обсуждение этого вопроса.

В марте 1945 г. советское правительство объявило о денонсации российско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете 1925 г., а 7 июня 1945 г. народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов принял в Кремле турецкого посла и выдвинул перед ним ряд требований: уступить Советскому Союзу территории, принадлежавшие России до 1914 г., разрешить строительство военной базы в Проливах и организовать совместный советско-турецкий контроль над ними. В декабре 1945 г., в советских средствах массовой информации началась кампания по территориальному вопросу, инициированная статьей академиков С.Н. Джанашия и Н.А. Бердзенишвили «О наших законных претензиях к Турции» («Коммунист», Тбилиси, 14 декабря 1945 г., на груз. яз). На следующий день эта статья в русском переводе появилась в тбилисской газете «Заря Востока», а 20 декабря 1945 г. ее опубликовали три центральные газеты: «Правда», «Известия» и «Красная Звезда» под заголовком, в котором изначальные «претензии» были заменены на «требования». Затем, 7 августа 1946 г., последовала советская нота Анкаре с предложением пересмотреть конвенцию Монтрё, а 21 ноября советским правительством было принято решение по вопросу о репатриации армян (в Советскую Армению в 1946–1948 гг. со всего мира прибыло около 100 тыс. чел.) [17; 3; 10: 204–210].

Результат такой политики СССР в отношении Турции, подкрепленной военными приготовлениями в 1946 г. и официальным объявлением о наличии у СССР ядерной бомбы, сделанным К.Е. Ворошиловым 8 марта 1950 г.,⁹ известен: тем самым для Турции была значительно облег-

⁹ Наносились также другие «психологические удары». Например, 12 февраля 1948 г. общее собрание АН СССР исключило известного турецкого литературоведа М.Ф. Кепрюлю из числа иностранных чл.-корр. за «клеветнические и враждебные Советскому Союзу выступления» [10: 210]. Кепрюлю стал чл.-корр. АН СССР еще в 1925 г. В 1927 г. в Стамбуле с ним встречался В.В. Бартольд, приглашенный в Турцию для чтения лекций. В письме А.Н. Самойловичу (Ленинград, 15 августа 1927) он описывает столкновение, участниками которого были М.Ф. Кепрюлю, с одной стороны, и преподаватель Стамбульского университета, писатель, издатель журнала «Акбаба» Юсуф Зия (Ортач), с другой. «Спор, — пишет Бартольд, — возник вследствие статей Юсуф-Зия-бека, *посредством обычных для турок лингвистических доводов* [курсив мой. — К.Ж.] старавшегося доказать турецкое происхождение греческой религии и культуры». Среди аргументов был, например, такой: имя древнегреческой богини Геры происходит от турецкого слова *уер* — «земля». «Началом полемики была несколько насмешливая критика Кепрюлюзаде, концом — взаимные ругательства и вмешательство студентов, обидевшихся на выражен-

чена задача присоединения к Западному блоку (в 1948 г. на Турцию был распространен «план Маршалла», в 1949 г. ее приняли в Совет Европы, а 17 октября 1951 г. Турция вступила в НАТО).

Неосуществившиеся планы Сталина отнюдь не ограничивались территориальным расширением Армении и Грузии за счет Турции и созданием просоветской республики в Северном Иране (Демократическая Республика Азербайджан просуществовала с ноября 1945 по ноябрь 1946 г.). Требования согласия Турции на создание советской военно-морской базы в Проливах на подступах к Стамбулу сочетались с такими действиями на внутреннем идеологическом фронте, которые позволяют сделать предположение о наличии в Кремле большого неоимперского плана.

И действительно, жесткая силовая дипломатия СССР в отношении Турции на международной арене внутри СССР подкреплялась вполне определенной политикой в сфере науки и культуры. Например, цикл последних исторических работ Е.В. Тарле был посвящен русско-турецким войнам, в частности действиям российского военно-морского флота в Черном и Средиземном морях. В это же время советский кинематограф отметил рядом исторических военных кинолент, получивших премии на престижных международных кинофестивалях: «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы» (1953), «Герои Шипки» (1954). В этом же ряду следует упомянуть советско-албанский фильм «Великий воин Албании Скандербег» (1953), режиссером которого был С. Юткевич, в свое время снявший «Анкару» (см. выше). Следует заметить, что в советской культуре образ Турции в заказном порядке начинает меняться уже в начале 1940-х гг. Вспомним в этой связи фигуру парашютиста-диверсанта (Неизвестный) из первой редакции (1942 г.) балета А. Хачатуряна «Гаянэ» (либретто К.Н. Державина — сына влиятельного марриста, академика Н.С. Державина). Однако послевоенный период принес очень важные новации. Теперь в массовом сознании граждан СССР республиканская Турция напрямую стала отождествляться с захватнической Османской империей, многовековой угнетательницей балканских и ближневосточных народов. Исходя из заданных идейных позиций, проводилась соответствующая линия в области исторической науки: например, в эти годы восстанавливается отечественное византиноведение:

ное Кепрюлюзаде сожаление, что такие перлы преподносятся университетским слушателям» [25: 169]. В 1950–1955 гг. М.Ф. Кепрюлю бесценно занимал пост министра иностранных дел Турции.

в частности в 1947 г. был возрожден научный ежегодник «Византийский временник». Его первый выпуск открывала статья «Движение народов из Центральной Азии в Европу. I: Турки; II: Монголы», автором которой был известный византист, специалист по Восточному вопросу, акад. Ф.И. Успенский.

Здесь надо сделать еще одно замечание. На первый взгляд, может показаться, что было бы непродуктивным искать мистические основы в действиях идейных материалистов — в данном случае коммунистического руководства СССР, однако факты свидетельствуют об обратном¹⁰. На историческом горизонте — важный хронологический рубеж: 29 мая 1953 г. (500 лет падения Константинополя). Хорошо известны многочисленные пророчества о грядущем отвоевании Константинополя, имевшие хождения в определенных слоях российского общества накануне Крымской войны (1853–1856). Очевидно, такие же мистические настроения были свойственны не только И.В. Сталину, умершему 5 марта 1953 г., но и части его ближайшего окружения. Вряд ли случайно «Заявление советского правительства об отсутствии территориальных претензий к Турции» прозвучало 30 мая 1953 г., т. е. ровно на следующий день после даты, оказавшейся в реальной жизни всего лишь очередной юбилейной годовщиной падения Константинополя.

По нашему убеждению, данный внешне- и внутривосточный политический контекст должен быть принят во внимание в первоочередном порядке при обсуждении вопроса о причинах выступления Сталина по проблемам языкознания. Именно он дает нам ответ на до сих пор не решенный в истории советской науки вопрос: почему учение Марра, долгие годы бывшее в СССР всесильным, стало вдруг абсолютно негодным на рубеже 1940-х – 1950-х гг. Видимо, совсем не случайно, что именно А.С. Чикобава, через которого Сталин инициировал кампанию против марризма, дал развернутую критику «Солнечной лингвистической теории» (*Гюнеш Диль Теориси*), разработанной в Турции в первой половине 1930-х гг. [32: 33–42]. При этом он не только сделал попытку связать ее возникновение с «достижениями» яфетической теории Н.Я. Марра, но и сделал общий политический вывод в отношении тогдашней официальной турецкой исторической концепции и лингвистической теории: «Турецкая историческая концепция, вопреки обще-

¹⁰ Чем, например, как не астрологическими вычислениями, можно объяснить одновременную закладку Сталинских высоток на московских холмах — ровно в 13:00 7 сентября 1947 г.?

известным фактам объявляющая турок “создателями” (!) и распространителями (!) культуры на всех пяти континентах, не что иное, как анкарский вариант гитлеровского расизма: там создателями цивилизации объявлялись долихоцефалы, здесь — в Анкаре — брахицефалы, там — северная раса, здесь — альпийская раса (из Центральной Азии, что то же, — турки!). <...> Турецкая лингвистическая теория Гюнеш-Дил — органическая часть “теории” турецких расистов, оставивших далеко позади себя пресловутых пантюркистов» [32: 41].

Итак, в 1920-е – первой половине 1930-х гг. СССР рассматривал Турецкую республику — национальное светское государство, возникшее на обломках Османской империи — как союзника в общей антиимпериалистической борьбе. В рамках такого прагматичного подхода в СССР были предприняты попытки искусственного создания образа новой дружественной Турции. В научной среде были поддержаны усилия Мустафы Кемалю по выработке нового государственного мифа. В частности в работах Н.Я. Марра активно популяризировались идеи относительно автохтонности турок в Малой Азии и средиземноморском регионе. Однако в 1940-е – в начале 1950-х гг. образ южного соседа был сменен в СССР с позитивного на негативный. Столь резкая перемена отражала изменение приоритетов в планах И.В. Сталина по геополитическому переустройству Ближнего Востока. Соответственно, в этот период Турция в СССР стала привычно отождествляться с агрессивной Османской империей. В новых исторических условиях взгляды бывшего вождя советского языкознания Н.Я. Марра на «турецкий вопрос» оказались вредными с точки зрения политической целесообразности, и, таким образом, участие его последователей в лингвистической дискуссии 1948–1950 гг. было заранее обречено на провал.

II. Позиция А.Н. Кононова

На первый взгляд, А.Н. Кононову как специалисту-тюркологу после выступлений Чикобава и других языковедов уже оставалась только конкретика, а именно: наглядно показать ошибки Н.Я. Марра по «турецкому вопросу». Однако все было не так просто. Дело в том, что турецкая «солнечная» или, как ее ранее называли в СССР, «соляная» лингвистическая теория в свое время уже была раскритикована советскими учеными, причем именно с позиций «нового учения о языке». Впервые это было сделано 29 августа 1936 г. на Третьем Лингвистическом конгрессе в Турции в коллективном докладе советской делегации. В ту делегацию

входили: теперешний главный маррист акад. И.И. Мещанинов и два расстрелянных в 1937–1938 гг. «врага народа» — акад. А.Н. Самойлович и проф. Х.З. Габидуллин. В этом коллективном докладе «в надлежащей дружественной форме» [поскольку теорию активно поддерживал сам Кемаль Ататюрк. — *К.Ж.*] выдвигались возражения против основных положений «солярной» теории. В частности «положению турецкой теории о происхождении всех культурных языков мира от одного языка противопоставлялось марксистское положение о развитии человеческого общества, а, следовательно, и языков, от множества к единству (а не наоборот)...» [24: 51–53].

По возвращении в СССР можно было уже не думать о форме критики: «На советских лингвистах и прежде всего на Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР лежит ответственнейшая перед мировой наукой обязанность самым внимательным образом изучать и критически оценивать появившиеся в свет и имеющие появиться труды по “солярной” теории, которые некоторыми турецкими лингвистами противопоставляются новому учению о языке Н.Я. Марра...» [24: 54].

Видимо, уже начиная что-то предчувствовать, А.Н. Самойлович все же привычно повторяет заключения своих предыдущих отчетов о поездках в Турцию: «...научные связи между Турецкой республикой и СССР, удачно развивавшиеся со времени поездки в Турцию в 1933 г. акад. Н.Я. Марра (имя которого президент республики Камаль Ататюрк упоминал с величайшим уважением) имеют весьма благоприятную почву для еще более широкого и интенсивного развития» [24: 55]. Как говорится, как в воду глядел.

Итак, критиковать марристов вслед за Чикобавой за то, что, дескать, породили «солнечную теорию», смысла не имело. Во-первых, это не соответствовало реальному положению вещей, а, во-вторых, такой подход не вполне соответствовал требованиям текущего момента. В чем, с точки зрения новых советских идеологических установок, заключалась главная ошибка/вина Н.Я. Марра? Ответ — в утверждении (причем без достаточных на то научных оснований) тезиса об автохтонности турок не только в Малой Азии, но и во всем средиземноморском регионе. Тезиса, который находился в абсолютном противоречии с новой линией И.В. Сталина в отношении Турции в сфере политики, науки и культуры. Критика именно этого псевдонаучного достижения Н.Я. Марра и составила главный пафос работы А.Н. Кононова.

Процесс подготовки к созданию такой специальной работы частично показывают пометки на полях принадлежавшего А.Н. Кононову экземпляра брошюры И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», сохранившегося в личном архиве автора данной статьи (экземпляр передан мною на кафедру тюркской филологии СПбГУ).

К этому времени А.Н. Кононов — уже авторитетный ученый в мире отечественной тюркологии. В 1948 г. состоялась защита его докторской диссертации; в 1949 г. он возглавил кафедру тюркской филологии Восточного факультета ЛГУ. В качестве ответственного редактора А.Н. Кононов готовит к печати первый выпуск «Тюркологического сборника» (в честь 70-летия С.Е. Малова). Сборник был подписан к печати 18 января 1951 г. Краткое предисловие, озаглавленное «От редакции», уже содержало общие фразы о новых основополагающих трудах И.В. Сталина в области языкознания [28: 3].

Сохранившиеся материалы показывают, что А.Н. Кононову пришлось освоить достаточно обширную литературу, появившуюся в 1950–1951 гг. по «сталинскому вкладу в языкознание», которая включала в себя не только статьи из специальных научных изданий, но и статьи и заметки, публиковавшиеся в советской периодической печати.

В ходе данной работы А.Н. Кононов заручился поддержкой основателя отечественной школы сравнительно-исторического иранского языкознания чл.-корр. АН СССР А.А. Фреймана, уже в самом начале 1951 г. опубликовавшего статью с критикой Н.Я. Марра и его учения.

В своей статье А.А. Фрейман дал толкование причин, приведших Н.Я. Марра и его последователей к печальным итогам на научном поприще: «...ко времени, когда сложилось научное мирозерцание Н.Я. Марра (к 90-м гг. прошлого столетия), науки истории грузинского и армянского языков почти не существовало (изучение памятников не может заменить прослеживание закономерностей в развитии языка). <...> Н.Я. Марр, исключительный знаток восточных языков, был в части своей прямой специальности, которую он представлял в университете, армяно-грузинской филологии, самоучкой, хотя грузинский язык был его родным языком; <...> общее, теоретическое языкознание не было предметом, изучение которого было обязательно для студентов факультета, на котором учился Н.Я. Марр. <...> И впоследствии он высокомерно проходил мимо заслуг русской языковедческой науки. Его сверстники — Фортунатов, Бодуэн-де-Куртенэ, Шахматов — оставались для

него всего лишь “индоевропейцами”, “формалистами”, у которых ему ни в чем, хотя бы в стремлении наблюдать развитие языка, поучаться было нечему¹¹. Замалчивание заслуг русской языковедческой науки, наблюдавшееся до самого последнего времени, следует приписать именно этой унаследованной черте Н.Я. Марра. Отсюда берет также свое начало лишь недавно прекратившееся замалчивание или несправедливая, по существу антиисторическая, не учитывающая обстановки критика представителей также и других разделов русской науки, в том числе востоковедения»¹² [29: 55].

Поскольку эта специальная работа А.Н. Кононова, а именно его статья «Вопросы изучения турецкого языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию» [13] была, по неизвестным нам причинам, пропущена в большинстве печатавшихся к юбилеям академика списков его научных трудов, представляется полезным в сокращенном виде изложить (с нашими комментариями) представленную в ней критическую аргументацию в адрес Н.Я. Марра.

В первую очередь, надо отметить, что, зная упомянутую выше работу А.Н. Самойловича и, вероятно, уже ознакомившись с аргументацией А.С. Чикобава о связи турецкой «Солнечной лингвистической теории» (*Gönetiş Dili Teorisi*) с новым учением Марра, Кононов не стал делать акцент на этом вопросе, ограничившись достаточно обтекаемыми формулировками: «На втором турецком лингвистическом конгрессе, состоявшемся в августе 1934 г. в Стамбуле, палеонтологический метод Н.Я. Марра популяризировался в специальном докладе¹³. <...> В этом докладе говорилось: “благодаря этому (= палеонтологическому) методу устанавливается, что турецкий язык является языком, имеющим отношение к доисторическим эпохам, и что он является основным источником исторических языков и языковых групп”. Турецкие лингвисты, ободренные Н.Я. Марром, идут в своих попытках доказать первородность турецкого языка значительно дальше его, для чего они ловко перера-

¹¹ А вот И.А. Бодуэну де Куртенэ пришлось обращаться к Н.Я. Марру «за разъяснением основ яфетической теории» [25: 540].

¹² Данная тенденция время от времени проявляет себя и в настоящее время. Показательный пример — почти незаметно прошедший 200-летний юбилей выдающегося тюрколога и организатора науки В.В. Григорьева (1816–1881).

¹³ Автором доклада «Турецкая палео-этимология» был Агоп Мартаян (Дильчар) — известный турецкий языковед, разработчик нового турецкого алфавита, первый генеральный секретарь Турецкого Лингвистического Общества, советник Мустафы Кемала по вопросам культуры, языка и науки.

батывают марровский палеонтологический метод исследования языков в “солнечную теорию”. <...> Если марровский палеоэтимологический метод опирался на четырехэлементный анализ, то турецкая “солнечная теория” исходит из одноэлементной основы всех слов всех языков» [13: 152]. Смысла углубляться в этот вопрос не было никакого, в том числе и потому, что в самой Турции после смерти Ататюрка (1938) эта теория «постепенно предавалась забвению» [13: 153].

Основное внимание, как мы уже говорили, было сосредоточено на другом. На первый план в статье выходили те действительные «достижения» Марра, которые в свое время объективно способствовали обоснованию тезиса об автохтонности турок в Малой Азии и шире — во всем Средиземноморье, что резко расходилось с идеологическими установками, господствующими в СССР в послемарровский период.

А.Н. Кононов пишет: «Средоточием мирового глоттогонического процесса Н.Я. Марр считал Средиземноморье, отсюда же он выводил и тюркские (по принятой в ту пору терминологии — турецкие) языки. Так было в 1926–1927 гг. Позднее, в 1933–1934 гг., Н.Я. Марр заявил, что без турок нельзя понять истории Средиземноморья. Теоретические ошибки неизбежно влекут за собою и ошибки практические. Н.Я. Марр, не поняв сугубо националистического характера кемалистской Турции, приняв рассуждения кемалистов о национальном возрождении за чистую монету, объективно помогал им подведением “теоретической” базы под их расистские, националистические бредни. <...> турецкий язык, повторяет за турецкими “учеными” Н.Я. Марр, — основа едва ли не всех языков, а по древности своего происхождения значительно старше греческого и латинского языков <...>. Начиная с тридцатых годов, особенно после создания в 1931 г. Общества по изучению турецкой истории <...> и Общества по изучению турецкого языка в 1932 г. <...>, все усилия турецкой науки направлены на установление прямого родства турецкого языка с языками хеттским, лидским, шумерским и др. Турецкие археологи своими раскопками должны были “подтвердить” и “подкрепить” усилия историков и лингвистов. <...>»

Н.Я. Марр, не понявший истинной природы пантюркизма, не уяснивший точной характеристики кемалистской революции, данной И.В. Сталиным [“верхущечная революция национальной торговой буржуазии, возникшая в борьбе с чужеземными империалистами”. — К.Ж.], не считаясь с историческими фактами, <...> повторяет: “предста-

вить себе Средиземноморье без турок или турок без Средиземноморья никак нельзя ни за какую исторически документированную эпоху” <...> Ничем не аргументированному положению “о нахождении турок в Средиземноморье до образования греко-римского мира, до возникновения греческого и латинского языков” Н.Я. Марр посвятил по существу весь отчет “О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье” [М.; Л., 1934. — К.Ж.]. Первые наброски этой точки зрения были изложены Н.Я. Марром в работе, опубликованной в 1927 г., “Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков”. Н.Я. Марр широко пропагандировал изложенную выше точку зрения на историю турок и Турции; эти идеи излагаются Н.Я. Марром по возвращении из Турции в газете “Вечерняя Москва” (22.07.1933) в статье под заголовком “Дружба наук” и в издававшемся на французском, английском и немецком языках журнале ВОКС’а “Советские новости” (1933, № 6). То же самое Н.Я. Марр повторил в газете “За коммунистическое просвещение” (16.VIII.1933)» [13: 149–152].

До каких пределов доходили псевдонаучные импровизации Н.Я. Марра в Турции, можно судить по такой «гениальной» догадке академика: «Измутительно интересный пример для иллюстрации тесных связей между турецким языком и одним из древних языков Малой Азии — лидийским — приведен Н.Я. Марром в его статье “К 50-летию смерти Карла Маркса”, в которой <...> на основании материалов поездки в Турцию в 1933 г. турецкое название своего рода “петрушки” — Kağagöz, разъяснявшееся по разному прежними исследователями турецкого теневого театра, сопоставляется Н.Я. Марром с именем известного лидийского царя Креза (Kröz)»¹⁴ [22: 119].

III. Post Scriptum. Некоторые итоги

В свое время И.М. Дьяконов написал о воспоминаниях О.М. Фрейденберг, что без них «молодые ученые, работающие шестьдесят лет спустя, и их позднейшие преемники не смогут понять, что такое был Н.Я. Марр, и поэтому не смогут понять и пути нашей гуманитарной науки 20–40-х годов» [9: 179]. Применительно к последующей истории ленинградской гуманитарной науки (а также музейного дела) такую же

¹⁴ Эта штука, пожалуй, даже сильнее, чем идея о происхождении имени богини Геры от турецкого слова *yer* (см. выше. Примеч. 9). Ну, как тут не согласиться с А.Н. Самойловичем: «Новая эра в туркологии только еще начинается. <...> Работы Н.Я. Марра открывают перед туркологией невиданно блестящие, совершенно новые, увлекательные перспективы» [22: 120].

характеристику можно применить и к ученику Марра, акад. И.А. Орбели¹⁵. Надо сказать, что оба академика одинаково оценили сталинский лозунг: «Кадры решают все!», поэтому совершенно не стеснялись совмещать многочисленные руководящие должности. Был период, например, когда Марр одновременно занимал 17 руководящих постов.

Своей карьерой И.А. Орбели со стороны начальства в основном был обязан двум людям: Н.Я. Марру и А.И. Микояну. Положение последнего пошатнулось весной 1949 г.¹⁶, когда он был снят с должности министра внешней торговли; затем его влияние пошло на убыль. Поэтому антимарровская кампания, начавшаяся в 1950 г., поставила И.А. Орбели перед нелегким выбором. По словам И.М. Дьяконова, «не любивший письменного стола Иосиф Абгарович», «материалист и борец за новое в науке», ощущал связь с Марром «как нечто безусловное, почти мистическое; день смерти Н.Я. Марра он справлял каждый год как день траура» [9: 178]. Орбели не присоединился к кампании всеобщего покаяния, заявив на заседании Ученого совета Государственного Эрмитажа 14 октября 1950 г., что в Эрмитаже не было культа Марра, а «было глубокое уважение к его заслугам» [34: 30]. В результате И.А. Орбели «пришлось снять с поста директора Эрмитажа, так как там он поссорился со всей остальной администрацией¹⁷ и не пускал к себе в кабинет даже заведующих секторами» [8: 733]. Став в 1953 г. старшим научным сотрудником ИЯ АН СССР, Орбели попытался заняться словарем курдов Ванского района, но дальше разбора старых материалов дело не пошло [19: 268].

Триумфальное возвращение И.А. Орбели на руководящие посты в ленинградской гуманитарной науке по времени совпадает со стремительным взлетом А.И. Микояна в период правления Н.С. Хрущева. В ноябре 1955 г. Орбели был назначен деканом Восточного факультета ЛГУ,

¹⁵ И Марр, и Орбели идеально вписывались в типичный образ академика, культивируемый советским кинематографом. Тут были и патриархальная борода, и постоянно падающее во время лекции пенсне, и безобидные чудачества, и особая манера общения («ну-с, батенька»). По понятным причинам приветствовался легкий кавказский акцент. Показная бытовая беспомощность академиков непременно должна была вызывать отклик и симпатию у простого народа: «ну, прямо, как ребенок!». Один из последних примеров такого рода — образ ихтиолога Лордкипанидзе, созданный В. Нинуа в фантастико-приключенческом фильме 1955–1956 гг. «Тайна двух океанов».

¹⁶ Его сын, С.А. Микоян, был женат на дочери А.А. Кузнецова, расстрелянного по «Ленинградскому делу».

¹⁷ Отставка Орбели произошла в августе 1951 г. «Стиль руководства И.А. Орбели уже не соответствовал времени. <...> Орбели был уверен в твердости своего положения. На самом деле все было иначе», — так пишет об этом Б.Б. Пиотровский [19: 263–264].

где с июля 1956 г. он стал также заведовать кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока. Наконец, в октябре 1956 г. академик был назначен заведующим вновь созданного ЛО ИВ АН СССР.

«Придя в Ленинградское отделение Института востоковедения, Иосиф Абгарович составил список нужных ему сотрудников — главным образом из талантливой университетской молодежи. Но этот список должен был еще быть утвержден в Москве. Однако каждый раз, как текст приготавливался для отправки в Москву, приходил секретарь парторганизации А.К. Боровков, вычеркивал ряд фамилий и вписывал другие. Орбели восстанавливал свой список, Боровков... — и так далее. В конце концов, И.А. проследил, чтобы его список ушел в Москву...», — вспоминает И.М. Дьяконов, также ставший сотрудником этого института [8: 733–734]. Одновременно с И.А. Орбели на руководящие посты вернулись многие из авторов приснопамятной «Докладной записки в ЦК ВКП(б) о состоянии и задачах советского языковедения». Так, в 1956 г. директором ЛО ИЯ АН СССР (бывший Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра) был назначен В.А. Аврорин. Тот же А.К. Боровков в 1959 г. стал его заместителем, а в 1961 г. — директором ЛО ИЯ. Боровкова сменила А.В. Десницкая (занимала эту должность с 1962 по 1976 гг.). Вернулся в ЛО ИЯ С.Д. Кацнельсон; по личному приглашению Орбели в 1957 г. сотрудником ЛО ИВ АН СССР стал И.И. Цукерман.

Академик И.А. Орбели скончался 2 февраля 1961 г. История назначения нового заведующего ЛО ИВ АН СССР представлена в мемуарах Ю.А. Петросяна. Судя по этим воспоминаниям, именно Ю.А. Петросян сыграл главную роль в том, что на освободившийся после смерти Орбели пост был назначен чл.-корр. АН СССР А.Н. Кононов [18: 51–54]. Весной 1963 г. из-за очередного обострения болезни А.Н. Кононов был вынужден оставить эту должность, и с этого времени в ЛО ИВ начинается эпоха директорства Ю.А. Петросяна (с 1963 по 1996 гг.).

В процессе активного мифотворчества¹⁸ формируется настоящий культ И.А. Орбели. Появляется «житийная» литература, в частности двумя изданиями была опубликована книга К.Н. Юзбашяна, из предисловия к которой читатель узнавал, что «деятельность исследователя — по крайней мере, в области гуманитарных наук — находит отражение,

¹⁸ Продуктом устного народного творчества являются в частности забавные истории — популярные в определенном сегменте академической среды «байки» об академике И.А. Орбели.

прежде всего, в его письменном наследии. <...> Но когда ученый одновременно и гражданин своего отечества, у которого высоко развито понимание общественного долга, и деятель культуры, и вдохновленный организатор научных исследований, когда его страстный темперамент и обаяние способны увлекать на научный подвиг, а яркая и образная речь вовлекать в науку непосвященных, тогда его жизнеописание не вмещается в рамках библиографического списка¹⁹. Служение науке и обществу находит отражение не только в изданных трудах, но и в публичных выступлениях, устройстве выставок, напутствии начинающему исследователю, остроумной догадке или парадоксе, оплодотворяющем новое в науке. <...> Таким ученым и был Иосиф Абгарович Орбели» [33: 3].

Попутно шла ползучая реабилитация Н.Я. Марра [см. 21: 239]. Второе издание уже процитированного нами апологетического сочинения автор дополнил фразой, однажды (по его словам) услышанной им от И.А. Орбели: «Вы ведь знаете, что за люди были на факультете... Но поверьте, гений был только один — Марр!» [34: 31].

Действительно, в те далекие времена на Восточном факультете работала целая плеяда выдающихся российских востоковедов, среди них — В.Р. Розен, В.В. Бартольд и мн. др. Однако, чьи же «гениальные» произведения (и тогда, и потом) можно было поставить на полку рядом с сочинениями В.В. Бартольда? Увы, при такой постановке вопроса любому возможному соискателю оставалось уповать только на «страстный темперамент». Прав В.М. Алпатов, когда говорит, что в отсутствие кавказоведов на Восточном факультете благожелательное отношение²⁰ и «уважение к Марру основывалось на тематике его исследований, а не на их научном уровне» [1: 13]. Известно, что «получить ценные результаты при раскопках может и любитель <...>. Но там, где речь шла о построении научной теории, там Марр не был ученым. У него был замечатель-

¹⁹ Наверное, именно поэтому в этой книге отсутствует положенный в изданиях подобного рода список научных трудов академика.

²⁰ Говоря о причинах благожелательного отношении к Марру университетской профессуры, не следует забывать тот факт, что Н.Я. Марр и В.В. Бартольд были женаты на сестрах известного ираниста В.А. Жуковского, декана Восточного факультета в 1902–1911 гг. Затем деканом был избран Н.Я. Марр (1911–1919). Об отношении Н.Я. Марра к университету в последующие годы О.М. Фрейденберг вспоминает при описании своих впечатлений от его лекций: «Читал Марр с 9 часов утра в “ректорском флигеле” и ни за что не хотел читать в самом здании университета: он страшно выходил из себя и кричал, что с этим зданием у него связаны воспоминания его гонений и обид» [30: 186].

ный талант проповедника, пророка, если угодно, шамана; многие его сочинения напоминают камлания» [1: 255].

В заключение — несколько слов о последствиях антимарровского выступления А.Н. Кононова для отечественной тюркологии. И здесь нам снова придется обратиться к мемуарам Ю.А. Петросяна. Вспоминая о своей совместной работе с Кононовым, Юрий Ашотович пишет: «...он одаривал меня весьма полезными максимами. Например, он любил повторять в трудных ситуациях: “Никогда не оправдывайтесь публично”» [18: 55]. Означает ли это, что Андрей Николаевич никогда не признавал своих ошибок? Нет, не означает. В своей антимарровской статье А.Н. Кононов публично взял на себя не только свою долю ответственности, но и высказался от лица всех здравых сил тогдашней отечественной тюркологии: «Тюркология в целом и ее раздел туркология не были свободны от влияния “нового учения” о языке Н.Я. Марра. Советские тюркологи, в том числе пишущий эти строки, несут ответственность за то, что они не подняли своего голоса против фальсификации Н.Я. Марром истории Средиземноморья, истории Турции, истории турецкого языка. Я не только ни разу не выступил с критикой “теории” Н.Я. Марра, но и сам цитировал работы Н.Я. Марра и его “учеников”...» [13: 154]. Этим поступком Кононов сделал серьезную заявку на роль будущего лидера советской тюркологии [см. 11; 12], которая после преодоления рецидива марризма обрела новое дыхание. В первую очередь, была успешно продолжена подготовка сравнительной грамматики тюркских языков, которая велась в Москве в ИЯ АН СССР под руководством чл.-корр. АН СССР Н.К. Дмитриева.

В качестве заведующего ЛО ИВ АН СССР А.Н. Кононов за два года своего руководства (1961–1963) превратил этот институт в стабильно функционирующее научное учреждение. Ю.А. Петросян вспоминает: «...при личном участии А.Н. Кононова были разработаны действующие до сих пор принципы описания рукописи и подготовки каталогов к печати. Немало внимания было уделено составлению программы публикаций наиболее ценных текстов исторических и литературных памятников народов Востока из нашей коллекции. Надо заметить, что все наиболее важные виды нашей деятельности в сфере восточной текстологии получили при А.Н. Кононове новый ощутимый импульс. Замечу, что такой же импульс получил при нем ученый совет Отделения, который стал регулярно собираться и обсуждать доклады по важнейшим научным и научно-организационным проблемам» [18: 56].

27 мая 1960 г. в Турции произошел военный переворот, после которого начался быстрый процесс²¹ восстановления советско-турецких отношений. Назначение на директорский пост весной 1961 г. известно-го тюрколога А.Н. Кононова идеально вписывалось в русло новой тенденции. Под влиянием Андрея Николаевича, ставшего действительным членом АН СССР в 1974 г., в 1970-х –1980-х гг. в ЛО ИВ АН СССР имел место своего рода расцвет тюркологии и османистики. Новый XXI век принес с собой новые веяния²², но это уже другая история.

В 2018 г. будет отмечаться весьма значимая дата для российской ориенталистики — 200-летие со дня создания в Петербурге Азиатского музея. А.Н. Кононов внес свой заметный вклад в изучение истории отечественного востоковедения. В первую очередь назовем его капитальный труд «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (издания 1972 и 1982 гг.). Полезным дополнением к этой работе стал его справочник «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период», второе издание которого вышло в 1989 г. А.Н. Кононов — один из авторов коллективного труда «Азиатский музей — ЛО ИВ АН СССР» (М., 1972) и ряда других работ. Теперь, когда научная деятельность А.Н. Кононова уже сама стала историей, для нас все более ясным становится масштаб его личности, в новом свете предстают его труды по истории изучения Востока в России. Надеемся, что в этом юбилейном для всего российского востоковедения году будет завершено описание научной библиотеки академика Кононова, которую Андрей Николаевич завещал ЛО ИВ (ныне ИВР РАН). Память о настоящих ученых всегда возвращается, как некоторое время назад вернулась

²¹ В 1960 г. в СССР в срочном порядке были опубликованы мемуары полномочного представителя в Турции в 1922–1923 гг. С.И. Аралова («Воспоминания советского дипломата»), рисующие позитивный образ Мустафы Кемала (Ататюрка) как большого друга Советской России.

²² После реорганизации, проведенной в 2007 г., и возникновения вместо прежнего Отделения (Филиала) самостоятельного Института восточных рукописей РАН такие научные направления, как тюркология и османистика в этом учреждении оказались на грани исчезновения. Вполне объяснима, таким образом, ошибка, допущенная в статье к очередному юбилею И.А. Орбели, в которой ее автор, нынешний директор ИВР РАН доктор исторических наук И.Ф. Попова, именует одного из своих предшественников, а именно Андрея Николаевича Кононова — Александром Николаевичем. Впрочем, эта оплошность в данной статье не единственная. Так, годом вступления на директорскую должность Ю.А. Петросяна ошибочно назван 1960 г., а назначение И.А. Орбели ученым секретарем Коллегии по делам музеев Наркомпроса отнесено к февралю 1917 года!?! [20: 6, 11].

на свое законное место мемориальная доска²³, в 1991 г. установленная на стене петербургского дома (Малая Морская, 4/1), где жил и работал выдающийся русский востоковед.

Литература и источники:

1. *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М.: Едиториал УРСС, 2004. Изд. 2-ое, доп. 288 с.
2. *Амбарцумян В.А.* Эпизоды жизни. Ереван: Гитутюн, НАН РА, 2001 // URL: http://ambartsumian.ru/patrimony/Memuari/Memuari_3.html
3. Бахревский Е.В. «Арапат — наш!..» // Совершенно секретно. № 4/381. Апрель 2016 // URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/5416>
4. *Беляков С.С.* Гумилев сын Гумилева. М.: Астрель, 2012.
5. Биография академика Иосифа Орбели / публ. подгот. С.Г. Гарибджаняном // Вестник общественных наук (Ереван). № 2. 2013. С. 26–38. URL: <http://raber.asj-oa.am/6147/1/26.pdf>
6. *Десницкая А.В.* Н.Я. Марр и задачи исторического языкознания // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1949. Т. VIII. Вып. 5. С. 467–473.
7. *Дружинин П.А.* Последствия сессии ВАСХНИЛ для филологической науки (секретная докладная записка ленинградских лингвистов в ЦК ВКП (б) // Литературный факт. № 3. История и исторические науки. 2017. С. 307–354 // URL: http://litfact.ru/images/3-2017/LF-2017-3_307-354_Druzhinin.pdf
8. *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995 // URL: http://uni-persona.srcs.msu.su/site/authors/djakonov/posl_gl.htm
9. Из наследия О.М. Фрейденберг. Дьяконов И.М. По поводу воспоминаний О.М. Фрейденберг о Н.Я. Марре // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука; ГРВЛ, 1988. С. 178–181.
10. *Еремеев Д.Е.* История Турецкой Республики с 1918 до наших дней. М.: Квадрига, 2017.
11. *Желтяков А.Д.* Академик А.Н. Кононов как историк русского и советского востоковедения // Turcologica 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1986. С. 10–22.
12. *Иванов С.Н.* Путь ученого // Turcologica 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1986. С. 3–6.

²³ В 2009 г. в связи со строительством наземного вестибюля станции метро «Адмиралтейская» мемориальная доска академику Кононову была демонтирована и передана на временное хранение в Музей городской скульптуры.

13. *Кононов А.Н.* Вопросы изучения турецкого языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию // Ученые записки Института востоковедения (АН СССР). Т. IV: Лингвистический сборник. М.: АН СССР, 1952. С. 147–164.

14. Андрей Николаевич Кононов / вст. ст. С.Н. Иванова. Библиография сост. А.П. Векиловым и Л.М. Жуковой (АН СССР. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия литературы и языка. Вып. 13). М.: Наука, 1980.

15. *Кузнецhevский В.Д.* «Ленинградское дело». М.: РИСИ, 2016.

16. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / изд. подг. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

17. *Мирзоян Г.* Советские правители Армении: От Геворга Алаханяна до Сурена Аратюняна. Эскиз седьмой: Аратюнян (Арутинов) Г.А. (1937–1953) // Ноев Ковчег. № 3 (138). Март 2009 // URL: <http://noevkovcheg.ru/mag/2009-03/1558.html>

18. *Петрoсян Ю.А.* Встречи и расставания (записки востоковеда). СПб.: Наука, 2002.

19. *Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995.

20. *Попова И.Ф.* И.А. Орбели в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР // Письменные памятники Востока. 2012. № 2 (17). С. 5–14 // URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/PPV_17_2_2012_01_popova.pdf

21. *Романовский С.И.* «Притащенная» наука. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

22. *Самойлович А.Н.* Туркология и новое учение о языке // Академия наук СССР — XLV академику Н.Я. Марру. М.; Л.: Изд. АН СССР. 1935. С. 113–120.

23. *Самойлович А.Н.* Второй Лингвистический конгресс в Турции и советско-турецкие научные отношения // Вестник АН СССР. 1935. № 1. С. 17–28.

24. *Самойлович А.Н.* Третий Лингвистический конгресс в Турции // Вестник АН СССР. 1936. № 11–12. С. 51–55.

25. Александр Николаевич Самойлович: научная переписка, биография / сост., автор статей и биографии Г.Ф. Благова. М.: Восточная литература, 2008.

26. *Смирнов С.Б.* Судьба петербургского интеллигента. Первый проректор Третьего Педагогического института в Петрограде Василий Алексеевич Десницкий // Вестник Герценовского университета. 2007. № 1. С. 66–77.
27. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Полное издание в одном томе / под ред. Н.Д. Солженицыной. М.: Альфа-Книга, 2010.
28. От редакции // Тюркологический сборник I. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 3–4.
29. *Фрейман А.А.* Сталинское учение о языке и иранское языкознание // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1951. Т. X. Вып. 1: январь–февраль. С. 50–65.
30. Из наследия О.М. Фрейденберг. Фрейденберг О.М. Воспоминания о Н.Я. Марре / публ. и коммент. Н.В. Брагинской // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука; ГРВЛ, 1988. С. 181–204.
31. *Цукерман И.И.* Крупнейший советский языковед Н.Я. Марр: к 85-летию со дня рождения [АН СССР. Научно-популярная серия]. М.; Л.: АН СССР. 1950.
32. *Чикобава А.С.* К вопросу об историзме в языкознании // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Сб. ст. Ч. II. М.: АН СССР, 1952. С. 7–44.
33. *Юзбашян К.Н.* Академик Иосиф Абгарович Орбели. М.: Наука, 1964.
34. *Юзбашян К.Н.* Академик Иосиф Абгарович Орбели. 1887–1961. М.: Наука, 1986. 2-е изд., доп.

Ш.Н. Камалова

К вопросу о предикативных конструкциях в языке ДТРП

On the question of predicative constructions in the language of the ATRM

Задачей данной статьи является структурно-семантическое описание одной синтаксической модели, компоненты которой связаны между собой предикативной связью. Автор статьи полностью разделяет одно из традиционных убеждений в языкознании, согласно которому в синтаксической подсистеме языка имеется всего лишь три типа наиболее общих синтаксических структур — моделей синтаксических конструкций, внутри которых возникает определенная связь: копулятивная структура, атрибутивная структура и предикативная структура.

В данной статье представлен анализ предикативных моделей в ДТРП, которые еще недостаточно изучены. Главная задача состоит в том, чтобы выделить элементы этой системы и показать их единую грамматическую и лингвистическую сущность.

В каждом языке существует относительно небольшое число «образцов», используя которые, говорящие на нем люди строят бесконечное множество самых разнообразных фраз. В научном описании их представляют модели, в которых фиксируются все необходимые и достаточные компоненты правильных фраз и отношения между ними. Исходя из фундаментального разграничения языка и речи, необходимо признать, что в основе любого конкретного речевого высказывания, лежит типовая модель.

Необходимо осознавать, что все многообразие конкретных предикативных высказываний в речи сводится к абстрактной модели, состоящей из двух компонентов — субъекта и предиката. Таким образом, схема любого предикативного высказывания может быть изображена в виде условных знаков: S + P. Общая синтаксическая модель «субъект – предикат» в сознании носителей языка может быть представлена, по меньшей мере, двумя основными моделями:

1. Субъект – Именной предикат.
2. Субъект – Глагольный предикат.

Для удобства восприятия в настоящей работе для обозначения первого типа предикативной модели принимается схема $S + P_n$ (предикат имя), а для второго типа — $S + P_v$ (предикат глагол).

Рассмотрим элементарные предикативные конструкции, которые возможно обнаружить в текстах памятников. Самыми элементарными реализациями конструкции типа $S + P$ выступают простые нераспространенные высказывания. Так, например:

Атым Äl Tuğan Tutuq. (E1) «Мое имя Эль-Туган-Тутук».

Ю.К. Капустина

Новеллистика Ахмеда Хамди Танпынара

Ahmet Hamdi Tanpınar's shortstories

Ахмед Хамди Танпынар (23 июня 1901 – 24 января 1962) — выдающийся писатель, один из первых представителей турецкого модернизма. Сам Танпынар считал себя прежде всего поэтом. Но в наши дни, что интересно, он больше известен как романист. Помимо этого он был прекрасным эссеистом, литературоведом, преподавателем, а также некоторое время занимался политикой и был членом парламента.

Среди всех этих многочисленных ипостасей: поэт, романист, эссеист, литературовед, политик — есть и Ахмед Хамди Танпынар-новеллист. О новеллистическом творчестве нам бы и хотелось поговорить подробнее.

Большинство новелл писателя объединено в два сборника «Грезы Абдуллаха Эфенди» (Abdullah Efendinin Rüyalari) и «Летний дождь» (Yaz yağmuru). Если попробовать распределить их в хронологическом порядке, то получится примерно такой список:

- Geçmiş Zaman Elbiseleri (Наряды былых лет), июль 1936
- Erzurumlu Tahsin (Тахсин из Эрзурума), апрель 1937
- Bir Yol (Дорога), май 1937
- Abdullah Efendi'nin Rüyalari (Грезы Абдуллаха Эфенди), сентябрь 1941
- Evin Sahibi (Хозяин дома), декабрь 1942
- Yaz Yağmuru (Летний дождь), 1945
- Emirgan'da Akşam Saati (Вечер в Эмиргане), январь 1945
- Fal (Гадание), ноябрь 1946
- Bir Tren Yolculuğu (Однажды в поезде), осень 1947
- Adem'le Havva (Адам и Ева), весна 1948
- Acıbademdeki Köşk (Особняк в Аджиабадеме), осень 1949
- Yaz Gecesi (Летняя ночь), зима 1951
- Rüyalari (Сны), зима 1952.

Хронология, конечно, не дает особой характеристики новеллистике Тан-пынара, но мы можем заметить, что за 16 лет он написал лишь

14 новелл. К тому же указанные даты, в большинстве своем, — даты публикации, а не написания новелл. Так, сам писатель отмечал, что новелла «Грёзы Абдуллаха Эфенди» была написана в 1935 г., а опубликована она была только через шесть лет. Следовательно, на создание этих произведений у автора могло уйти и большее количество времени. Это позволяет нам убедиться в том, что в создании художественных произведений Ахмед Хамди Танпынар никогда не видел источник дохода, а писал медленно и вдумчиво. В своем письме Яшару Наби Ахмед Хамди Танпынар упоминает: «Я пишу медленно и с трудом. Часто исправляю написанное, <...> если я решаю какое-то время не писать, то мне требуются месяцы, чтобы начать снова» [Здесь и далее перевод мой. — Ю.К.] [2: 308].

При написании новелл Танпынар не придерживался какого-то одного типа, канона, стиля повествования. Как и стихи, каждая новелла ищет и обретает свою собственную форму. Кроме того, Танпынару был не свойственен характерный для того времени жанр короткого рассказа. Объем большинства его новелл превышает 40 страниц, и можно сказать, что они тяготеют к повести или даже роману.

Что касается лица, от которого ведется повествование, то здесь тоже нет единства. В некоторых новеллах функция нарратора передается одному из персонажей, а в других повествование ведется от третьего лица.

В своих новеллах Ахмед Хамди Танпынар активно применяет технику потока сознания, его произведениям свойственен интерес к внутреннему миру персонажа, миру его чувств, особенностям восприятия окружающего, к работе памяти и сознания. Интерес к развитию чувств заменяет собой интерес к развитию событий. В качестве иллюстрации можно привести строки из новеллы «Вечер в Эмиржане»: «Он подумал о том, что приближается осень, но хотел сказать что-то другое. Он произнес про себя: “Это не то, о чем я думал. Я собирался сказать, что уже вечерет. Выходит, человек может думать о двух вещах одновременно. А может и сразу о нескольких, кто знает. Потому-то мы иногда и бываем загадочными, потому и не можем поладить”» [1: 295]. Или «Грёзы Абдуллаха Эфенди»: «И Абдуллах Эфенди следовал за своими друзьями в темноте узких улиц, представляя женское тело, которое поможет ему забыть убогость этой ночи, воображая изящное существо, которое, словно мифический челн, принесет свет, покой и любовь в темноту момента, который он переживал» [1: 27].

В новеллах Танпынара много автобиографичных моментов и символов, связанных с его воспоминаниями. Примером может послужить образ пещеры, появляющийся в «Летнем дожде». Герой сравнивает с пещерой кабинку на пляже: «Теперь Сабри вспоминал ее больше как морскую пещеру. Морскую пещеру, которая в ритме пульсации волн то наполняется светом, то погружается во мрак» [1:192]. Некоторые исследователи видят в этом образе отсылку к мифу о пещере Платона, другие проводят прямую параллель с пещерой, которую Танпынар видел в Анталье и о которой в одном из писем сообщал: «Я увидел морскую пещеру Гюверджинлик. Она то освещалась, то темнела под натиском волн. Эта пещера стала для меня очень важным образом. Но, как я уже сказал, тогда я был не в состоянии превратить увиденное в настоящее открытие. Однако тема грез, которая является основой моей эстетики, отчасти связана с этой пещерой» [2: 350]. Образ пещеры возникает и в романе «Спокойствие» (Huzur) (Главный герой Мюмтаз часами молча наблюдал за тем, как волны бьются у входа в пещеру, и рассказывал, что это сводило его с ума).

Действия новеллы «Тахсин из Эрзурума» разворачиваются на фоне событий, которые Танпынару пришлось пережить, когда он работал преподавателем в Эрзуруме (1923–24).

Параллели с жизнью писателя есть и в новелле «Хозяин дома». Так, прототипом одной из героинь является служанка Гюльбюй, которую Танпынар описывал в воспоминаниях о Керкюке. Именно она в Мосуле сообщила будущему писателю о смерти матери. Главный герой вышеупомянутой новеллы родился в особняке своего дедушки Раифа Паши в Мосуле. Он рано потерял родителей и знал о них со слов полусумасшедшей невольницы. Многие описания дома, матери, отца, бабушки писателя, которые читатель находит в воспоминаниях о Керкюке, были вплетены в повествование новеллы «Хозяин дома».

В воспоминаниях о Керкюке Танпынар пишет несколько фраз, которые могут дать некоторое разъяснение: «Вся правда в том, что некое произведение находится в нас всю нашу жизнь. Почему я не записываю воспоминания Гюльбюй, как они есть? Если бы я так сделал получился бы фольклор. Пропала бы вся символичность, которую я так ценю и стремлюсь вложить в каждое свое произведение. Поэтому я поменял героев и место действия. Несмотря на то, что в произведении события происходят в Мосуле, описываемый дом — второй дом в Керкюке.

Комната, в которой престарелый отец плакал, склонившись над игрушками дочери, — это комната, в которой я ловил воробьев» [2: 346].

К сожалению, формат доклада не позволяет нам рассмотреть все образы, проходящие через творчество Танпынара в целом и новеллистику в частности, поэтому последнее, на что мы обратим здесь внимание, — мотив рока и судьбы, который очень четко прослеживается в большинстве новелл Танпынара. Герои всех новелл сборника — заурядные, ничем не примечательные личности, а происходящее с ними не провоцируют сами герои, беды, несчастья и проблемы просто неожиданно обрушиваются на них. Неприязнь героя заглавной новеллы Абдуллаха Эфенди по отношению к миру вызвана тем, что, как он полагает, его судьба слишком проста для его великого духа: «это была маленькая судьба, эта маленькая судьба была предначертана великому духу...» [1: 36]. Он чувствует, что не реализовал свои желания, не смог удовлетворить свое чувство величия, и это заставляет его ощущать пустоту: «Любовь к великому и исключительному отравила его на вид очень спокойную жизнь» [1: 36].

Новеллистика Ахмеда Хамди Танпынара — неотъемлемая часть его творчества. В ней можно проследить главные темы, волнующие писателя, манеру его письма и эстетику его творчества. Все новеллы полны особых авторских образов, аллюзий и отсылок, что дает широкий простор для исследований.

Литература:

1. *Tanpınar A. H. Hikâyeler.* İstanbul: Dergâh Yayınları, 2014.
2. *Tanpınar A. H. Yaşadığım Gibi.* İstanbul: Dergâh Yayınları, 2000.

Е.С. Койнова

Травелог Ахмета Хашима

The Travelogue by Ahmet Haşim

Травелог (от англ. *travelogue*) на русский язык можно перевести как «путевой дневник». В последнее время в литературоведении для обозначения сочинений писателей о путешествиях все чаще употребляется именно этот термин вместо привычных жанровых названий «путевые записки», «путевые дневники», «очерки» [2: 256]. Основными жанрообразующими чертами травелога являются: стремление к достоверному изображению «чужого» мира путешественником, хронологичность повествования, описательность, множество интертекстуальных связей, большое количество отступлений, преследующих дидактическую цель. Такое разнообразие жанровых черт, а также тот факт, что травелог может заключать в себе большое количество различных дискурсов, позволяет говорить о том, что он находится на пересечении нескольких жанров [2: 258]. В своем историческом развитии произведения жанра травелог демонстрируют тяготение к все большей художественности, сентиментальности повествования, усилению роли автора.

Одним из таких литературных произведений, представляющих одну из последних стадий развития жанра травелог, является травелог “Vize göçe” (На наш взгляд) крупнейшего турецкого символиста, поэта и писателя Ахмета Хашима (Ahmet Haşim, 1884–1933). В сборнике “Vize göçe” собраны очерки, повествующие о жизни писателя; среди них особое внимание уделяется поездке Ахмета Хашима в Париж. Анализ этих так называемых «парижских» глав позволяет выделить типичные для жанра травелог черты. Тема, объединяющая «парижские» главы, — жизнь города и душевный отклик автора на нее. Проблематика глав достаточно широкая. Ахмет Хашим в своих очерках рассуждает о духовности и меркантильности, душе и теле, красоте, говорит о жестоком обращении с животными, проституции, техническом прогрессе, отсталости Турции на мировой экономической арене и колониальной политике европейских держав. Изложение этапов своего пути (переезд из Марселя в Париж, поездка на экспрессе, сообщение конкретного времени

отправления поезда и времени в пути, что свойственно жанру травелог) чередуется с описанием города, его повседневных реалий и проблем, местных жителей. Автор анализирует явления новой для него культуры и делится с читателем своими впечатлениями, сопровождая изложение фактами: «Я узнал только от официальных органов власти, что число проституток, имеющих разрешение на работу в пределах Парижа, составляет четыреста тысяч». В то же время повествование местами носит художественный, лирический характер. Язык повествования и описания, в свою очередь, богат изобразительно-выразительными средствами (гиперболы, метафоры, сравнения, обилие эпитетов), играющими важную роль в эстетической, внешней форме произведения: «Они заполняли парижские проспекты разноязыким шумом, словно жужжащие ночные насекомые, вьющиеся вокруг большого факела».

Тот факт, что Ахмет Хашим является поэтом-символистом, находит свое отражение и в прозе. Умение автора играть с образами (как в произведении параллели между вегетарианцами и униженной Турцией), — вероятно, является следствием влияния символистского метода.

Литература:

1. *Naşim A.* Bize göre. İstanbul: Kitapzamanı, 2008.
2. *Майга А.А.* Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. №3 (37). С. 254–259.
3. *Маштакова Е.И.* Турецкая литература конца XVII – начала XIX в. М., 1984.
4. *Образцов А.В., Сулейманова А.С.* Модернизм в турецкой литературе // Модернизм в литературах Азии и Африки. СПб., 2015. С. 94–152.

Д.И. Колосова

Категория номинализации действия в турецком и японском языках

Verb nominalization in Turkish and Japanese languages

Категория номинализации в турецком языке, как известно, представлена четырьмя формами: субстантивно-адъективными формами, адъективными формами (причастиями), субстантивными формами (именами действия) и адвербиальными формами (деепричастиями). В японском же языке категория номинализации действия, согласно общепринятой классификации, включает в себя имена действия и деепричастия. Формы, объединяемые в категорию номинализации действия, относятся к механизму словообразования, поскольку: 1) они всегда сохраняют неизменным значение действия; 2) сохраняют управление глагольной основы; 3) способны выступать в продуктивных залоговых формах и формах статуса; 4) способны иметь временные семы; 5) способны оформлять аналитические конструкции [2: 154].

Имена действия японского языка — это формы, объединенные значением опредмеченного действия и оформленные морфемами — субстантиваторами. Имена действия в японском языке лишены темпоральных и агентивных значений. Можно предположить, что отсутствие у имен действия агентивного значения связано с отсутствием аффиксов принадлежности, позволяющих выразить производителя действия, представленного формой глагольного имени, как это происходит в тюркских языках. Что касается деепричастий, автор исследования выделяет восемь деепричастий в японском языке: нейтральная форма -тэ; отрицательная форма -найдэ и -дзу; деепричастие одновременного действия -нагара и -цуцу; условные деепричастия -(р)эба и -тара; уступительная форма -таттэ. Ввиду способности форм -(р)эба и -тара выражать как временные, так и условные отношения, автор не соглашается с точкой зрения, причисляющей формы к категории условной модальности, поскольку модальность служит «для выражения отношения высказывания

к действительности или разных видов субъективной квалификации сообщаемого» [3: 303]. Можно предположить, что формы -тара и -(р)эба функционально соответствуют турецкой форме -sa.

Японское деепричастие -нагара приобретает перфектное значение, если было образовано от моментального глагола [1: 239]. Мы можем предположить, что аналогичное ему деепричастие -(у)агак в турецком языке в случае, когда глагол, от которого образовано деепричастие, в данном речевом высказывании передает значение моментального действия, также приобретает перфектное значение. Это наблюдение облегчает перевод деепричастия -(у)агак на русский язык.

Говоря о глагольных формах турецкого языка, автор приходит к выводу, что: 1) действие, выраженное глагольной основой деепричастия -madan, обладает сильным значением образа действия, приближаясь к наречию, вероятно, вступая в отношения дополнительной дистрибуции с формой -тауір, указывающей только на отсутствие совершения действия, предшествующего уточняемому; 2) значение «опредмеченности» действия наиболее сильно выражено в имени действия -(у)іш, по причине чего имя действия -(у)іш склонно к лексикализации: gıgış — вход, dönüş — возвращение, göğüş — взгляд и т. д.

Литература:

1. Алтатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х кн. М.: Наталис, 2008. Кн. 2.
2. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / под ред. А.С. Аврутиной, Н.Н. Телицина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Э.Е. Лебедев

Глагольные формы с модальными значениями в чувашском языке

Verbal forms with modal meanings in the Chuvash language

Изучение глагольных форм с модальными значениями в чувашском языке связано с трудностями, которые характерны для изучения этой области языковой системы в любом другом тюркском (или европейском) языке. Прежде всего, определенные трудности вызывает многообразие этих значений, и, как следствие, невозможность в большинстве случаев приведения всего этого многообразия к какому-либо общему знаменателю. Кроме этого дополнительным фактором, вызывающим трудности в описании указанных форм в чувашском языке, является наличие разных способов их выражения начиная с морфологического и заканчивая синтаксическим и лексическим способами [1]. В некоторых случаях, как например в случае с аналитическими формами, действительно трудно провести грань между грамматической формой и синтаксической конструкцией.

Ядро функционально-семантического поля модальности в чувашском языке составляет грамматическая категория наклонения, куда помимо форм изъявительного наклонения входит целый ряд форм косвенных наклонений, среди которых в чувашской грамматике традиционно выделяют следующие: повелительное, сослагательное и уступительное [2]. Формы, входящие в состав этих наклонений передают, соответственно, значения повеления, ирреального условия и безразличия к совершению действия.

Однако на основании изучения языковых фактов мы пришли к выводу о наличии в чувашском языке форм еще двух наклонений: желательного и долженствовательного. Желательное наклонение конституируется целым рядом как синтетических, так и аналитических форм, выражающих значение желания совершения действия. К ним относятся: составной аффикс *-асийн/-есийн* — *Апла эсир корреспондент пулĕ?..*

Пăрахут капитанĕнчен интервью илесшĕн ёнтĕ... (Ефимов) «Так вы, возможно, корреспондент? **Хотите взять** интервью у капитана парохода...»; аналитические формы *-ac/-ec + те* — *Акă мĕн, тăванăм, — тет генерал, хăрушă çынна пăхса, — сана эпĕ ирĕклĕх парнелес терĕм* (Алексеев) «Вот что, дорогой, — говорит генерал, глядя на страшного человека, — я **хотел** тебе **подарить** свободу» и *-ac/-ec + кил* — *Пирĕн апа, паллах, тата лайăхрах сываттарас килет* (Збанацкий) «Конечно, мы **хотим** его лучше **вылечить**».

Долженствовательное наклонение передается при помощи аффикса *-малла/-мелле* и нескольких аналитических форм: *-ac/-ec + пул*, *-ма/-ме + тив*, *-ма/-ме + лек* — *Малтан вăрçса Раççей тăшманне сĕнтермелле, унтан патшалăх ёсне тытăнăпăр* (Максимов-Кошкинский) «Сначала **нужно** воевать и **победить** врагов России, потом займемся государственными делами»; — *Кĕрес пулать, пани, кĕрес пулать!* — *янăрарĕ полицейски сасси* (Ильбек) « — **Надо** **зайти**, пани, **надо** **зайти!** — прозвенел голос полицейского»; *Кунта килсен, хырăм касăлса çитнипе мայна ыраш çанăхне хутăштарса çăрнă салма яшкине сĕме тивет* (М. Ухсай) «Когда приходишь сюда, то проголодавшись, **приходится** **есть** суп с клецками, перемешанный с мукой из лебеды и ржи»; — *Çапла вара лагерь хураллама лекрĕм, — терĕ вăл асаплан* (Гордеев) «Таким образом мне **пришлось** **сторожить** лагерь, — с трудом сказал он».

Конечно, указанные выше формы и раньше описывались в грамматиках чувашского языка, но они никогда не включались в соответствующую категорию наклонений и в связи с этим всегда находились на периферии грамматических исследований. Причиной этому явилось прежде всего не совсем определенный статус аналитических форм, которые большинство авторов не признают грамматическими. Но, несмотря на это, мы готовы утверждать, что они обладают всеми свойствами морфологических показателей: достаточной степенью лексической десемантизации вспомогательного компонента, тотальностью распространения и др. Таким образом, считаем необходимым включить их в состав форм категории наклонения в чувашском языке.

Литература:

1. Федотов М.Р. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1963.
2. Сергеев Л.П., Андреева Е.А., Котлеев В.И. Чăваш чĕлхи. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2012. С. 368–375.

Е.А. Оганова

О некоторых особенностях турецкого отглагольного имени на -mA в составе изафетов

Some features of the Turkish verbal name on -mA in ezāfe

Отглагольное имя на -mA¹ традиционно вызывает интерес исследователей турецкой грамматики прежде всего в связи с его различными значениями и функциями, а также тесной соотнесенностью с другими глагольными именами (формы на -mAk, -(y)Iş, на -mIşIlk) и конструкцией с *DIĞİP*.

В данном докладе рассматриваются и методологически осмысливаются следующие функционально-семантические особенности отглагольного имени на -mA:

- имя на -mA в качестве определяемого в действительном залоге с субъектом действия в родительном падеже;
- имя на -mA в качестве определяемого в страдательном залоге — особое внимание здесь уделяется вопросу наличия/отсутствия аффикса родительного падежа у субъекта действия (*kitabın okunması / kitap okunması*);
- имя на -mA в качестве определяемого, образованного от глаголов, передающих возвратное значение, и залоговые особенности таких конструкций (*askerlik süresinin kısaltılması / askerlik süresinin kısaltması*);
- модель: прямое/косвенное дополнение + имя на -mA — особое внимание здесь уделяется вопросу оформления/неоформления дополнения соответствующими падежными аффиксами (*kitabı okuma / kitap okuma*);
- сопоставление конструкций 1) имя на -mA в качестве определяемого в страдательном залоге и 2) прямое дополнение + имя на -mA;
- сопоставление конструкций 1) имя на -mA в качестве определяемого в страдательном залоге с субъектом действия в родительном/основном падеже и модели 2) дополнение в соответствующем падеже + инфинитив-mAk.

В заключении приведены выводы и методические рекомендации.

¹ В турецкой лингвистике укоренилась традиция использовать для имени на -mA термин “*adfiil / ad fiil*” или “*mastar*”.

² По определению В.Г. Гузева, «субстантивно-адъективная форма».

Д.А. Пестовская

Особенности внешней политики Турции в странах тюркского мира

Аннотация: Статья посвящена особенностям внешнего и внутреннего влияния Турецкой Республики на тюркские народы, которые проживают не только на территории Турции, но и в других государствах. В 1990-е гг. после распада СССР тюркские государства de jure оказались в независимости, что способствовало развитию влияния и распространения идеи премьер-министра Турции Т. Озала об объединении «Великого Туркестана от Средиземного моря до Китайской стены». Эта идея была воспета еще в произведениях Исмаила Гаспринского, который призывал к «единству тюркских народов в языке, мыслях и трудовой деятельности». Позднее данный принцип о создании «Туранского пояса» или «Великого Турана» был поддержан со стороны политиков С. Демиреля, Б. Эджевита и Н. Эрбакана.

На сегодняшний день Турция предпринимает глобальную попытку воссоединения тюркских народов и превращения тюркского мира в международный геополитический альянс, который будет представлять политический и социокультурный противовес странам европейского мира.

Ключевые слова: тюркизм, пантюранизм, османизм, панисламизм и пантюркизм, Османская Империя, Турция, Исмаил Гаспринский, Абдул Хамид II, Зия Гёкальп, Мустафа Кемаль Ататюрк.

Daria A. Pestovskaya

Main features of Turkey's foreign policy in the Turkic world's countries

Abstract: The article touches upon the features of the Turkish Republic's external and internal influence on Turkic nations who live not only in Turkey but also in the other countries. In the 1990s after the collapse of the USSR Turkic states de jure became independent. The growth of influence and ideas of Mr. Turgut Ozal who was the Prime Minister of the Turkish Republic were a consequence of this event. The idea was to unify “the Great Turkestan from the Mediterranean Sea till the Great Chinese Wall”. This idea had been glorified in Mr. Ismail Gasprinski's

writings who appealed for “the unity of the Turkic nations in language, thoughts (way of thinking) and working activity (working activities)”. Later this concept regarding the creating the “Turan Belt” or the “Great Turan” was encouraged by the politicians Mr. Suleyman Demirel, Mr. Bulent Edjevit and Mr. Nedjmettin Erbakan.

Nowadays Turkey is undertaking the global attempt of the Turkic nations' reunion and transforming the Turkic World to the international geopolitical alliance which can become the political and socio-cultural counterbalance for European countries.

Key words: Turkism, Panturanism, Osmanism, Panislamism and Panturkism, the Ottoman Empire, Turkey, Mr. Ismail Gasprinski, Abdul Hamid II, Ziya Gokalp, Mustafa Kemal Atatürk.

Введение

Идеология пантюркизма восходит к концу XIX в., когда татарская и крымско-татарская интеллигенции предпринимали попытки воссоединения с турками-османами.

В 1883 г. в Российской Империи по инициативе общественного деятеля и мыслителя Исмаила Гаспринского (1851–1914) появилась первая газета на русском и тюркском языках под названием «Герджюман» («Переводчик»), лозунгом которой стало высказывание о «единстве мысли, единстве языка и единстве действия». Таким образом, 1883 год можно считать годом официального появления пантюркизма [3: 11].

Исмаил Гаспринский был заинтересован в создании единого тюркского языка, однако эта цель оказалась недостижимой по причине различий в языках тюркских народов, следовательно, требовалось большое количество времени для того, чтобы создать и обучить тюркские братские народы единому языку. Согласно его размышлениям, Российская Империя должна представлять державу-покровительницу христианства и ислама, государство, которое объединяет славянский и тюркский народы.

Зия Гёкальп (1876–1924) стал основополагающей фигурой в истории развития идей пантюркизма и пантуранизма. Ввиду того, что Гёкальп поддерживал турецкий национализм, он критиковал исламизм и Османскую Империю.

По его мнению, следует сформировать «одну страну — один народ», что означает объединение всех тюркских народов в единое государство. Зия Гёкальп предпринимал попытки распространения тюркского национализма в Крыму, Центральной Азии и на Кавказе [6].

Следует отметить, что в период правления Абдула Хамида II было уделено большое внимание объединению тюркских меньшинств за рубежом, привлечению тюркских народов на создание Великого тюркского государства Туран. Однако османский султан допустил ошибку, которая состояла в том, что необходимо было первоначально укрепить отношения между народами и объединить их внутри своего государства. Таким образом, обращая политический взгляд на внешние границы Османской Империи, государство постепенно разрушалось изнутри и ослаблялось факторами извне.

С приходом к власти Мустафы Кемала Ататюрка (1881–1938) идеи Зия Гёкальпа стали фундаментом идеологии кемализма, в которой говорилось о формировании и объединении моноэтнического тюркского национального государства. Следует подчеркнуть, что Мустафа Кемаль Ататюрк был прирожденным дипломатом: он умел талантливо лавировать во время проведения важнейших переговоров на международной арене, проявляя уважение к интересам других государств, договариваясь о тех вопросах, которые были бы актуальны и выгодны обоим государствам, а также умея защищать интересы и перспективы своей страны.

Первой задачей Мустафы Кемала Ататюрка была модернизация турецкого общества. СССР оказывал поддержку и доверие Мустафе Кемалю Ататюрку, по этой причине основатель и первый президент Турецкой Республики относился к идеям пантюркизма весьма критично и заменял их турецким национализмом, несмотря на то, что время от времени прибегал к данным идеям.

Необходимо упомянуть, что западные государства предпринимали попытки создания националистических конфликтов в Центральной Азии и на Кавказе с целью разрушения СССР. По этой причине в Советском Союзе преобладало сугубо негативное отношение.

В 1990-х гг. после распада СССР тюркские народы с юридической точки зрения стали независимыми, что впоследствии стало предпосылкой к идее об объединении «Великого Туркестана от Средиземного моря до Китайской стены» [1: 21].

«Идеология пантюркизма — система идей, представлений, учений, выраженная в форме концепций, доктрин, политических взглядов, отражающая постоянное стремление определенных политических кругов Турции создать единое тюркское пространство (географическое, экономическое или культурное) с руководящей ролью в нем» [4].

*Особенности политического, экономического
и социокультурного влияния Турецкой Республики
на тюркский мир. Их классификация*

На протяжении долгого времени можно наблюдать следующие направления внешней политики Турции на тюркоязычные государства:

- ведение торговли, заключение и подписание договоров в финансовой и экономической сферах, оказание помощи тюркоязычным народам;
- культурно-просветительская деятельность (открытие школ, культурных центров, курсов; проведение мероприятий; создание системы грантов для обучения в Турции; привлечение СМИ);
- формирование идеи латинизации алфавита тюркских языков бывшего Советского Союза.

Р.С. Терехов подразделяет источниковедческую базу следует на несколько групп:

1. Труды основоположников идеологии пантюркизма: И. Гаспринского, Зареванд, Ю. Акчуры, З. Гёкальп, А. Тюркеша, М. Кохена. Их основное отличие заключается в информативности и выраженности причинно-следственных связей.

2. Материалы выступлений и докладов государственных и общественных деятелей Турции: А. Гюля, Р.Т. Эрдогана, А. Бабаджана, С. Демиреля, Т. Озала, И. Джема, Д. Баяра, Б. Аталая, Ё. Эрхана, Х. Тюрка, в которых присутствуют стратегические направления ведения внутренней и внешней политической деятельности.

3. Документы российских и зарубежных представительств: МИД РФ, МИД Турецкой Республики, Великого Национального Собрания Турецкой Республики, которые способствуют пониманию стратегических целей и задач и системы принятых решений в сфере внешней политики.

4. Международные договоры и конвенции, благодаря которым снижается степень риска ухудшения отношений на международной арене: Мирный договор между СССР, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией, с другой стороны (1918); Лозаннский мирный договор (1923); Севрский мирный договор (1920).

5. Документы турецких государственных учреждений в сферах внутренней и внешней политики, которые способствуют влиянию на население и продвижению механизмов реализации пантюркистских идей.

6. Труды и мемуары первых лиц государств, которые помогают провести сравнительный анализ различных стратегий ведения политики.

7. Документы экспертных институтов и учреждений Турецкой Республики представляют большой интерес, так как они дают возможность изучения и рассмотрения различных идей ведения политической деятельности в государствах, анализа и борьбы с террористической деятельностью и избежания возможных ошибок в будущем [4].

С приходом к власти Партии Справедливости и Развития во главе с Р.Т. Эрдоганом значительное влияние на международное социокультурное развитие и сотрудничество с государствами тюркского мира стали оказывать процессы создания организаций по объединению тюркских народов («Российско-Турецкий Медиафорум», «Ассоциация сотрудничества стран тюркского мира», «Парламентская Ассамблея государств тюркского мира»; «ТЮРКПА» «ТЮРКСОЙ», «Институт Юнуса Эмре» и т. д.).

Немаловажную роль играют также и средства массовой информации, например, телеканал «ТРТ», который начал вещание на 35 языках с 2008 г. в Интернете. Позднее, в 2009 г. Турция воссоздала телеканал «ТРТ Аваз», продолживший свое вещание в 27 странах для 250-миллионной аудитории на турецком, азербайджанском, казахском, киргизском, узбекском и туркменском языках [3: 13].

Был создан Генеральный Директорат по делам печати, вещания и информации правящей партии Эрдогана.

Таким образом, следует сделать вывод, что Турецкая Республика выбирает СМИ и создание организаций в качестве стратегически важных инструментов внешне- и внутривнутриполитического влияния на тюркоязычные народы.

Необходимо сказать, что Российская Федерация официально признала турецкую диаспору как зарегистрированную министерством юстиции России. Так, турецкая диаспора получила название МООРПТК «Турецкое сообщество» («Межрегиональная общественная организация развития и поддержки культуры и русско-турецких отношений и дружбы»). В ближайшем будущем планируется открытие офисов организации в российских городах. Ю. Шен, официальный представитель турецкой диаспоры в России говорит: «наша цель — развитие российско-турецких отношений, пропаганда турецкой культуры в России, участие в значимых для обеих стран проектах, помощь соотечественникам» [5].

Таким образом, Турция предпринимает глобальную попытку воссоединения тюркоязычных народов и превращения тюркского мира

в международный геополитический альянс, который будет представлять политический и социокультурный противовес странам европейского мира.

Выводы

Подводя итоги вышесказанного, следует сказать, что сложно назвать точную дату появления пантюкистской идеологии. Однако ее дальнейшему формированию способствовали внутренний кризис Османской Империи, ослабление государства, зарождение тюрко-исламского национально-сепаратистского и религиозного движений на территории Российской Империи.

Обращаясь к понятиям «тюркизм», «пантюкизм» и «пантуранизм», следует учитывать следующие их особенности:

1. Тюркизм является фундаментом для формирования пантюкизма. Благодаря тюркизму возможно создание моноэтнического состава Турецкой Республики со своей идеологией.

2. Пантюкизм, в свою очередь, ставит перед собой цель объединения народов Турции и Азербайджана для дальнейшего выхода на Кавказ.

3. Пантуранизм — подсистема для возможного дальнейшего объединения черноморских, среднеазиатских, поволжских и сибирских тюркских народов, в результате чего должно образоваться единое тюркское государство «Туран» [4].

Следует отметить, что в 1990-е гг. внутреннее региональное противостояние тюркских народов, недостаточное развитие транспортной системы, единой системы образования, экономической, финансовой и кредитно-банковской сфер стали причиной замедления развития пантюкистской идеологии в странах Центральной Азии [4].

Таким образом, следует сделать вывод, что Турция в дальнейшем будет предпринимать попытки трансформации внутреннего и внешнего влияния на тюркский мир путем создания культурных центров и учреждений, в которых будут изучаться язык, культура и история государства; дальнейшей организации конференций и форумов, на которых будут обсуждаться темы формирования и воссоздания единого культурного наследия тюркоязычных народов, что сможет вызвать как положительный, так и отрицательный интерес по отношению к ее деятельности со стороны государств всего мира.

Литература источники:

1. *Ульченко Н.Ю.* Турция — история и современность. М., 2002.
2. Dilde Fikirde İşte Birlik: İsmail Gaspıralı, 21. Yüzyıl, Sayı 34, Ekim 11. S.101–107.
3. Türkiye'nin Türk Dünyasına Yönelik Kamu Diplomasisi: Yeni Araç ve Mekanizmalar. Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi 17/1 Yaz. S. 9–19.
4. *Терехов Р.С.* Влияние идеологии пантюркизма на внешнюю политику Османской Империи и Турецкой Республики в XX веке // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat // <http://www.dissercat.com/content/vliyanie-ideologii-pantyrkizma-na-vneshnyuyu-politiku-osmanskoi-imperii-i-turetskoi-respubl#ixzz51dOnRBrf> (Дата обращения 18.12.2017).
5. В России официально зарегистрирована турецкая диаспора // <https://eadaily.com/ru/news/2017/10/11/v-rossii-oficialno-zaregistrovana-tureckaya-diaspora> (Дата обращения: 17.12.2017.)
6. Турция и пантюркизм на постсоветском пространстве // https://www.liveinternet.ru/users/bolivarsm/post378451025/?aid_refresh=yes (Дата обращения 22.02.2018).

Е.В. Погуляева

Флективные элементы в турецком языке

Fusional elements in Turkish language

Одна из классификаций лингвистической типологии предполагает разделение языков по морфологическому признаку, в частности в рамках формообразовательной аффиксации выделяют две тенденции: флективную (фузионную) и агглютинативную. Тюркские языки представляют собой примеры агглютинативных языков. Задача автора состояла в том, чтобы упомянуть некоторые флективные элементы в турецком языке в синхронии, чтобы затем заняться их изучением более подробно.

Одним из главных признаков фузии является совмещение в одной морфеме нескольких значений, т. е. синтетосемия. Флективная тенденция также характеризуется случаями взаимного наложения экспонентов морфем, т. е. «явлениями переразложения, опрощения, поглощения целых морфем или отдельных частей их сегментных экспонентов соседними морфемами» [2: 234–236]. Ярким примером подобных явлений в турецком языке является форма настоящего-будущего времени в отрицательном статусе *-maz*. В этом аффиксе сочетаются два грамматических значения: собственно время и отрицательный статус. Стандартно в турецком языке сначала должен идти отрицательный статус *-ma*, затем показатель времени — в этой же форме они сливаются. Кроме того, ее формоизменение представляет собой парадигму, которая не соблюдает принципы агглютинации: в первом лице к основе глагола присоединяются аффиксы *-tat* и *-tayuz*; непонятно, где заканчивается показатель времени и начинается показатель лица.

Другим признаком фузии является закреплённость каждого значения за определенным аффиксом — омосемия [2: 235]. В так называемой конструкции выделения из множества возможно использовать как родительный, так и исходный падеж: *-nun biri* или *-dan biri*. Логика носителей языка относительно ясна: соответственно «один, принадлежащий к множеству» и «один из множества». Однако значение двух вариантов этой конструкции на сегодняшний момент одно и то же. В отличие от лингвистов, носители языка также практически не видят различия

между деепричастными формами *-arken* и *-yorken*. «Во всех языках, где формы слов выступают как средство синтаксической связи, они не обладают безусловной функциональной однозначностью, обслуживая разные типы синтагм, разные синтаксические функции; с другой стороны, однотипные синтагмы, одна и та же функция, обслуживается разными формами» [4: 150].

Жан Дени придерживается мнения о том, что каждый тюркский корень может употребляться в предложении самостоятельно, не присоединяя аффиксов [5: 14]. Б.А. Серебренников также говорит о способности чистых корней в агглютинативных языках выступать в функции полноценного слова [3]. Однако корни некоторых послелогов-имен не употребляются в современном турецком языке в своей исходной функции существительного. Так, В.Г. Гузев приводит в пример лексему “*üzer*” [1: 72].

Таким образом, автор привел некоторые примеры флективных элементов в турецком языке. Очевидно, что «чисто флективных» и «чисто агглютинативных» языков не существует, так как всякая классификация является неким теоретическим идеалом. По мнению автора, данная тема достаточно интересна и требует дальнейшего изучения, так как материалов по ней достаточно мало.

Литература:

1. *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.
2. *Маслов Ю.С.* Введение в языковедение: Учебник для филол. спец. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987.
3. *Серебренников Б.А.* Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблемы классификации языков, М.; Л., 1965.
4. *Шутова Е.И.* О некоторых универсальных закономерностях в соотношении синтаксического и морфологического уровней (в связи с синтаксической ролью порядка слов и форм слов) // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
5. *Deny J.* Principes de grammaire turque (“turk” de Turquie). Paris, 1955.

*О.В. Сарыгёз,
И.Ш. Абилов*

Жесты как невербальные лакуны и сопровождающие их устойчивые выражения (турецкий язык)

Gestures as non-verbal gaps and their accompanying formulaic sequences (Turkish language)

Данная работа посвящена исследованию невербальных средств общения — жестам и сопровождающим их устойчивым выражениям. Жест рассматривается в рамках теории паралингвистики, теории лакунарности и невербальной семиотики.

В работе рассматривается один из видов кинетических паралингвистических средств — жесты, как не только дополняющие смысл вербального сообщения, но и являющиеся источником информации о говорящем, дающие информацию о его социальном статусе и культурной принадлежности.

С помощью жеста информация передается очень экономно с точки зрения сохранения энергии и из-за нелинейного характера передачи часто опережает по скорости речь. Известно, что мимика, жесты как элементы невербального поведения личности являются одной из первых визуальных, знаковых систем, усваиваемых в онтогенезе. На сегодняшний день лакунология, занимающая одно из центральных мест в сопоставительной культурологии и теории межкультурной коммуникации, как специальная ветвь этих дисциплин, изучающая лакуны, является несформированной в турецком языке. Мы можем говорить об отдельных работах, появляющихся в различных отраслях лингвистики, но не связанных между собой единой основой — теоретическими разработками.

В нашем исследовании будут рассмотрены 20 основных жестов, представляющих как абсолютные, так и относительные лакуны для носителей русского языка. Будут приведены устойчивые выражения, их сопровождающие.

Общение может начаться без собственного вербального вступления: в силу незнания иностранного языка, люди неосознанно начинают сле-

дить за неязыковыми знаками — жестах, интонацией, расположением и поведением собеседника, пытаюсь «прочсть его». Контакт начинается уже на несловесном (невербальном) уровне, и уже на этом уровне может начинаться взаимное непонимание людей разных культур. Знание национальной специфики представителей данной культуры может помочь избежать им «неверного прочтения» этой информации.

Т.И. Султанов

Сословные привилегии чингизидов и традиция семейного права

Altan Urug Chinghiz Khan and the Gypsy

Создатель эпохи Чингиз-хан, происходивший из монгольского племени кият-борджигин, сделавшись в 1206 г. властелином Монголии, отделил своих сыновей и их потомков от своего родного племени и установил им, а также ближайшим своим родственникам «степени» (мартабэ). Так, четверо его сыновей от кунгратки Бөрте — Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй, а также Кулкан, который родился от Кулан-хатун из племени меркит, получили права царевичей. Из потомства братьев Чингиз-хана только потомки Хасара (Джочи-Касара) получили права царевичей, все остальные вошли в состав аристократии [9. Т. 1. Кн. 2: 51, 68–71; 1. Т. 1: 451; 11: 19–20].

Таким образом, новую властную элиту в Центральной Азии — алтан уруг («золотой род») составили как прямые потомки Чингиз-хана, так и прямые потомки Хасара. Следовательно, понятия алтан уруг и чингизиды неравнозначные выражения: первое по своему составу шире, а второе включает в свой состав только потомков Чингиз-хана. Это следует помнить и различать. Также не следует упускать из виду, что сам Есугей-бахадур и его сыновья — Темучин и Хасар, — все они представители племени кият, а вот потомство Темучина (Чингиз-хана) и Хасара — это представители алтан уруга («золотого рода»).

История Монгольской империи после смерти ее основателя в августе 1227 г. сложилась, однако, так, что только первые четыре сына Чингиз-хана от его старшей жены Бөрте стали родоначальниками царевичей и государей монгольских улусов, т. е. прародителями членов алтан уруга. Немногочисленные потомки Кулкана, пятого сына Чингиз-хана, быстро сошли с политической арены и никогда не царствовали. На потомков же Хасара, младшего брата Чингиз-хана, даже в самой Монголии смотрели косо, «как бы не совсем признавая, порой, их равноправными настоящими тайджи (царевичами)» [2: 146; 8: 234]. Известен один случай, когда в 1336 г. на престол Табаристана (область на южном побережье Каспий-

ского моря) после смерти хулагуида Абу Са'ида был возведен потомок Хасара по имени Тога-Тимур [5: 62; 14: 101, 137].

В самой Монголии и в восточных областях Монгольской империи царевичей дома Чингиз-хана именовали кобегун, со времени монгольской династии Юань (1260–1368) — тайджи (тай-цзы), словом, взятым из китайского языка [2: 99, 104, 142, 144; 6: 142–143, прим. 161]. В западных улусах Чингизидов (улус Джучи, улус Чагатай в Средней Азии, улус Хулагу в Иране) с XIV в. наиболее употребительным титулом каждого представителя династии становится арабское слово «султан».

Чингизиды не относили себя ни к одному из тюрко-монгольских племен, не разделялись на колена, а составляли замкнутое высшее аристократическое сословие и своим юридическим положением резко выделялись среди остального населения страны, где они представляли правящую династию [10: 142–148; 11: 20–22].

Вот некоторые из особых прав и сословных привилегий чингизидов. Право быть провозглашенным ханом сохранялось только за членами «золотого рода», для которых право на правление в силу установившейся его наследственности превратилось как бы в естественно присущий им атрибут. Понятие о наследственных правах потомков Чингиз-хана на верховную власть ярко и лаконично выражено у Марко Поло, великого путешественника XIII в.: «И только тот, кто происходит по прямой линии от Чингиз-хана, может быть государем всех татар» [3: 221].

При этом сфера действия этого права чингизидов не зависела от существовавших государственных и этнических границ: каждый чингизид, к какой бы именно династии потомков Чингиз-хана он ни относился, мог претендовать на ханский престол в любом месте, где только еще сохранялись в какой-то мере традиции Монгольской империи. Оттого, например, Угедейиды на рубеже XIII–XIV вв. правили в Чагатайском улусе, а казахские султаны сидели на троне Хивинского ханства в XVIII столетии.

Только «золотой род» давал инвеституру новому хану и принимал от него присягу. Только для членов «золотого рода» и немногих вельмож был открыт доступ к Великой Ясе Чингиз-хана и к Алтан-дафтару — «Золотому свитку» (официальная история ханского рода чингизидов), которые хранились в ханской сокровищнице.

Членов «золотого рода» можно было предать наказанию только с общего решения царевичей, и творить суд над ними мог только сам хан или старший в роде.

Дети чингизидов по праву рождения приобретали титул султана и вместе с ним все права и привилегии, потомственно принадлежавшие этой социальной группе, независимо от экономических обстоятельств, а также нравственных, умственных и физических качеств того или иного лица.

Султаном надо было только родиться. Родство по женской линии с «золотым родом» не делегировало зятю никаких прав и привилегий членов алтан уруга, кроме почетного титула гурган — «зять ханского рода».

Если простолюдин присваивал себе из тщеславия титул султана, то подвергался наказанию. Если же человек «черной кости», выдавая себя за носителя султанской крови, женился на султанской дочери или его родственнице, его подвергали наказанию, выражавшемуся в выплате полно-го куна, т. е. оплаты за убийство мужчины.

Зато сами чингизиды, по словам участника францисканской миссии 1245 г. в Монголию, брали себе жену из любого слоя, «безразлично кого, исключая мать, дочь и сестру от той же матери» [11: 11–12]. Слова Бенедикта Поляка подтверждаются материалом многих других источников.

Автору настоящих строк известен только один случай, когда генеалогическое право чингизида на правление считалось как бы подмоченным этническим происхождением матери и оттого небесспорным. Так, согласно рассказу чингизида Абу-л-Гази, хана хивинского и автора двух исторических сочинений, во второй половине XVI в. во главе полунезависимого владения, включавшего в свой состав Мерв, Багдад, Нису и Абиверд, стоял Нурум-хан (Нур-Мухаммад-хан), представитель хорезмской ветви династии Шибанидов [о его предках см.: 7: 159, 378]. Матерью Нурум-хана была цыганка, и поэтому он носил прозвище Лули-баче («Дитя цыганки»). Вероятно происхождение его матери было причиной того, что родственники-чингизиды сторонились Нурум-хана, даже враждовали с ним, а владения его подвергались постоянным нападениям со стороны Хорезма — территории Шибанидов из рода Джучи [16. Т. 1: 241 и сл.; 1. Т. 2. Ч. 1: 600; 7: 159].

В связи с приведенным рассказом Абу-л-Гази, пожалуй, будет к месту упомянуть здесь, что отец Нурум-хана, Абу-л-Мухаммад-султан, не был единственным чингизидом, в числе жён которого была цыганка. Вот пример из источника, осуждающий брак чингизида с цыганкой.

9 июля 1533 г., возвращаясь из похода на Малый Тибет, при переходе горного перевала умер от удущья правитель государства Чагатаидов

в Восточном Туркестане султан Са'ид-хан. 23 июля 1533 г. в Яркенде, столице ханства, на престол взошел его старший сын Абд ар-Рашид. Человек талантливый от природы, он проявлял мастерство во многих изящных искусствах и ремеслах: хорошо слагал стихи на фарси и на тюрки, был искусным стрелком из лука и знатоком войны. Абд ар-Рашид, — говорится в источнике, — среди равных себе выделялся мощью тела, статностью фигуры и изяществом беседы [13: 182; 15: 141 и указатель имен]. Словом, был он высоких дарований и многих человеческих страстей.

Когда хану Абд ар-Рашиду было уже под пятьдесят, он встретил на своем жизненном пути юное создание в облике женщины отменной красоты и крайнего совершенства. Но... но она была лули, т. е. цыганкой. Тем не менее эта прекрасная, грациозная лули своими чарами и восхитительными танцами до самозабвения увлекла, окончательно полонила хана.

Давно подмечено, что страсть — это чувство, которое стремится заполнить человека абсолютно, до последних пределов. Страсть безумна и всесильна, она подменяет глаза человеку и вселяет в него слепоту, она может вообще изменить человека до неузнаваемости. Так или иначе Абд ар-Рашид-хан, встретив свою настоящую, сшибающую с ног любовь, в одночасье превратился в Маджнуна — в «Раба своих страстей», и вопреки всему взял да и женился на лули. И началась полная чудесных превращений, такая сказочная, такая необычная и в то же время такая тревожная жизнь двух влюбленных — самодержавного падишаха-мусульманина и цыганки — профессиональной танцовщицы.

И в гареме государя пошли всякого рода пересуды, а при дворе установилось полное смятение. Но никто не решался открыто порицать неординарное поведение Абд ар-Рашида. Эту задачу добровольно взяла на себя его старшая жена, Чучук-ханым, дочь Адик-султана из рода Джучи. Она задала ему головоломку, заявив при этом: «До чего же ты, хан, пал, что женился на лули». Тогда, чтобы умиловить свою старшую жену, хан сочинил следующее руба'и (четверостишие):

Если милая пленила сердце,
Если поступь ее грациозна, а танцы восхитительны,
Если в душу она мне проникла,
Ну, что за грех, коль родом она лули?!

«И ханым простила ему», — уверяет нас автор «Истории Кашгара» [12: л. 636–64а; 4: 402 »].

Вскоре же после этой женитьбы Абд ар-Рашид скончался; было хану неполных пятьдесят лет. Чучук-ханым отправилась в Бадахшан. Были ли

у султана Абд ар-Рашида и лули дети и что стало с порфириносной вдовой-лули, не известно.

Итак, чингизиды составляли высшее сословие социальной иерархии, самую влиятельную политическую силу — властную элиту — и сохранили за собой свои особые права и сословные привилегии на всем протяжении существования их царского дома в Азии. Существовали, однако, ограничители этих преимущественных прав и широких привилегий. Ими были Яса Чингиз-хана и традиция, в частности традиционно сложившийся в семейном праве обычай, признававший брак члена «алтан уруга» с лули неблагоприятным поступком.

Литература:

1. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 1–9. М., 1963–1977.
2. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
3. *Марко Поло.* Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. Алмата, 2004.
4. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
5. Муджмал-и Фасихи. Му’аллиф Фасих Ахмад б. Джамал ад-Дин Хавафи, ба тасхих у тахшийа-йи Махмуд Фаррух. Мешхед. Т. 1. 1341 (1962); Т. 2 1339 (1960).
6. Мэн-да бэй-лу. («Полное описание монголо-татар») / пер. с кит., введение, коммент. и прилож. Н.Ц. Мункуева. М., 1975.
7. *Почекаев Р.Ю.* Узурпаторы и самозванцы «Степных империй». История тюрко-монгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях. СПб.: Евразия, 2016.
8. *Почекаев Р.Ю.* «Чингизово право»: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое время). Казань, 2016.
9. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М., 1952.
10. *Султанов Т.И.* Сословие султанов в Казахском ханстве XV–XVII веков // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.
11. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб.: Евразия, 2017.
12. Тарихи-и Кашгар. Анонимная тюркская хроника владетелей Восточного Туркестана по конец XVII века. Факсимиле рукописи Санкт-

Петербургского филиала Института востоковедения Академии наук России / издание текста, введение и указатели О.Ф. Акимушкина. СПб., 2001.

13. *Мирза Мухаммад Хайдар*. Тарих-и Рашиди / введение, пер. с персидского А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Ташкент, 1996.

14. *Хамдаллах Мустауфи Казвини*. Зайл-и Тарих-и гузида (Дополнение к «Избранной истории») / вст. статья, пер. с перс., примеч. и указатели М.Д. Кязимова и В.З. Пириева. Баку, 1986.

15. *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас*. Хроника / критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О.Ф. Акимушкина. 2-е изд. СПб., 2010.

16. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Bèhadour Khan, publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons. T. 1. Texte. St.-Pbg., 1871.

Н.Н. Телицин

Об одном спорном месте в тексте древнеуйгурского памятника «Книга, обучающая основам сознания (𐰽𐰺 𐰇𐰏𐰤 𐰇𐰏𐰤𐰆𐰏𐰤 nom)»

Аннотация: Исследование древнейших тюркских памятников дает возможность представления развития тюркских языков как в синхронии, так и в диахронии. Особый интерес представляют собой памятники, являющиеся не переводом с китайского или санскрита, а собственно тюркскими произведениями, написанными самими древними уйгурами.

Ключевые слова: древнеуйгурский язык, лексеобразование, словоизменение, грамматическая форма.

Nikolay N. Telitsin

**On a controversial part in the text of the Old Uyghur monument
“The book that teaches the basics of consciousness
(HSIN tözin oqytdaçy nom)”**

Abstract: The study of the ancient Turkic monuments makes it possible to represent the development of Turkic languages both in synchrony and in diachrony. Of particular interest are monuments that was written by the ancient Uighurs themselves.

Key words: the Old Uyghur language, lexeme formation, inflection, grammar form.

Исследование древнейших тюркских памятников дает возможность представления развития тюркских языков как в синхронии, так и в диахронии. Особую нишу среди таких памятников занимают древнеуйгурские памятники, в которых закреплён язык одной из многочисленных племенных групп — огузо-уйгурской ветви. Как известно, большинство памятников представляет собой произведения религиозно-дидактического характера, переведённые с китайского, согдийского, санскрита и др. языков на древнеуйгурский язык.

Рукопись «(𐰽) tözin oqytdačy nom» хранится в Британской библиотеке под № Or. 8212 (108). Представляет собой не переводное, а оригинальное, авторское произведение. Доказательством этого может служить упоминание в колофоне памятника имени автора, которое можно прочесть как *vapši baqši jaratmyš* (BUYZ I 403).

Кроме имени автора в колофоне указывается и имя человека, переписавшего это сочинение — *čisuja*. Среди известных нам имен древнеуйгурских переписчиков и переводчиков можно назвать *Pratjaja-širi*, *Šingqu Šeli Tutung*, *Ki-Ki*, *Asig Tutung*, *Čisuja Tutung*, *Qalim Keyši*, *Kül Tarqan*, *Ču- Ču*. Находим имя поэта-переводчика-переписчика *Čisuja Tutung*.

По одному из колофонов *Čisuja Tutung* можно установить примерные даты творчества: не позднее 1350–1360 гг. Да и по содержанию произведение следует отнести к поздне-буддийским. Кроме того, данную сутру следует отнести к Дуньхуанским памятникам древнеуйгурского языка.

В тексте памятника встречается много интересных примеров «диалектного» характера описываемого языка. Например, в 232 строке текста: *üčünč idmāk jaradmaq üzä ermädin ilki tözlik teprämäksiz tözin oqydmaq ersär alqu nomlar toymaz erkänki köñül qajuqa ersär tusluq ermaz öz tözi toqmaqsyz erip alqu ödtä yruq jasuq turdačy erür* (BUYZ I 232–233)

«Что касается третьего, то учение природы, которое является полностью оригинальным, неподвижным и не существует через творение, оно таково: в сознании, в котором вообще не рождаются никакие явления, нельзя ничего найти. Его собственная природа не рождается, она пребывает во все времена светлой и блестящей».

Общий смысл предложения вполне понятен. Из примеров строки 233 и 263 текста видно, что в зависимости от наличия или отсутствия глагольного отрицания в текст привносится значение, близкое к «может» или «не может».

Неясным остается только происхождение конструкции *-luq er-*. На первый взгляд, возникает желание считать *tusluq ~ tušluq* производным от *tuš*, где *-luq* можно воспринять как имя существительное (*-luq*) или прилагательное (*-luq*), образованное от имени существительного *tuš*. Однако, если учитывать значение *tuš*, то не представляется возможным получить какой-либо внятный смысл сказанного.

tuš I «время, момент».

tuš II 1. «противолежащий, противолежащее место; напротив, наоборот»; 2. «замена, возмещение, отплата». *tuš bol-* «встречаться, наталкиваться»; *tuš kel-* «исполняться», *tuš qnl-* «заставить встретиться».

tuš III 1. «золотая пряжка на поясе» (МК III 125); 2. «золотое украшение, бляха».

tuš IV *tuš teŋ (eš tuš, teŋ tuš) napn.* «равный, одинаковый, подобный».

По всей видимости, в данном тексте *tuš* представляет собой не имя существительное, а глагольно-именную форму, довольно редко отмечаемую в языке древнеуйгурских памятников (*tuš* = *tu-* («встречаться») + *-š*). Это можно отнести к языковым (диалектным?) особенностям рассматриваемого произведения.

В этой связи следует говорить об особой конструкции *-ŋu+luq er-*, которая отмечена и в других примерах, которые подтверждают «глагольность» *tuš*:

ikinti üzik ekšär igid saqynč budluq belgülik nomlar birlä qatyslyq ermäz erdükin oqydur (BUYZ I 127)

«Второе: [оно] учит, что [сознание] нельзя [не следует..., вы не можете (?)] смешивать со слогами и буквами, обманчивыми идеями (и) с физическими, видимыми учениями!»

anday erip qaju ersär birlä qatyslyq ermäz (BUYZ I 263) «...если это так, нельзя [не следует..., вы не можете (?)] смешивать их с тем, что они есть...»

Здесь явно присутствует глагол *qat-* («добавлять, подмешивать» и т. п.) в форме *qatys ~ qatyš*.

Что же касается образования *-slyq~ -šlyq*, то, по всей вероятности, оно может быть наряду с *-ŋuluq* отнесено к глагольно-именным формам, образуемым по одной модели: «глагольной имя» + *-lyq* : *-ŋuluq < -ŋu+ -luq, -slyq~ -šlyq < -s ~ -š + -lyq*.

Аналитическое сочетание «глагольное имя» + «вспомогательный глагол», являясь одной из характерных черт тюркских языков как современных, так и древних, часто рассматривается как аналитические или перифрастические формы глагола, и включается в систему «акционсарта». Схожие по образованию конструкции — *-ŋu er-*, *-ŋuluq er-*, *-ŋaly er-* и т. д. — отмечены и в текстах других древнеуйгурских памятников: *ynčyp etözüg jergülik jarsyyuluq ermäz (Hüen HTIII: 0429 (22))* «...так вот нельзя ненавидеть и испытывать отвращение»;

bu inme lun šastr ersär ertinü terin alp tüpkärgülik erür (Hüen)

«Что же касается Yin-ming-lun-sastra, (так) это можно понять с трудом [букв.: очень глубоко и трудно понять]».

уңсыр јана кәзигчә кей јөрүгин қылмауыңча bilgülik ermüz (Hüen HTVIII: 0344 HtStP SI Uig 3 76 b) «...до тех пор, пока вы не будете давать подробный комментарий по очереди (т. е. спереди назад), нельзя [вы не сможете?] этого понять».

Подводя итог сказанному выше и исходя из контекстуального анализа, можно сделать вывод о значении конструкции *slyq~ -šlyq er-*, которая, как и конструкция *-yuluq er-*, передает значение возможности. Примечательно, что в тексте памятника отмечен лишь отрицательный статус вспомогательного глагола: *ermüz*.

üčünč idmäk jaradmaq üzä ermädin ilki tözlük teprämäksiz tözin oqy-dmaq ersär alqu nomlar тоғmaz erkänki köñül qajuqa ersär tuşluq ermüz öz tözi тоғмаqsyz erip alqu ödtä yruq јасuq turdaçy erür (BUYZ I 232–233)

«Что касается третьего, то учение природы, которое является полностью оригинальным, неподвижным и не существует через творение, оно таково: в сознании, в котором вообще не рождаются никакие явления, *нельзя* ничего *найти*. Его собственная природа не рождается, она пребывает во все времена светлой и блестящей».

При всей неоднозначности сделанных выводов можно признать рассматриваемую конструкцию как «диалектную».

TUŠ I

время, момент

TUŠ II

1. противоположный, противоположащее место; напротив, наоборот

2. замена, возмещение, оплата

tuš bol — встречаться, наталкиваться:

tuš kel — исполняться

tuš qnl — заставить встретиться

TUŠ III

1. золотая пряжка на поясе (МК III 125);

2. золотое украшение, бляха:

TUŠ IV

tuš teŋ *парн.* равный, одинаковый, подобный:

eš tuš

teŋ tuš

ažun ažunta sizni birlä tušušup sansardın ozmakımız bolzun (Maitri r23 (MaitrGeng1803))

«Пусть мы встретимся с вами во всех формах существования и избавимся от сансары!»

Kamil Furat

Türkiye’de Karşılaştırmalı Edebiyat Bilimi ve Türk-Rus Edebiyatları arasında mukayese edilen romanlar

Karşılaştırma, kişi ve nesnelerin benzer veya aynı yanlarını incelemek için yapılan kıyaslama, mukayese anlamına gelmektedir [5]. Türk edebiyatı araştırmacıları tarafından ortaya konulan Karşılaştırmalı Edebiyat tanımları içeriklerinde biraz farklılık gösterse de hemen hemen birbirlerine yakındır. Örneğin Gürsel Aytaç’a göre karşılaştırmalı edebiyat “farklı dillerde yazılmış iki eseri konu, düşünce ya da biçim bakımından incelemek; ortak, benzer ve farklı yanlarını tespit etmek, bu farklılığın nedenleri üzerine yorumlar getirmektir” [3: 18] Emel Kefeli’ye göre Karşılaştırmalı Edebiyat benzerlik, tesir ve yakınlık meselelerini inceleyen sistemli bir sanattır [8: 9]. Mehmet Yazgan’a göre ise, Mukayeseli Edebiyat, ‘anoloji akrabalık ve etkileşim bağlarının araştırılması suretiyle, edebiyatı diğer ifade ve bilgi alanlarına ya da zaman ve mekan içerisinde birbirine uzak veya yakın durumdaki olaylarla edebi metinleri birbirine yaklaştırmayı amaçlayan yönetsel bir sanattır. Yeter ki bu edebi metinler bir çok dile ya da kültüre ait olsunlar’[10: 10].

Karşılaştırmalı Edebiyatın tarihi birçok araştırmacıya göre Antik Yunan döneminden itibaren başlar. Platon felsefenin şiire olan üstünlüğünü savunurken öğrencisi Aristo ise, şiirin de felsefe kadar önemli olduğunu belirterek bu iki kavramı çeşitli açılardan ilk defa karşılaştırmış ve şiirin daha değerli olduğunu ispat etmeye çalışmıştır [11: 107]. A.M. Rousseau da Karşılaştırmalı Edebiyatın ortaya çıkışını çok eskilere götürür ve tarihin her döneminde bu alanın ilgi çektiğini savunur. “İki edebiyat aynı anda ortaya çıkar çıkmaz, karşılıklı değerlerini ortaya çıkarabilmek için mukayese edildiler. Yunanca ve Latince, Ortaçağ Roman dili edebiyatları XVIII. yüzyıldaki Fransızca ve İngilizce gibi milli bir önceliğin kabul yada reddi demek olan karşılaştırmalı edebiyat, pozitivist hatta bilimsel dönemde bile köklerini hiçbir zaman unutmamış değildir” [9: 18].

Aristo ve Platon arasında yaşanan şiir felsefe polemigi etrafında yapılan ilk kıyaslamalar akla karşılaştırmalı edebiyatın neden gerektiği, amacının ve konusunun ne olduğu sorularını getirmektedir. Aytaç’a göre karşılaştırmalı edebiyatın hedefi başka milletlerin edebiyatına göz atarak ulusal edebiyatı güçlendirmedir [3: 21]. Roland Grene, karşılaştırmalı edebiyatın amacının

sadece edebi eserleri incelemek olmadığını aynı zamanda dilleri, kültürleri, tarihleri, gelenekleri ve kuramları karşılaştırarak milletleri yakınlaştırma kaygısının da olduğunu belirtir [6: 144]. Yavuz Bayram göre ise, karşılaştırmalı edebiyat'ın tek amacı iki farklı kültürü mukayese ederek yakınlaştırmak değildir. Buna göre mukayeseli edebiyat hem millî hem de milletlerarası nitelikte olabilir. Şöyle ki, yerli bir eseri yabancı bir eserle karşılaştırmak mümkün olduğu gibi, yerli bir eseri yine yerli ama farklı bir döneme ait başka bir eserle karşılaştırmak da mümkündür. Hatta aynı döneme veya aynı şaire/yazara ait iki eser de karşılaştırılabilir. Buradaki en önemli amaç mukayese edilen eserlere benzerlik ya da farklılıkları nedenleriyle tesbit edebilmektir [14: 71].

Karşılaştırmalı edebiyat alanında bir başka tartışma konusu ise nelerin nasıl mukayese edileceğidir. M. Andre Rousseau ve Claude Pichois'e göre, karşılaştırmalı edebiyat, sınırlı ve kesin bir alana uygulanan bir teknik değildir. Geniş ve çok yönlü oluşuyla, hangi zaman ve zeminde olursa olsun, meraktan, sentez zevkinden ve her türlü edebî gelişmeye açıklıktan meydana gelmiş bir ruh hâlini yansıtır [9: 49]. Aytaç kıyaslanacak konuları üç başlık altında belirlemiştir. Bunlar 1. Konu açısından karşılaştırma 2. Düşünce açısından karşılaştırma. 3. Biçim açısından karşılaştırma [3: 7]. Bayram'a göre bu sınıflandırma çok başarılı değildir. Çünkü Bayram, Aytaç'ın bu tasnifinin karşılaştırmalı edebiyat incelemesi için çok genel bir tercih olduğunu düşünür. Bayram, Aytaç'a yönelttiği bu eleştiriden sonra kendi tasnifini şu şekilde yapar:

- Dış yapı (şekil) özellikleri yönünden karşılaştırma
- Edebî tür ve bu türün özellikleri açısından karşılaştırma
- Edebî çevre, dönem, saha ve akım gibi konularda karşılaştırma
- Müelliflerin (sâir/yazar) kıyaslanması
- Edebî sanatlar, dil ve anlatım açısından karşılaştırma
- Bakış açısı, anlatıcı ve hayat felsefesi bağlamında karşılaştırma
- Konu, tema, mesaj, motif, tip, ana ve ara fikirler yönünden karşılaştırma
- Kültürel ve sosyal hayatın kıyaslanması [14: 70].

Türkiye'de ilk karşılaştırılan eserler batılılaşmanın başladığı tanzimat ve serveti fûnun dönemlerinden seçilmiştir. Söz konusu bu eserler ile genellikle Fransız romanları kıyaslanmıştır. Cemil Meriç ise yüzünü Avrupa'dan Hindistan'a çevirmiştir. Meriç neen Hind edebiyatını tercih ettiğini şu sözlerle açıklar: "*Hind'i göklere çıkarışımız Batı'yı yermek için değildir.*

Himalaya'nın keşfi Olemp'e karşı beslediğimiz sevgiyi azaltmadı. Ama eski Yunan, yalnız kitaplarda yaşıyor. Hind'in dehasını dile getiren büyük fikir adamları çağdaşımız kafayla gönlü barıştıracak yeni bir terkip için Hind'in kılavuzluğuna ihtiyaç vardır [4: 20].

Türkiye'de Karşılaştırmalı Edebiyat bölümü ilk defa 1996 yılında İstanbul Bilgi Üniversitesi bünyesinde açılmıştır. Bugün itibariyle Türkiye'de Koç Üniversitesinde, Osmangazi Üniversitesi'de Dokuz Eylül Üniversitesi ve Konya Selçuk Üniversitesinde lisans, yüksek lisans ve doktora programlarında öğretim verilmektedir.

Üniversitelerin bu bölümlerinin yanında Karşılaştırmalı Edebiyat alanında yapılan konferans ve sempozyumlar bizlere bu edebiyat sahasının Türkiye bilim dünyasında ne kadar ilgi gördüğünün güzel bir ispatıdır. Sakarya Üniversitesi bünyesinde düzenlenen II. Uluslararası Karşılaştırmalı Edebiyatbilim Kongeresinde 80 tane bildiri sunulmuş ve 150'den fazla katılımcı oturumlarda hazır bulunmuştur [7: 39].

Türkiye'de Karşılaştırmalı Edebiyat alanında Cemil Meriç, İnci Enginün, Gürsel Aytaç, Murat Belge, Emel Kefeli, Cemal Sakallı, Yavuz Bayram ve Mehmet Yazgan'ın çalışmaları oldukça dikkatleri çekmektedir.

Günümüzde edebiyat araştırmacıları Türk yazarların eserleriyle Alman, İngiliz, İspanyol, Fransız ve Amerikan yazarların yapıtlarını karşılaştıran birçok makale ve tez kaleme almışlardır. Son zamalarda ise Rus-Türk hikaye ve romanları oldukça sıklıkla karşılaştırılmaktadır. Bu çalışmalardan en çok ilgi görenleri Mehmet Güngör'ün Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Karşılaştırmalı Edebiyat Bölümünde Yüksek Lisans Tezi olarak savunduğu 'Aleksandr Soljenitsin ve Alev Alathı'da özgürlük' adlı çalışması, Mustafa Aydemir'in 'Ret ve inkârın kıskacındaki nihilist karakterler: Bazarov ve Suat' isimli makalesi, Setenay Er'in 'Tutunamayan Üç Kurmaca Kadın: Emma Bovary, Anna Karenina, Bihter Ziyagil' adlı Yüksek lisans seminer çalışması ve Lemana Abibulayeva'nın Ankara Üniversitesi'nde savunduğu 'Rasim Özdenören Ve Feodor Dostoyevski'nin Tahkiye Anlayışı Açısından Bir Karşılaştırma' adlı yüksek Lisans Tezidir.

Sizleri Mustafa Aydemir, Lemana Abibulayeva ve Setenay Er'in yaptıkları kıyaslamalar hakkında kısaca bilgilendireceğim.

Mustafa Aydemir:

Mustafa Aydemir'in 'Ret ve inkârın kıskacındaki nihilist karakterler: Bazarov ve Suat' isimli makalesi Türkiye'de oldukça ses getirmiştir. Çünkü Aydemir, Ahmet Hamdi Tanpınar'ın Suat karakterini oluştururken Turgenev'in

ölümsüz eseri Babalar ve Oğullar romanının kahramanı Bazarov'dan etkilendiğini savunur. *“Hayata karşı inancını ve güvenini kaybetmiş, hiçbir şey karşı sevgi ve mesuliyet duygusu hissetmeyen, her türlü metafizik ve ahlaki değer karşısında olan mutsuz, huzursuz, hastalıklı bir ruh halini imleyen Suat'ın da Bazarov gibi Nihilist bir tipi temsil ettiği söylenebilir. Tanpınar'ın Rus romancılarından, özellikle de Turgenyev'den etkilendiği görülmektedir”* [2: 137].

Aydemir, Suat ve Bazarov karşılaştırmasını birkaç başlık altında yapmıştır. Bu başlıkların ilki ‘Tanrı’ya veya Otoriteye Başkaldırı’dır. Bu konuda Aydemir, nihilizmin uzun bir tarifini yapar ve Bazarov’un sadece dine değil o dönemde Tanrıyla beraber otoriteyi paylaşan aristokratizme de karşı olduğunu belirtir [2: 129].

Bazarov’un inkarının bir yansıması da Aydemir’e göre Suat’ta vardır. Aydemir, nasıl Bazarov, herşeyi eleştirmesi ve inkarıyla Turgenyev tarafından yeni neslin bir temsilcisi olarak gösterildiyse Suat da herşeye şüphe ile yaklaşan ateist Türk aydınını temsil eder. Aydemir’e göre Suat’ın Allah’a inanıp inanmadığı ile ilgili kendisine sorulan soruya *“Hayır yavrucuğum inanmıyorum. Bu saadetten mahrumum. İnansaydım mesele değişirdi. Bilseydim ki vardır, insanlarla hiçbir devam kalmazdı. Yalnız onunla kavga ederdim. Her an bir yerde yakalar, bana hesap vermeye mecbur ederdim”* [12: 335] diye cevap vermesi onun Bazarov gibi Nihilist anlayışa sahip bir aydın olduğunu gösterir.

Aydemir’in Bazarov ve Suat karşılaştırmasındaki bir başka başlık ise ‘Aşk’tır.

Aydemir Bazarov’un nihilizmden dolayı romanın başlarında aşkı ve evliliği saçmalık olarak gördüğünü ve onları inkar ettiğini anlatır. *“Bütün hayatını bir kadın aşkına bağlayan ve bu aşk da ölünce şaşırıp kalan ve hiçbir şey yapamayacak kadar bütün kabiliyetlerini kaybeden bir adam erkek sayılmaz”* [13: 47], *“Demek hâlâ nikâha önem veriyorsun?”* [13: 60].

Aydemir’e göre Bazarov’un aşk ve evlilik konusundaki görüşleri Suat’ı doğrudan etkilemiştir. Çünkü Suat da Bazarov gibi aşkı inkar eder kadına sadece fizyolojik olarak bakar ve evliliği de mide bulandırıcı bir kurum olarak niteler [2: 131].

Aydemir, Suat’ı Bazarov’la ‘ahlak kurallarının veya değerlerin yitimi’ başlığı altında da kıyaslamıştır. Araştırmacıya göre Bazarov, toplum olaylarını dikkatle izlemekte, kendisini topluma yön verebilecek bir kişi olarak görmektedir. O, serf Rusya’sının düzenini değiştirmek istemektedir. Bu yüzden

Bazarov, toplumun bütün kurumlarını, geleneklerini ve ilkelerini yadsır. Zira insan güçlüdür. Gücün kaynağı da gelenekler ve inaçlar değildir. İnsan kendi yarattığı değerlerin kölesi olmuştur [2: 132].

Aydemir'e göre Bazarov'un eskiye dair ne varsa inkar etmek gerektiği düşüncesinin aynısı Suat'ta da vardır. "Evet, bir adımda eski, yeni ne varsa hepsini silkip, fırlatmak. Ne Ronsard ne Fuzûlî..." [11: 98]. Suat diyalogun devamında böyle yapmakla "benliğimizi kaybetmekten başka" bir yararı olmayacağını söyleyen Mümtaz'a "— Yeniye... yeni bir alemin masalını kurarız. Sovyet Rusya'da olduğu gibi" [12: 98] cevabını verir.

Aydemir makalesinde son olarak Bazarov ve Suat'ın ortak bir sona sahip olduklarını yazar. Bazarov, romanın sonlarına doğru, tifolu bir hastayı otopsi yaparken parmağını keser ve kısa bir süre sonra da ölü. Aydemir'e göre Bazarov'un ölümü aslında bilinçli bir intihardır. "*Aslında bunun bir kaza olmadığını, bilinçli bir intihar olduğunu söylemek mümkündür. Zira Bazarov, otopsi esnasında parmağının kesildiğinin bilincindedir. Bunu umursamadan otopsiye devam eder. Hatta kesğin üstüne "cehennem taşı" koymasına gerekirken bunu yapmaz*" [2: 135].

Huzur romanının kahramanı kurgu olarak Bazarov'un ölümü gibi olmasa da o da intihar eder. Aydemir'e göre Tanpınar ve Turgenyev kahramanlarının sonunu ölümle sonuçlandırarak bir nevi onları cezalandırmıştır.

Sonuç bölümünde Aydemir Bazarov ve Suat arasındaki ilginç benzerliklere bir kez daha atıf yaparak Tanpınar'ın Turgenyev'den bilinçli olarak etkilendiğini ve Bazarov ve Suat gibi karakterlerin Türk toplumu için faydalı olamayacağını göstermek istediğini yazar. Tanpınar'ın Rus romancılarından, özellikle de Turgenyev'den etkilendiği görülmektedir. "*Suat karakteriyle yazar, Batı edebiyatı ve felsefesinden alınmış Tanrı tanımazlığı "memleketin hayatına yabancı" "kendi bünyemize aykırı" bir kişilik olarak göstermek niyetindedir. Böylece yazar, Rus edebiyatında Bazarov'la ortaya çıkan ve daha sonra yaygınlaşan Nihilizm'i Türk toplumuna uygun bulmaz ve Suat'ın şahsında onu mahkûm eder. Zira bunun yapımıza uygun olmadığı kanaatindedir*" [2: 136].

Rus ve Türk edebiyatları arasında yapılan bir başka dikkat çekici çalışma, Lemana Abibulayeva tarafından Rasim Özdenören'i Dostoyevskiy ile kıyaslandığı 2006 yılında Ankara Üniversitesinde Nurullah Çetin'in danışmanlığında savunulan Yüksek lisans tezidir.

Abibulayeva, karşılaştırmasını, Yavuz Bayram'ın tasnifine göre sistemleştirmiş ve oldukça hacimli bir çalışma ortaya koymuştur. Tezde araştırma-

cı, Dostoyevski'nin üç hikaye ve üç romanını Özdenören'in dokuz hikaye-siyle mekân, zaman, olay örgüsü, şahıs kadrosu, yazarların seçtiği konular ve üslûp başlıkları altında kıyaslamıştır. Abibulayeva, ilk önce eserleri, söz konusu başlıklar altında kapsamlı bir şekilde incelemiş daha sonra ise karşılaştırma adı altında kıyaslamalar yapmıştır. Abibulayeva'nın bu tezi, kıyaslama metodlarının kullanılacağı bir çalışmada sistem nasıl olmalıdır sorusunun güzel bir cevabıdır.

Abibulayeva'nın metodunun daha iyi anlaşılabilmesi için birinci başlıkta yer alan mekan konusundaki kıyaslamaların nasıl yapıldığını sizlere anlatmaya çalışacağım.

Rasim Özdenören'in Eserlerinde Mekân:

Abibulayeva'ya göre Özdenören'in gerçeklik olgusu mekanlarına da yansımıştır. Şahıs kadrosunun sunumunda ve olay örgüsünün anlatımında istenilen etkinin okuyucu üzerinde oluşması için Özdenören mekanlarını gerçek hayattan seçer. Abibulayeva Özdenören için kırsal mekanların çok önemli olduğunu vurgular. Bu durumun, özellikle 'Çok Sesli Bir Ölüm' adlı kitabındaki hikâyelerinde karşımıza çıktığını "Kan". "Çatışma", "Sabah Aralığı" adlı hikâyelerde de olayların gerçekleştiği mekânın köy olduğunu bu hikâyelerde mekân olgusunun çok işlevsel olmamasına rağmen, şahıs kadrosunun onların sosyal kimliklerinin çizilmesinde oldukça büyük rol oynadığını yazar [1: 19].

Feodor Dostoyevski'nin Eserlerinde Mekân.

Abibulayeva'nun incelediği eserlerde Dostoyevski'nin mekan olarak kullandığı yer St.Petersburg'dur. Abibulayevagöre diğer Rus yazarlarında da St. Petersburg oldukça büyük bir yer tutmaktadır. Ancak Dostoyevski'de St. Petersburg onlarda olduğu gibi saray ve ihtişamın simgesi olarak yer almamıştır. Dostoyevski, St. Petersburg'u bir başka yönden bize anlatmaya çalışmaktadır. Onun anlattığı yaşam, fakir ve sefillerin yaşadığı yaşam; mekân da iç St. Petersburg'dur. Meşhur olmayan yönleriyle sefil yerler, yani anlatılan mekanlar şehrin çirkin yüzüdür [1: 22].

Karşılaştırma:

Abibulayeva'ya göre hem Dostoyevskiy hem de Özdenören bir amaç doğrultusunda mekan olgusunu kullanır. Rasim Özdenören, kahramanlarını, olayları, hatta hikâyelerini daha gerçekçi kılmak için hayatta var olan veya var olanlara yakın özellikleri sergileyen mekanlar seçmektedir. Dostoyevski ise, insan ve onun psikolojisini daha iyi çözümlmek, bu çözümlleme esnasında bütün bunları daha iyi sergilemek amacıyla, yaşadığı dönemin en kaotik, karışık ve bürokratik yapıya sahip olan şehri, yani St. Petersburg'u seçer.

Ayrıca Abibulayeva, Dostoyevskiy ve Özdenören'in açık mekanları seçmelerinin sebebi olarak her iki yazarında kahramanlarının psikolojilerini daha iyi anlatma kaygısından kaynaklandığını belirtir. Son olarak Abibulayeva'ya göre Hem Özdenören hem de Dostoyevskiy mekân tasvirlerini oldukça canlı bir şekilde verir. Öyle ki, okuyucu kendini kahramanlarıyla aynı mekânda buluyorlarmış gibi hisseder. Bu durum iki yazarın da eserlerinin gerçekçiliği artırmaktadır [1: 28].

Rus ve Türk roman kahramanlarının karşılaştırıldığı bir başka çalışma ise Setenay Er'e aittir. Er, Tostoy'un Anna Karenina romanındaki Anna'yı Halit Ziya Uşaklıgil'in Aşk-ı Memnu eserindeki Bihter Ziyagil'le kıyaslamıştır.

Er, karşılaştırmasını batılılaşmanın her iki kahraman üzerindeki etkisi, Anna ve Bihter'in karakterlerinin ortak yönleri ve yaşanan olayların benzerliği üzerinden planlamıştır. Er'in kıyaslaması diğer yapılan karşılaştırmalara göre daha anlaşılır bir metoda sahiptir. Er'in karşılaştırmasını özetle şu madeler altında toplayabiliriz.

Her iki Romanda da eş olarak kurgulanan erkek karakterler dışarıda çok başarılı fakat evlilik hayatlarında pasiftirler.

Hem Anna' hem de Bihter romanların başlarında geleneksel kadın kimliğine çok da aykırı olmayan kahramanlar olarak eserlerin sonlarına doğru bireyselleşmişler ve toplumun değerlerinden kopmaya başlamışlardır.

Er'e göre Hem Anna'nın hem de Bihter'in önünde örnek olabilecek bir annelik kurumu yoktur. Anna'yı halası büyütüştür. Bihter'in ise annesi ise ahlaki değerlerden yoksundur.

Bihter'i doğa ile yaptığı buluşmalar hayatı sorgulatırken Anna'trende tanıştığı insanlar ve girdiği farklı ortamlar yaşam hakkında düşünmesini sağlar.

Moderneleşmenin bir etkisi olarak Anna balolarda ve partilerde boy gösterirken Bihter ise istibdat döneminin etkisi yüzünden evinden pek dışarı çıkamaz.

Hem Anna hem de Bihter hayatlarındaki kişiler acı çeksin diye intihar etmişlerdir.

Her iki romanda da okur her şeyi bilen ve gören bir konumdadır. Yazarlar kişilerinin yüceltmeye ,ahlak dersi vermeye çalışmazlar ve hiçbir karakteri suçlamazlar izin vermez [10: 23].

Sonuç

1. Türkiye'de gerek karşılaştırmalı edebiyat alanında yapılan çalışmalar, düzenlenen konferans ve sempozyumlar gerekse üniversitelerde her geçen gün lisans, yüksek lisans ve doktora alanlarında öğrencilerin bu bilim dalında

öğretim görmek için taleplerinin artması Türkiye’de karşılaştırmalı edebiyata olan ilginin en güzel ispatıdır.

2. Çeşitli araştırmacılar tarafından yapılan karşılaştırmalı edebiyat tanımları benzerlik gösterse de söz konusu bilim dalının sınırlarının ve amaçlarının ne olduğu hâlâ büyük bir tartışma konusudur.

3. Karşılaştırmalı edebiyat bilimi araştırmalarında ve derslerinde kullanılacak yöntemler tam olarak ortaya konulamamıştır. Bu sebepten dolayı Türkiye’de üniversitelerde karşılaştırmalı edebiyat bölümlerinin müfredatı farklılık gösterir.

4. Türkiye’de ilk karşılaştırmalı edebiyat çalışmalarında, batılılaşmanın Türk edebiyatı üzerindeki etkisini ölçmek için Fransız ve Alman yazarlarının eserleri Türk yapıtlarıyla kıyaslanmıştır.

5. Son zamanlarda karşılaştırmalı edebiyat çalışmaları yönünü Fransız edebiyatından Rus edebiyatına çevirmiştir. Son beş yılda Rus ve Türk eserlerinin karşılaştırıldığı onlarca yüksek lisans ve doktora tezi bulunmaktadır.

Kaynakça

1. *Abibulayeva Lemana*. Rasim Özdenören Ve Feodor Dostoyevski’nin Tahkiye Anlayışı Açısından Bir Karşılaştırma, Yüksek Lisans Tezi Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü 2006 // <http://acikarsiv.ankara.edu.tr/browse/1370/>

2. *Aydemir Mustafa*. Turkish Studies. Vol. 8/8. Summer 2013. Ankara.

3. *Aytaç Gürsel*. Karşılaştırmalı Edebiyat Bilimi. Kültür Bak. Yay., Ankara, 2001 s.21

4. Cemil Meriç, Bir Dünyanın Eşiğinde, İletişim Yay. İstanbul. 1994, s.20.

5. http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_gts&arama=gts&guid=TDK.GTS.59c3ac47d52d69.38821288

6. *Grene Roland*. “Their Generation”. Comparative Literature in the Age of Multiculturalism / ed. by Charles Bernheimer. London: The Johns Hopkins Uni. Pres., 1995.

7. *Gültekin Ali, Üyümez Fatma Betül*. Türkiye’de Karşılaştırmalı Edebiyat Çalışmaları, İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi, 2008.

8. *Kefeli Emel*. Karşılaştırmalı Edebiyat İncelemeleri. Kitabevi yay. İstanbul, 2000.

9. *M. Andre Rousseau-Claude Pichois*. Karşılaştırmalı Edebiyat, çev: Mehmet Yazgan, MEB Yayınları, İstanbul, 1994.

10. Setenay ER, Tutunamayan Üç Kurmaca Kadın: Emma Bovary, Anna Karenina, Bihter Ziyagil Ondokuz Mayıs Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü yay. Samsun 2016.

11. Şahin Elmas KİBATEK XIII. Edebiyat Sempozyumu Bildiri Kitabı, Adana-Antakya, 13–19 Kasım 2006.

12. *Tanpınar Ahmet Hamdi*. Huzur. Dergâh. Yayınları İstanbul.

13. *Turgenyev İvan Sergeyeviç*. Babalar ve Oğullar. İstanbul: Elips Yayınları. 2007.

14. *Yavuz Bayram*. Karsılastırmalı Edebiyat Bilimi ve Bir Uygulama // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü. Türkiyat Araştırmaları Dergisi. S:16 (Güz 2004). S. 69–93.

Акиф Фарзалиев

**Рукописи сочинений Ахмеда Ясеви, хранящиеся
в фонде Научной библиотеки им. М. Горького**

Akif Farzaliev

**Manuscript works of Ahmed Yasevi stored in the library
of the Faculty of Asian and African Studies SPbSU.**

Abstract: The library of the Faculty of Asian and African Studies SPbSU stores unique Persian, Turkic and Arabic manuscript collection, which is of a significant value. Turkic manuscripts of SPSU cover various branches of philology, characteristic of medieval literature. A significant part of these manuscripts constitute manuscripts (39 lists) of Ottoman authors, such as Ishak Çelebi, Mustafa Ali Effendi, Kâtip Çelebi, Mustafa Naima, Kara Chelebizade and others. From historical manuscripts written by the Central Asian authors, a special place in the collection is occupied by “Babur-name” of Zahir al-Din Babur, “Jami al-Tawarikh” of Kabir Ali Bek, “Shajare-yi Turk” of Abul Gazi. The manuscript under the code number of Ms.O. 1390 where, in addition to “Hikmat” of Ahmed Yasevi, on the sheets 215B–217V there are an unknown author work called “Sifat Hasht Sultan”, devoted to Ahmed Yasevi and his philosophical views, is of a particular interest. Given that the above manuscript writings of Ahmed Yasevi were unknown to the scientific community, their study is of a great value and interest.

В библиотеке Восточного факультета СПбГУ собрана уникальная персоязычная, тюркская и арабская коллекция рукописей, представляющая собой значительную ценность. Эти рукописи собирались с первых дней учреждения Санкт-Петербургского университета. Туда также вошли коллекции из библиотек Казанской гимназии, Восточного факультета Казанского университета, Одесского лицея, коллекции А. Казымбека и А. Ромаскевича, а также отдельные частные и иные поступления.

Количество тюркоязычных рукописей составляет более 220 списков, около 180 сочинений, которые охватывают почти всю средневековую научную и литературную сферу, а также различные отрасли словесности, характерные для средневековой письменности. Значительную часть

этих рукописей составляют сочинения османских авторов, такие как великолепно оформленный список 1557 г. «Селим-наме» Исхака Челеби, художественно оформленный список 1717 г. «Сулейман-наме» Кара Челебизаде, история Египта («Тарихе-Миср») Салиха аль-Мисри, «Таквим ат-Таварих» («Календарь историй») Кятиба Челеби, сочинение Мустафы Али-эфенди, «Тарихи Наима» Мустафы Наима и др.

Среди исторических сочинений, написанных авторами Центральной Азии, рукописи которых хранятся в библиотеке Восточного факультета, особое место занимает «Бабур-наме» Захиреддина Бабура, «Джами ат-таварих» («Собрание летописей») Кабир Али бена, «Шаджара-йи турк» («Родословная турок») Абу-л-Гази Бахадурхана и др. В библиотеке также имеются сочинения, посвященные истории Крымского ханства, камских булгар, истории Азербайджана, написанных на татарском и азербайджанском языках.

Тюркские литературные памятники представлены примерно восьмьюдесятью списками рукописей. Среди них поэма «Искандер-наме» Ахмеди, «Лейли и Меджнун» Физули, «Хосров и Ширин» Шейхи, «Шах и Геда» («Шах и нищий») и «Гянджине-и раз» («Сокровищница тайн») Яхья-эфенди, датированные 947/1540 и 953/1546 гг. В библиотеке Восточного факультета хранятся также, помимо «Дивана» Навои, такие его произведения, как «Махбуб ал-кулуб» («Возлюбленный сердце») и «Маджалис ан-нафаис» («Собрание редкостных людей»). Интересны с точки зрения художественного оформления сочинения Махмуда Ламе' и «Шараф аль-инсан» («Достоинство человека»), написанное в 933/1526–1527 гг., а также «Гюльшен аль-шуара» («Цветник поэтов») Ахди Багдади, составленное в 971/1562–1564 гг. В библиотеке немало рукописных книг по медицине, музыке, астрономии, математике, каллиграфии, и еще больше по вопросам религии — ислама. Большинство рукописей не имеют научного описания, не изучены и соответственно не известны исследователям.

Существуют три списка собрания рукописей Восточного факультета, составленные К.Г. Залеманом¹ в 1888 г. и А.А. Ромаскевичем² в 1925 г.

¹ Залеман К.Г., Розен В.Р. Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям библиотеки Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1888. (*Saleman C., Rosen V. Indices alphabetici codicum manuscriptorum Persicorum Arabicorum qui in bibliotheca Imperialis literarum Universitatis Petropolitanae adservantur. Petropoli, 1888.*)

² Ромаскевич А.А. Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей Библиотеки Петроградского Университета. Л., 1925. (*Indices Alpha, etici Codicum Manuscriptorum persicorum Turcicorum Arabicorum Qui in Bibliotheca Literarum Universitatis*

Был создан список рукописей, находящихся в фондах Восточного факультета, и каждой рукописи был присвоен определенный индекс, а также инвентаризационный номер. В 1967 г. инвентаризацию рукописей и составление списка продолжил А.Т. Тагирджанов³.

Еще в 1957 г. известный востоковед, великолепный знаток собрания арабских, персидских и тюркских рукописей Восточного факультета СПбГУ А.Т. Тагирджанов в одной из своих статей с большим сожалением отмечал, что «...в настоящее время из-за отсутствия подробного и точного описания наши [т. е. Восточного факультета. — А.Ф.] рукописи часто упускаются из виду; ... в то время как наше собрание вносит существенное дополнение к богатейшим хранилищам, так как во многих случаях наши списки являются более ранними, чем другие»⁴. Таким образом, эти рукописи, как отмечает А.Т. Тагирджанов, «могут дать возможность решить те или иные затруднительные вопросы, как например, дата сочинения, автор или название произведения, разные редакции и авторы их и др.»⁵.

Что касается списков К.Г. Залемана и А.А. Ромаскевича, как справедливо отмечает автор третьего списка А.Т. Тагирджанов, эти «индексы требуют значительного количества исправлений и дополнений»⁶. В списке К.Г. Залемана «допущено свыше 30, а в списке А.А. Ромаскевича около 15 разного рода неточностей, в которых... неверно определено или само сочинение, или язык, автор, дата сочинения и др.»⁷.

Также до сих пор не изученным остается рукописное наследие прославленного суфийского шейха, выдающегося поэта и философа Ходжи Ахмеда Ясеви, хранящееся в библиотеке Восточного факультета СПбГУ. В хранилище имеются семь рукописных списков поэта, которые не вошли в индексы К.Г. Залемана и А.А. Ромаскевича. Поэтому думаем, что они поступили в библиотеку скорее всего в середине XX в. и позже были включены в «Список» А.Т. Тагирджанова.

Petropolitanae Adservantur Supplementum cofecit Ф. Romaskewicz. Leningrad, A.D. MCMXXV).

³ Тагирджанов А.Т. Список таджикских, персидских и тюркских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ: Продолжение списков К.Г. Залемана и А.А. Ромаскевича / ред. А.Н. Болдырев. М.: Наука, 1967.

⁴ Тагирджанов А.Т. Таджикско-персидские и тюркские рукописи Восточного факультета ЛГУ // Вестник ЛГУ. 1957. № 8. С. 68.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Ниже мы даем краткое описание рукописей произведений великого поэта, суфия Ходжи Ахмеда Ясеви или Ахмеда ибн Ибрахим ибн Махмуд ибн Ифтихар Йасави (ум. 562/1166 г.), так как они не имеют до сих пор научного описания и не упоминаются в исследованиях.

1. M.S.O. 1390, лл. 1а–145в; 170а–192в; 13х24; 11х22; 14 строк.

Содержит 87 хикметов.

Рукопись не ранее второй половины XVIII в. Бумага среднеазиатская, чернила черные. Почерк наста'лик. Текст в основном в один столбец, однако встречается и в два столбца. Имеются кустоды.

Переплет поздний, картонный, с дерматиновым корешком.

Дефекты: текст в некоторых местах пострадал из-за некачественной реставрации.

В рукописи на лл. 215в–217в имеется произведение анонимного автора под названием «Сифат-и хашт Султан» («Восемь особенностей Султана»), посвященное жизни и деятельности, а также философии Ходжи Ахмеда Ясеви. Здесь же упоминается имя его отца — Ибрагим и матери — Карасач.

2. M.S.O. 1302, лл 1а–8в; 13х21; 16,6х8,5; 14 строк.

Содержит 4 хикмета.

Рукопись переписана в 1204/1789–1790 гг. в Центральной Азии.

Бумага среднеазиатская, чернила черные. Почерк наста'лик. Текст в один столбец. Имеются кустоды.

Переплет среднеазиатский, картонный, с кожаными корешком и ромбовидным тиснением.

Дефекты: местами текст смазан, имеются пятна.

3. M.S.O. 1305. лл 1 в–9 в; 13,5х25; 9,5х20; 15 строк.

Содержит 5 хикметов.

Рукопись переписана в 1259/1843–1844 гг. в Центральной Азии.

Переплет среднеазиатский, картонный, с кожаными корешком и тиснением. Имеются кустоды.

Дефекты: имеются пятна; текст местами смазан.

4. M.S.O.1362, лл. 55в–66в, 12х20; 9,5х18; 11 строк; 68а–8 а; 9 строк.

Содержит 7 хикметов.

Рукопись переписана не позднее XIX в. в Центральной Азии. Бумага среднеазиатская, чернила черные. Почерк наста'лик. Текст в один столбец. Имеются кустоды.

Переплет среднеазиатский, картонный, с кожаным корешком и ромбовидным тиснением.

Дефекты: имеются пятна от сырости.

5. M.S.O.1369, лл. 1в–9в; 14x25,5; 9,5x19,5; 15 строк.

Содержит 3 хикмета.

Рукопись по полиграфическим данным относится к концу XVIII – началу XIX вв. Бумага среднеазиатская, чернила черные. Почерк среднеазиатский наста'лик. Текст в два столбца, местами встречается в один столбец. Имеются кустоды.

Переплет среднеазиатский, картонный, с кожаным корешком и ромбовидным тиснением.

Дефекты: в некоторых местах текст пострадал из-за некачественной реставрации, имеются пятна.

6. M.S.O.1419, лл. 1а–8в; 14x23; 9x16,5; 13 строк.

Содержит 2 хикмета.

Рукопись XVIII в.

Бумага среднеазиатская, чернила черные. Почерк наста'лик. Текст в один столбец. Имеются кустоды.

Переплет заменяет толстый лист бумаги.

7. M.S.O. 1398; лл. 5в–7в; 15x25; 9x17; 10 строк.

Название сочинения указано как «Эшар Ахмед Ясеви ва газалият Мухиаддин Ишан Сияклы ва Надими» («Стихи Ахмеда Ясеви и газели Мухиаддина Сияклы и Надими»). В этой же рукописи на листах 121в–124а (15x25; 8,5x14) имеются два хикмета Ходжи Ахмеда Ясеви.

Рукопись XVIII в. Бумага среднеазиатская, чернила черные. Почерк наста'лик. Текст стихов в два столбца, а текст хикметов в один столбец. Имеются кустоды.

Переплет картонный, с кожаным корешком и ромбовидным тиснением. На лл. 2в–3а имеются многочисленные печати владельцев данной рукописи.

Как видно из вышеуказанного, все рукописи Ходжи Ахмеда Ясеви были переписаны в XVIII–XIX вв. и среди них нет полного списка «Диван-и хикмет» автора.

Известный исследователь жизни и деятельности Ходжи Ахмеда Ясеви А.И. Пылев утверждает, что самым полным из наиболее ранних списков, находящихся в фондах Санкт-Петербургских библиотек, является

рукопись из коллекции К.Г. Залемана, приобретенная в 1897 г. Она переписана не позднее XVIII в., содержит 72 хикмета⁸.

Однако вышеописанная рукопись под номером М S.O.1390 из фонда библиотеки Восточного факультета СПбГУ нам кажется более полной и нуждается во всестороннем научном исследовании.

В целом в петербургских библиотеках в 33 рукописях⁹ имеются произведения Ходжи Ахмеда Ясеви, а основная часть рукописей, конечно же, находится в собраниях Стамбула, Ташкента, Ашхабада и Душанбе. По подсчетам А.И. Пылева, «общее число “хикматов”, содержащих тахаллус Ахмада Ясави, достигает 250, самые полные рукописи содержат лишь 130–140 произведений»¹⁰.

Интерес к творчеству Ходжи Ахмеда Ясеви был огромен в Центральной Азии во второй половине XVIII и в XIX вв. С конца XIX в. и до 1917 г. его «Хикмет» под названием «Диван-е хезрет-е хикмет» («Сборник мудрых изречений») был издан 45 раз тиражом от 1200 до 10 000. Впервые «Хикметы» вышли в Казани и с 1878 по 1912 гг. издавались там еще 8 раз¹¹.

По словам известного туркменского историка А. Язбердиева, «до 1917 г. “Хикметы” Ясеви издавались в Средней Азии 23 раза: двадцать — в Ташкенте и три — в Бухаре»¹². Далее автор отмечает, что «в 80–90-х годах XIX в. “Хикметы” 6 раз издавались в Стамбуле, причем все они печатались по заказу среднеазиатских книготорговцев: Сытдыха Ходжи Ходженди (издания 1892–1898 гг.), Ахмеда Ших Сулеймана, Якупа Мухаммет Салых-оглы, Салыха Ходжи Бухари, Молла Камилджана, Искандера Ходжи Ходженди, которые затем привозили и продавали свою продукцию у себя на родине»¹³.

В чем же была причина такого необычного интереса к творчеству Ходжи Ахмеда Ясеви в XVIII–XIX веках? Как известно, это был период завоевания Российской Империей Центральной Азии. В 1847–1864 гг.

⁸ Пылев А.И. Ходжа Ахмад Йасаи — первый тюркский суфийский поэт Средней Азии (жизнь и творчество). Дисс. ... к.ф.н. СПб., 2001. С. 68.

⁹ Из них 23 рукописи находятся в Институте Восточных рукописей АН РФ; семь рукописей — в библиотеке Восточного факультета СПбГУ и три рукописи под шифром ТНС 25, ТНС 242, ТНС 277 — в Российской Национальной библиотеке.

¹⁰ Пылев А.И. Указ. соч. С. 68.

¹¹ Язбердиев А. Старопечатные туркменские книги (проблемы собирания, библиографирования и изучения). М.: Ориент-пресс, 2001. С. 95

¹² Там же.

¹³ Там же.

были завоеваны города Туркестан, Аулие-ота (Джамбул) и Чимкент, в 1865–1868 гг. был захвачен Бухарский эмират, а в 1873–1879 гг. Россия, упразднив Кокандское ханство, завоевала Хивинское ханство, и наконец в 1880–1885 гг. окончательно присоединила Туркмению. После российского завоевания по всей Средней Азии прокатились народные восстания, которые были подавлены с особой жестокостью. Для противостояния завоевателям народам Средней Азии требовалась сильная идеология духовного единства, и основная масса выбрала среди наиболее распространенных в Центральной Азии религиозных течений — накшбандийа, яссавийа и кубравийа — учение Ходжи Ахмеда Ясеви, который «посвятил все силы, всю жизнь объединению родственных народов, созданию духовного единства на фоне многочисленных религиозных течений»¹⁴. Вот в чем была причина столь мощного и стремительного распространения хикметов великого поэта и суфия. Особую роль в распространении его хикметов играли переписчики (кятибы), поэты и народные музыканты.

Учитывая, что вышеуказанные рукописи сочинений Ахмеда Ясеви были неизвестны научной среде, их изучение может представлять большой интерес среди исследователей творчества Ясеви, а также любителей поэзии и философии этого поэта.

Литература:

1. *Залеман К.Г., Розен В.Р.* Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям библиотеки Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1888 (*Saleman C., Rosen V.* Indices alphabetici codicum manuseriptorum Persicorum Arabicorum qui in bibliotheca Imperialis literarum Universitatis Petropolitanae adservantur. Petropoli, 1888).

2. *Пылев А.И.* Ходжа Ахмад Йасави — первый тюркский суфийский поэт Средней Азии (жизнь и творчество). Дисс. ... к.ф.н. СПб., 2001.

3. *Ромаскевич А.А.* Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей Библиотеки Петроградского Университета. Л., 1925 (*Indices Alpha, etici Codicum Manu Scriptorum persicorum Turcicorum Arabicorum Qui in Bibliotheca Literarum Universitatis Petropolitanae Adservantur Supplementum cofecit Ф. Romaskewicz. Leningrad, A.D. MCMXXV*).

¹⁴ *Ясави Ходжа Ахмед.* Хикметы / общ. ред. и предисл. М. Х. Абусеитовой; излож. пер. на казахский яз. А.И. Ибагова, З. Жандарбека, А.Ш. Нурмановой; излож. пер. на рус. яз. Н.Ж. Сагандыковой; коммент. З. Жандарбека. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 4.

4. *Тагирджанов А.Т.* Список таджикских, персидских и тюркских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ: Продолжение списков К.Г. Залемана и А.А. Ромаскевича / ред. А.Н. Болдырев. М: Наука, 1967.

5. *Тагирджанов А.Т.* Таджикско-персидские и тюркские рукописи Восточного факультета ЛГУ // Вестник ЛГУ. № 8. 1957. С. 68.

6. *Язбердиев А.* Старопечатные туркменские книги (проблемы собирания, библиографирования и изучения). М.: Ориент-пресс, 2001.

7. *Ясави Ходжа Ахмед.* Хикметы / общ. ред. и предисл. М.Х. Абу-сеитовой; излож. пер. на казахский яз. А.И. Ибагова, З. Жандарбека, А.Ш. Нурмановой; излож. пер. на рус. яз. Н.Ж. Сагандыковой; коммент. З. Жандарбека. Алматы: Дайк-Пресс, 2004.

Т.М. Хаджиева

**Фольклорные материалы из научного наследия
А.К. Боровкова (Архив СПФ АРАН)**

**Folklore materials from the scientific heritage
of A.K. Borovkov (The archive of the Russian academy
of sciences St. Petersburg branch)**

После окончания Восточного факультета Среднеазиатского университета в Ташкенте, А.К. Боровков был направлен в аспирантуру в Ленинград. Его научным руководителем был академик Н.Я. Марр.

В 1929–1931 гг. по инициативе Марра были организованы Балкаро-Карачаевские лингвистические экспедиции.

В письме от 28 июня 1929 г. в КЭИ АН СССР Марр пишет: «Организуется мною Балкаро-Карачаевская экспедиция с основным ее заданием по исследованию языка, топонимики и собиранию этнографического материала среди населения Балкарии и Карачая».

В экспедициях 1929 и 1930 гг. участвовал и аспирант Института востоковедения АН СССР А.К. Боровков. Материалы, собранные им в этих экспедициях, хранятся в Санкт-Петербургском Отделении Архива АН СССР (СПбФ АРАН).

Фонд А.К. Боровкова состоит из пяти разделов: *Научные труды; Документы к биографии и по деятельности; Переписка; Труды других ученых; Научные труды, документы к биографии и по деятельности, переписка с Боровковой Т.А.*

В Раздел *Научные труды* входят следующие материалы:

1. *По грамматике карачаево-балкарского языка; Обработанные экспедиционные записи; По диалектологии и этнографии; Экспедиционные дневники, заметки, рисунки* (163 листа).

2. *Карачаево-балкарские песни. Записки* (185 листов).

Фольклорные материалы записаны Боровковым в экспедиции 1929 г. в Балкарском (на цокающем диалекте) и Холамо-Безенгиевском ущельях Кабардино-Балкарии. Помимо 30 песен ученым записаны сказки (4 ед.), пословицы и поговорки (14 ед.), загадки (76 ед.).

Все фольклорные записи даются на языке оригинала (на латинице).

М.Д. Чертыкова

**Внимание как составная часть динамической
характеристики ментальных глаголов
в хакасском языке**

Аннотация: В статье с семантико-когнитивной точки зрения описываются хакасские ментальные глаголы с доминирующим элементом внимания, которые по характеру проявления данного признака поделены на два семантических типа: 1) глаголы, выражающие внимание как доминирующий элемент познавательного процесса; 2) глаголы, выражающие внимание как доминирующий элемент психофизиологического процесса. Анализ семантической структуры этих глаголов показал, что одно из свойств мыслительного процесса заключается в опосредованном характере его протекания, где осуществляются закономерные связи данных жизненного опыта субъекта: ранее приобретенные знания, ощущение, восприятие, память, внимание и т. д.

Ключевые слова: хакасский язык, глагол, внимание, семантика.

Maria D. Chertykova

**Attention as an integral part of the dynamic characteristics
of mental verbs in Khakas language**

Abstract: In the article, semantic and cognitive point of view describes the Khakass mental verbs with the dominant element of attention that the nature of the manifestations of this characteristic are allocated to two semantic types: 1) verbs expressing attention, as the dominant element in the learning process; 2) verbs that Express attention, as the dominant element of the psycho-physiological process. The semantic structure of these verbs have shown that one of the properties of the thinking process is mediated by the nature of its flow, where there are natural connections data the life experience of the subject early acquired knowledge, sensation, perception, memory, attention, etc.

Key words: the Khakas language, verb, attention, semantics.

Внимание субъекта, направленное на процессы, происходящие внутри него, и на объекты окружающего мира, является составной час-

тью ментально-психической деятельности человека (и других живых существ). В психологии внимание не считается особым психическим процессом, как, например, мышление, эмоция, поведение, а может служить лишь их составляющим звеном. Лингвистические словари семантику слова «внимание» обычно определяют как: 1) сосредоточенность мыслей, зрения на каком-л. объекте; 2) заботливое чуткое отношение к кому-л. [1: 138; 4: 88; 6: 65 и др.].

Цель статьи заключается в выявлении глаголов, репрезентирующих значение внимания, в хакасском языке и их семантико-когнитивном описании. Л.М. Васильев глаголы внимания в русском языке связывает с понятием восприятия: «...внимание является необходимым условием восприятия, предворяющим его актом сознания» [2: 68]. Действительно, в совокупность психических и познавательных процессов включаются и такие элементы, как «внимание, ощущение и восприятие, представление и воображение, память, мышление и сознание, связанные с речью и развитием этих процессов. Внимание — определенная активизация и направленность психической деятельности сознания человека, направленная на избирательное восприятие объективной и субъективной действительности» [3: 23]. Человек обычно сосредотачивает свое внимание на объекте, который воспринимает. Однако внимание не может функционировать самостоятельно, а может выступать как необходимый элемент всеобщего познавательного процесса, т. е. проявляясь внутри восприятия и мышления, оно обеспечивает успешную работу человеческого познания.

Рассматриваемые нами глаголы, в семантике которых такие элементы, как внимание и сосредоточенность, играют доминирующую роль, относятся к сфере мыслительной (или ментальной) деятельности человека. Под определением «ментальные глаголы» понимаются глаголы, называющие процессы умственной деятельности и указывающие на национально-этническую специфику восприятия, понимания, познания окружающей действительности отдельной языковой личностью или этноязыковым сообществом в целом [5: 2].

В хакасском языке ментальные глаголы, как и в других тюркских языках, представляют весьма неоднородный и размытый класс, и в количественном отношении они выглядят более или менее скромно. Малочисленность большинства ментальных глаголов компенсируется их многозначностью, за счет чего они в контекстах могут покрывать различные

аспекты ментальной деятельности, например достаточно частотны и обширны по семантике глаголы-идентификаторы: **пiл-** «знать» — выразитель категориально-лексической семы знания [7] и **сағын-** «думать» — выразитель категориально-лексической семы мышления [8].

В классификационной системе хакасских ментальных глаголов глаголы с доминирующим признаком внимания (или условно будем называть их глаголами со значением внимания) представляют отдельную микрогруппу в подгруппе динамичных глаголов мышления. Всего насчитывается 13 глагольных единиц, объединенных по общей инвариантной семе «сосредоточить [свое] внимание на определенном объекте при отвлечении от других». Все они по характеру проявления этой общей семы внимания выделены на два семантических типа: 1) глаголы, выражающие внимание как доминирующий элемент познавательного процесса; 2) глаголы, выражающие внимание как доминирующий элемент психофизиологического процесса.

1) Глаголы, выражающие внимание как доминирующий элемент познавательного процесса

В данную подгруппу входят глаголы, в семантике которых внимание является обязательным компонентом мыслительного процесса. Здесь наиболее многочисленным и богатым в смысле словесного выражения является словообразовательное гнездо — совокупность однокоренных слов с корневой основой — **сис-** «замечать». Данное гнездо включает в себя многозначные глаголы **сизiн-**, **сизiрке-**, **сизiктен-**, в семантике которых процесс концентрации внимания является основным. В морфологической основе этих глаголов наблюдается озвончение глухого согласного **-с-** в **-з-** в интервокальной позиции. Глагол **сис-** в хакасском языке употребляется редко и в Хакасско-русском словаре (2006, далее — ХРС) он представлен как: «**сис-** то же, что и **сизiн-** (в 1 знач.); *мал-хус чир тiтiрирiн сисче осхас* оказывается, животные предчувствуют землетрясение; 2) разгадывать, отгадывать что-л.; *сиспектi сизерге* отгадывать загадку; *сiспектi сизерге* разгадывать смысл пословицы» [ХРС: 463]. Наш контекстуальный анализ семантики данного глагола, основанный на обширном фактическом материале, позволил выделить такие лексико-семантические варианты (далее — ЛСВ):

- ЛСВ1 «заметить». *Иб ээзи, минiң андар харах албин кiрчеткенiмни сис салып, позы чоохты настанча* (Хчк, 106) — Хозяин дома,

заметив, что я не отрываю от него глаз, сам начинает беседу. *Кирі Түлгее соонда ниме полчатханы көрминиче, че ол кинетін сис салган* — Кролик азаан көдірче (По, 220) — Старой Лисе не видно, что происходит у нее сзади, но вдруг она **заметила**, Кролик поднимает ногу.

- ЛСВ2 «догадываться». *Паза ла сиссе, сынап таа андар алдыра чол сыххан аның эшелоны* (Хчк, 37) — Он **догадался**, что его эшелон действительно отправился туда.
- ЛСВ3 «предугадывать». *Хынганының көңнін пазыдынаң даа сис салча* — Настроение своего любимого она **предугадывает** по его походке.
- ЛСВ «понимать». В данном ЛСВ глагол **сис-** переходит в подгруппу глаголов со значением понимания. *Син зе, ам сисчем, он даа палалыг ползаң, хынчатхан ирге паразың* (Ат, 1991, 56) — Ты-то, как я сейчас **понимаю**, и с десятью детьми выйдешь замуж за любимого мужчину.

Значение сосредоточения / привлечения внимания передает также фразеологическая единица **сис хап-** букв. «схватить внимание», образованное из субстантивированного имени **сис** «внимание; внимать» и глагола **хап-** «хватать», который в ее семантику привносит оттенок внезапности: «1) заметить; 2) смекнуть». *Паза ла сис хапса, андар чоон адай чүгүрп одыр* — Как только он **заметил**, к нему бежала большая собака. *Ам на сис хаапча Арминек, пабазы иртен иртох чолга сыгыбыстыр* — Только сейчас **смекнул** Арминек, что [его] отец вышел в путь с утра пораньше.

Наиболее частотным из глаголов данного словообразовательно-го гнезда является многозначный глагол **сизін-**, толкование которого в ХРС представлено как: **сизін-** 1) чувствовать, предчувствовать, чують; *нандырыг тударын сизінерге* чувствовать ответственность; 2) догадываться, понимать; *кізі хылыгын сизінерге* понимать чей-л. характер; замечать что-л. *аң оңдайын сизінерге* замечать повадки зверей; 4) остерегаться кого-л., чего-л.; быть осторожным, предусмотрительным; *чабал кізідең сизінерге* остерегаться дурного человека; *агырыг сизінерге* остерегаться болезни [ХРС: 463–464]. Как видим, семантическая структура данного глагола содержит множество ЛСВ, связанных между собой на уровне передачи семантических особенностей психического процесса.

Проведенные нами компонентный и контекстный анализ семантики глагола **сизін-** выявили следующие ее ЛСВ:

- ЛСВ1 «заметить, замечать». *Андаг маң чох тус аразында чайгының чылыг кўннері пасталыбысханын сизінмин дее халгабыс* (Хч, 1997, 158, 7) — В такой суматохе мы и **не заметили**, как наступили теплые летние дни. *Сала пик чуртаан чон мыны сизінген – ноо киректерідір оларның Тайдаңның чуртында* (Тс, 21) — Более или менее зажиточные люди это **заметили** — какое им дело до дома Тайдана. Данный ЛСВ обеспечивает глаголу **сизін-** ведущее положение среди глаголов со значением внимания. И как частотный глагол, выражающий общее инвариантное значение «сосредоточить [свое] внимание на определенном объекте при отвлечении от других», он является доминирующим глаголом микрогруппы. С ним связаны и остальные члены микрогруппы, дополняющие семантику внимания определенными дифференциальными семами.
 - ЛСВ2 «предчувствовать». *Хараа тооза узубааннар Станишевскийлер. Хоныхтарына хара кўн читкенін чўрекнең сизінчеткеннер* (Тс, 8) — Всю ночь не спали Станишевские. Они сердцем **предувствовали**, что в их жизни наступает черный день.
 - ЛСВ3 «чуютъ». *Ол ыырчызын, чыс хаап, сизінген* (Ат, 1991, 129) — Он своего врага по запаху **чуял**. *Адайлар тайгазар аңнап парчатханнарын чахсы сизінчелер* (Хч, 1997, 90, 2) — Собаки хорошо **чуют**, что они идут в тайгу на охоту.
 - ЛСВ4 «чувствовать». *Істіңде чазырған хайдаг-да сагыстарыңнаң оларнаң ўлесчетсең, сизінчезің, сагаа мында хынчалар* (Чт, 1997, 157, 4) — Если с ними делишься какими-то своими секретами, то **чувствуешь**, тебя здесь любят.
- ЛСВ2–4 глагола **сизін-** выражают не ментальное действие, а способность человека (или другого живого существа) ощущать (испытывать) на интуитивном уровне признаки внешнего воздействия. Считаем, что данные ЛСВ выводят глагол **сизін-** за пределы микрогруппы глаголов внимания, поскольку содержание данного ощущения не включает оттенок внимания.
- ЛСВ5 «понимать». *Азын піс, пу чирдегілер, сизінмеспіс — пілерге чайалбаабыс* (Хч, 1998, 104, 4) — Этого мы, земные люди, и **не поймем** — нам не дано знать. *Пістің чон худай піске хайди*

хынчатханьын пір деє сизінминче (Хч, 1993, 1, 2) — Наш народ вообще **не понимает**, как нас любит бог. *Ол сизінминче чалчы пол парганьын* (Тс, 4) — Он **не понимает**, что стал рабом. В ЛСВ5 «понимать» глагол **сизін-** обычно употребляется в отрицательном контексте с аффиксом отрицания **-ма / -ме**.

- ЛСВ6 «спохватиться». *Сизінзебіс, халын харагат пазахтары пісті ширге читіре позыттин тут салтыр* (Х, 30) — Когда мы **спохватились**, оказывается, крупные грозди смородины нас задержали здесь до вечера. В этом случае глагол **сизін-** (с аффиксом условного наклонения **-зе**) управляет придаточным предложением, описывающим ситуацию, про которую субъект вспомнил внезапно или обнаружил какую-л. оплошность, допущенную им самим.
- ЛСВ7 «догадываться». *Кізіні тастынаң көріп, читпес хылығын сизін полбассар* (Тх, 22) — Судя по внешности человека, **не догадываетесь** о его черной душе. *Чол харлыг поларын сизінчем* (Хч, 1999, 7,6) — **Догадываюсь**, что дорога будет снежной.
- ЛСВ8 «предостерегать». При присоединении аффикса понудительного залога **-дір-** (**сизіндір-**), добавляющего в семантику глагола значение воздействия на ментальное состояние адресата, мы получаем данный ЛСВ. **А)** — *Айана, көр, сизіктіг пол, — пірсі сизіндірче хысты* (Хч, 1997, 9, 6) — Айана, смотри, будь внимательна, — предостерегает девушку один из них. **Б)** — *Тайгада хысхырарга, сарнирга чарабас, хыйалга кір парарга ұр нимес тіп сизіндірген пісті апсах* — Старик нас **предостерегал, мол**, в тайге нельзя кричать и петь, недолго и в беду попасть.
- ЛСВ9 «предупреждать». **А)** *Мин сині сизіндіргем, ол угаа сүмеліг, хыйга паза туртхпас кізі тіп* (По, 257) — Я тебя **предупреждал**, что он очень хитрый, умный и бесстрашный человек. **Б)** — *Упрасин, тураңны сала чыы тартыбыс. Иирде аалчылар полар, — сизіндірче ичізін Пайапан* (Хч, 1997, 135, 8) — Упраси, приберись немного в доме. Вечером будут гости, — **предупреждает** [свою] жену Пайапан. Один из способов воздействия на кого-л. с целью предостеречь или предупредить о чем-л. может быть словесный, устный. В хакасском языке такая форма предостережения может передаваться при помощи прямой речи (**А**) или связки **тіп** (**Б**). Таким образом, в ЛСВ8

«предостерегать» и ЛСВ9 «предупреждать» глагол **сизиндир**- переходит в лексико-семантическую группу глаголов говорения на основе значения «при помощи речи воздействовать на кого-л. с целью направления его внимания на что-л.».

Как видим, признак «внимание» в семантике глагола **сизин**- наиболее ярко реализуется в ЛСВ1 «заметить, замечать», а в остальных ЛСВ оно является лишь сопутствующим элементом процесса.

Следующий однокоренной глагол **сизиктен**- образован путем прибавления к существительному **сизик** «внимание, догадка, чутье, сообразительность, намек» словообразовательного аффикса **-те**- и аффикса возвратного залога **-н**-. **Сизиктен**- 1) проявлять догадливость, чутье; чувствовать, понимать предстоящие события; 2) проявлять бдительность, осторожность; остерегаться чего-л.; *тайга — тасхылда сизиктен чөрерге кирек* в тайге нужно быть бдительным (осторожным) [ХРС: 463]. Данный глагол, по сравнению с предыдущим глаголом **сизин**-, является менее распространенным, так как обладает более узким специализированным значением внимания. *Оолахтар, тайгада сизиктеңер!* — Мальчики, **будьте внимательны** в тайге!

Существительное **сизик** «внимание, догадка, чутье, сообразительность, намек» участвует в образовании фразеосочетания **сизик тарт**- (букв. «внимание притягивать») и **сизик хап**- (букв. «внимание схватить»). *Анзын мин сах андох сизик тартхам* (Ит, 141) — Об этом я тотчас же **догадался**. *Анзы, өткін кізі, сизик хааптыр, үлгү кізілері «Чаңоң» сөсті нас полбинчалар* (Хч, 1996, 141, 8) — Тот же, сообразительный человек, **смекнул**, что чиновники не могут написать слово Чанон.

В ХРС зафиксирован также глагол **сизирке**- «1) ощущать, чувствовать; 2) осознать, догадываться; *сизиркеп көрерге* смотреть внимательно (о чем-л. догадываясь)» [ХРС: 464]. Однако этот глагол в хакасском языке менее употребителен, поэтому у нас не имеется данных о его контекстном употреблении.

В подгруппу глаголов внимания также включены фразеосочетания с именным компонентом **хайыг(-ни)** «... от **хайарга** забота, внимание; *улуг хайыг* большая забота; *тузындагы хайыг* своевременная забота (внимание); *хайыг чогул* нет внимания; *хайыг чох халарга* остаться без внимания; *хайыгда тударга* держать на контроле» [ХРС: 786].

Фразеосочетание **хайыг сал**- (букв. «положить внимание; обращать (оказывать) внимание») выражает реакцию субъекта на какой-л. интере-

сующий объект. В этом случае в контекстах акцентируется объект внимания: *Паланың үзгенізіне хайығ сал — Обращай внимание на учебу ребенка. Минің сурнызыма ол хайығ салбаан — Он не обратил внимания на мою просьбу.* Близким по значению является и **хайығ айландыр-**, имеющий буквальный перевод «обращать внимание». Фразеосочетание **хайығ тарт-** («букв. притягивать внимание; привлекать внимание») имеет каузативный оттенок «побуждать субъекта сосредоточить свое внимание на каком-л. объекте». *Ол тоғазығда прайзының хайиин тартхан чыт оолах — На этой встрече внимание всех привлекал молодой парень.*

2) Глаголы, выражающие внимание как доминирующий элемент психофизиологического процесса

В данной подгруппе состоят пять глаголов, выражающих психофизиологический процесс, в которых признак «внимание» служит сопутствующим элементом случаев восприятия предмета или явления, представляющих для субъекта живой интерес. Это процесс сознательного или бессознательного отбора субъектом из общего фона информации, поступающей через его органы чувств.

Глагол **сиргектен-** «1) быть чутким; *уйғуда сиргектенерге* быть чутким во время сна; 2) быть зорким; *хадағда сиргектенерге* быть зорким на посту; 3) настораживаться; *аң сиргектенче* зверь настораживается» [ХРС: 471]. *Хурун Иванович сиргектенглеен, сураанга тўскен* (То, 38) — Хурун Иванович **насторожился**, стал его расспрашивать. **Сиргектен сыххабыс:** кем полчаң? (То, 36) — [Мы] **насторожились:** кто же это мог быть? *Кўчўгес кинетін сиргектене тўскен: хайдаң-да угаа таныс чыстар сабыла тўстілер* (Т, 8) — Щенок вдруг **насторожился:** откуда-то повеяло знакомым запахом.

Глагол **ситкі-** «внимать; быть внимательным». *Пазыттарын ситкіпчем, чоохтарын тыңнапчам, кип-азахтарын аңдыпчам* (Ат, 38, 45) — Я **внимаю** их походке, прислушиваюсь к их разговорам, разглядываю их одежды.

Чаще глагол **ситкі-** в предложении, принимая форму деепричастия — **ситкіп** «внимательно», приобретает обстоятельственный признак и выступает в сочетании с глаголами восприятия: внимательно смотреть, внимательно слушать. *Иди чоохтап, Саасхан Көктерні ситкіп харапчатхан* (Т, 37) — Саасхан, продолжая свой рассказ, **внимательно разглядывал** Коктера. *Ол хой турчатхан туюх хазааны паза хойларны*

ситкин көрглеен (Тко, 68) — Он **внимательно** разглядывал кошару и овец. *Оолаам, минің чоогымны ситкин истіп ал, чир дее ундуба* (По, 248) — [Мой] мальчик, **внимательно послушай** то, что я скажу, никогда не забывай. *Оол-хыстар удуғларның чоохтарын ситкин исчеңнер паза толдырчаңнар* (Хч, 3) — Молодежь **внимательно** слушала наказы старших и исполняла их.

«Нетрудно догадаться, что сочетаемость наречия *внимательно* с целенаправленными глаголами восприятия обусловлена наличием в их семантике волевого компонента: внимание — это, прежде всего, сосредоточение органов чувств и осязания на объекте восприятия» [2: 69]. Данное деепричастие характеризует процесс, которым полностью поглощен субъект, т. е. на этом процессе сосредоточено сознание субъекта.

Следующие два глагола находятся в промежуточном положении между глаголами восприятия и глаголами мышления, т. е. они выражают такие процессы, которые возможны при ментальном бодрствовании, опирающемся на слуховое восприятие и на сосредоточение внимания на определенном объекте. В семантике этих глаголов сема внимания обеспечивается за счет целенаправленности действия. Глагол **сынчыла-** «присматриваться, приглядываться к кому-л.; ср. **сыннирға**; *наа тогысчыны сынчылирға* присматриваться к новому работнику (в коллективе)» [ХРС: 554]. *Пастап аалдагылар наа килген кізіні сынчылааннар, тың на чухпин турганнар андар* — Вначале в деревне **приглядывались** к новому человеку, все сторонились его. Глагол **тыңнан-** «прислушиваться». *Че оолах ибіре-сибіре тыңнанган* (Ит, 20) — Но мальчик прислушивался к окружению. В семантике подобных глаголов заключено не только зрительное (**сынчыла-** «присматриваться, приглядываться к кому-л.») и слуховое (**тыңнан-** «прислушиваться») восприятия, выполняемые органами чувств, но и указание на процедуру передачи полученной таким образом информации в мозг.

Общая особенность рассматриваемых глаголов состоит в том, что в их семантике сема «внимание» в большинстве случаев представлена как краткосрочное явление. Удержание внимания на длительное время может обозначаться аналитическим способом: при помощи вспомогательных глаголов **одыр-** букв. «сидеть» или **чёр-** букв. «ходить» с временными показателями, выражающими постоянное действие, а также в сочетании с наречиями типа **хачаннаң** «с давних пор», **хачан**

даа «всегда» и т. д.: *Мин синің күстеніп тоғынчатханыңны хачаннаң ситкіп одырадырбын* — Я с давних пор замечаю, что ты стараешься хорошо работать. При этом на любой процесс накладывается оттенок психического состояния субъекта. В целом устойчивость внимания может зависеть от ряда причин: значимости объекта для субъекта, его интереса к объекту, его тревожным состоянием, страхами и т. д. Таким образом, поддержание внимания может регулироваться как внутренним состоянием субъекта, так и внешними факторами.

Также понятие внимания в контексте может транслироваться как:

а) произвольное. *Тоғынчыларның тынанызына көп хайығ салчабыс* — Мы обращаем большое внимание на отдых работников;

б) чаще произвольное, что диктуется характером протекания процесса. *Ам на сизік хаап, пілінче Оркон Петрович — хыйға инейек тус чөрізін көрчеткен* (Ит, 22) — Только сейчас, **сметнув**, понимает Оркон Петрович — мудрая старушка предвидела будущее. Произвольное внимание может быть вызвано интересными или тревожными жизненными факторами и без всякого психологического усилия самого субъекта.

Итак, нами рассмотрены 13 глаголов и глагольно-именных фразеосочетаний, объединенных по общей инвариантной семе «сосредоточить [свое] внимание на определенном объекте». Анализ семантической структуры этих глаголов показал, что одно из свойств мыслительного процесса заключается в опосредованном характере его протекания, где осуществляются закономерные связи данных жизненного опыта субъекта: раннее приобретенные знания, ощущение, восприятие, память, внимание и т. д.

Все глаголы по характеру проявления этой общей семы внимания выделены на два семантических типа (подгруппы): 1) глаголы, выражающие внимание как доминирующий элемент познавательного процесса; 2) глаголы, выражающие внимание как доминирующий элемент психофизиологического процесса. Данные глаголы относятся к ментальным глаголам (или шире — к глаголам психической деятельности человека) и включают в свою семантику элемент внимания и сосредоточенности. Их семантико-когнитивные отличия мы видим в том, что глаголы первой подгруппы больше нацелены на ментальный процесс, а глаголы второй подгруппы — на психофизиологический (и чувственный) процесс.

Литература:

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
2. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981.
3. *Волченков Э.И.* О взаимосвязи внимания, восприятия и памяти в структуре основных психических процессов // Сервис Plus. 2009. № 2. С. 22–25.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП». 2006.
5. *Омельченко С.Р.* Функционально-семантическая интерпретация ментальных глаголов (на материале речи казаков Нижнего Поволжья). Волгоград: АДД, 2006.
6. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013.
7. *Чертыкова М.Д.* Семантическая структура глагола **пiл-** «знать» и его производных в хакасском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 178–184.
8. *Чертыкова М.Д.* Семантическая структура глагола **сағын-** «думать» в хакасском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №1 (57). Т. 1. С. 161–165.

А.Н. Чугунеева

**Концепт «лес»
в хакасской языковой картине мира¹**

Аннотация: Исследование посвящено анализу концепта «лес» в хакасском языке, как отражения картины мира данного этноса.

Ключевые слова: концепт «лес», пространство, покрытое растущими деревьями, хакасский язык.

Alena N. Chugunenкова

**The concept of 'forest' in the Khakass language picture
of the world**

Abstract: The study focuses on the analysis of the concept 'forest' in Khakas language, as a reflection of the world picture of the ethnos.

Key words: the concept 'forest', the space is covered with growing trees, the Khakas language.

Выявление и анализ языковых средств выражения категория пространства для тюркских языков Южной Сибири, в частности для хакасского языка, продолжает оставаться одним из интересных аспектов исследования. В каждом языке существует определенный набор лексем, репрезентирующих рассматриваемую категорию.

Объектом данного исследования являются лексические единицы, эксплицирующие концепт «лес» в хакасском языке. Мы будем понимать «лес», как обширное пространство, покрытое разными растущими деревьями².

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Категория пространства в языковой картине мира хакасов» (№ 15-04-00058).

² Известны и другие типы пространства (например, водное пространство, воздушное пространство).

Из Хакасско-русского словаря [2] путем сплошной выборки были выписаны слова, характеризующие концепт «лес»: *арыг* 1) побережье, остров на реке, заросший лесом; 2) чаша, заросль, роща; 3) лес [2: 80]; *агас* «лес» [2: 27]; *чыс* «густой лес, чернь, тайга» [2: 1025], *тайга* «тайга» 2: 576].

В зависимости от произрастания разного рода деревьев следует различать разные типы леса (нами выделено два). К первому типу относим лиственный лес, характеризующийся как мелколиственными, так и широколиственными деревьями, которые легко переносят суровые морозы (*хазың* «береза», *тирек* «тополь», *ос* «осина» и др.). Данный тип леса мы называем *арыг*, в хакасском языке он является широко употребительным.

Например: *Матвей чахсы орында чуртапчаттыр. Тураларның кистінде сас, аннаң андар суг хастада хойыг арыг* «Матвей, оказывается, в хорошей местности проживает. За их домом луг, а дальше вдоль реки густой лес».

В хакасском языке для обозначения леса, как и в других тюркских языках Южной Сибири, также используется слово *агас* (ср. *агаши аразы* (алт.); *агаштар*, *агаши аразы* (шор.)). Следует согласиться с мнением М.М. Лопсан, что «для южно-сибирских тюркских языков характерен семантический сдвиг “дерево” ↔ “лес”» [1].

Например: *Оларның алныларында тѳс паза хойыг агастыг чир полган* «Впереди был крутой подъём, и начинался густой лес».

Ко второму типу леса следует отнести пространство, поросшее хвойными деревьями (например, *харагай* «сосна», *тыт* «лиственница», *тиген* «ель», *хузух агазы* «кедр»). Такой тип леса обозначается словами *тайга* и *чыс* (т. е. лес, покрывающий горы).

Слово *тайга* в хакасском языке выступает как общее название *тайги*. Например: *Алтыбыста ѳѳн тайга, кизи паспаан чирлер* «Под нами настоящая тайга, можно сказать земля, на которую не ступала нога человека».

Слово *чыс* «густой лес, чернь, тайга» встречается в основном в речи носителей шорского диалекта хакасского языка, которых и называют *чыс кизизи* «таёжный человек; шорец» или *чыстаң килген кизи* «человек пришедший из тайги» [2: 1025], а в разговорной речи можно услышать и как *чыстаңас* «шорец».

Выявленные названия леса в хакасском языке представляют: 1) лес в низменностях (роща, чаща, островки вдоль рек, покрытые разными лиственными деревьями) и 2) лес в горах, где растут в основном хвойные деревья.

Литература:

1. *Лопсан М.М.* Название леса в тувинском языке в сопоставлении с другими тюркскими языками // Новые исследования Тувы. № 4. 2011 // https://www.tuva.asia/journal/issue_12/4206-lopsan.html
2. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / под. ред. О.В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006.

Л. А. Шамина

Грамматикализованные аналитические конструкции верификативной семантики в тувинском языке

Аннотация: Среди грамматических явлений, обнаруженных в ходе исследования аналитических конструкций (АК) сказуемого тувинского языка была выявлена серия конструкций узнавательного-целевого семантики. Наиболее распространенный контекст, в котором встречаются такие АК, — это целевые бипредикативные конструкции (БПК). Субъект совершает главное действие с целью узнать, истинно ли второстепенное действие.

Система маркирования целевых значений в тувинском является богатой и многоярусной. Ее составляют элементы морфологического типа (наклонения), лексико-синтаксические (частицы-лексемы «повод, способ») и синтаксического типа (падежное маркирование). Отчетливо просматриваются различные ярусы маркеров, каждый со своей семантической нагрузкой (категория авторизации, эпистемической и деонтической модальности).

Проверительная АК в тувинском языке семантически и синтаксически представляет бивербальное сочетание основного глагола (первого компонента) в аккумулятиве и второго глагола со значением «проверить, выяснить». Составляющими верификативных АК являются местоимения-заместители глагола — местоглаголия — и деидератив на *-кса*, занимающие соответствующую нишу в зоне ирреалиса. В анализируемых нами текстах и в анкетных материалах фиксируется довольно частое использование аффикса *-ывыт* в ирреалисе.

Ключевые слова: инфинитив, верификатив, целевое значение, ирреалис, тувинский язык, деидератив.

Ludmila A. Shamina

Constructions with Verificative Semantics in Tuvan Language

Abstract: Among grammatical phenomena discovered during the research of analytical constructions (AC) of Tuvan predicates, a set of recognizing-purposive constructions was discovered. The most typical contexts for the verificative AC

are the purposive BPC. The subject performs the main actions in order to learn whether the secondary action is real.

The system of marking of purposive meanings in Tuvan language is rich and multilayered. It consists of morphological (mood), lexical-syntactic (lexeme-particles ‘means, reason’) and syntactic (case marking) elements. One can easily see the various levels of markers, each possessing its own semantic (categories of authorization, epistemic and deontic modality).

Semantically and syntactically, the verificative AC in the Tuvan language is a biverbal combination of the main verb (the first component) in the accusative and the second verb with the meaning of ‘to check, to find out’. Among the components of the analyzed verificative AC are the pronouns replacing verbs and the desiderative with *-кка* filling their particular slots in the zone of irrealis. In the text we analyzed, as well as in survey materials, we observe the fairly frequent usage of the affix *-ывым* in irrealis.

Key words: infinitive, verificative, purposive meaning, irrealis, desiderative, Tuvan language.

Среди грамматических явлений, обнаруженных в ходе исследования аналитических конструкций сказуемого (АК) тувинского языка была обнаружена серия АК, семантику которых условно можно назвать верификативной (или «проверятельной»), используя термин, предложенный Т.А. Майсаком и С.Р. Мердановой [1: 430].

В докладе анализируется богатая и многоярусная система маркирования верификативных значений в тувинском языке. Ее составляют элементы морфологического типа (наклонения), лексико-синтаксического (частицы) и синтаксического типа (падежное маркирование). Отчетливо просматриваются различные ярусы маркеров, каждый со своей семантической нагрузкой.

Верификатив тяготеет к зоне ирреалиса (императив, будущее время, инфинитив), что можно объяснять семантикой верификации — то, что подлежит проверке, с точки зрения говорящего не может вполне относиться к реальному миру. Верификатив также демонстрирует связь с конструкцией косвенного вопроса (кондиционал, вопросительная частица).

АК верификативной семантики в тувинском языке формируются разными способами.

1. Причастные конструкции

(1) *Ол шөлдөргө ажылдаар улустан ам-даа чорутсун* [Мф 9:38].

«Он в поле чтобы работать людей еще пусть пошлет!»

1.1. Причастно-падежные конструкции сказуемого с глаголом *бил* «знать» и причастиями будущего времени на *-ар* или прошедшего на *-ган* в аккумулятиве являются основными стратегиями формирования АК верификативной семантики.

(2) *Кыстың чедип келгенини оол билип алган.*

«Парень выяснил, вернулась ли девушка».

(3)... *канчап тудуп алырын дугуржуп эгелээннер* [Мф 22:15].

«...начали договариваться, как бы уловить Его в словах».

1.2. Причастно-последложные АК сказуемого

(4) *Оон ол Иисусту ошкап каар дээш, Аңаа чоокиулап келген* [Лк 22:47]

«Оттуда он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его».

2. Деепричастные АК. Супин — как особая глагольная форма, выражающая цель при глаголах движения.

(5) *Дезиг аът ээргиледип тура хунзедим* (ТРС, с. 623).

«Целый день кружил я, чтобы поймать неуловимого коня».

Обычно формой на *-а* передается просто факт синтаксической зависимости без определенных (конкретных) содержательных отношений между действиями. Сочетание же значений, в определенной мере и контекст, в сумме дают ту или иную семантику конструкции, формируемой этим деепричастием [2].

3. АК с формой на *-са*

В случае, когда требуется выяснить, имело ли место событие, возможно употребление формы на *-са* в вопросительном предложении.

(6) *Башкы! Мөңге амыдырал чедип аар дизимзе, мен кандыг буян кылыйн?* [Мф 19:16].

«Учитель! Что мне сделать, чтобы (если так говорить) наследовать жизнь вечную?»

4. *Тv=кса*. Одним из способов отражения ситуации действительности (реальной или нереальной) является дезидератив. В тувинском языке ситуация желания («X хочет Y») имеет аффиксальное выражение — форму на *-кса* и выражается инфинитивной конструкцией в ЗПЕ.

(7) *силерниң көрүп турар чүвеңерни көрүксээн-даа болза, көрбээннер база силерниң дыңнап турар чүвеңерни дыңнаксаан-даа болза, дыңнавааннар* [Мф 13:17].

«...желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали».

5. АК с формой на *-ывыт*

(8) *Оол чемненип алган-дыр бе, көрүвүт.*

«Посмотри, поел ли мальчик».

Литература:

1. *Майсак Т.А., Мерданова С.Р.* «Проверятельная форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении // Исследования по теории грамматики. Ч. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.

2. *Шамина Л.А.* Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск, 1987.

Сведения об авторах**Абилов Игбал Шахин оглы / Abilov Igbal**

научный сотрудник Талышской национальной академии

Аврutiна Аполлинария Сергеевна / Avrutina Apollinaria

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки СПбГУ

Email: a.avrutina@spbu.ru

Алиева К.А.

студентка кафедры тюркской филологии СПбГУ

Email: kamilla.alieva95@gmail.com

Аникеева Татьяна Александровна / Anikeeva Tatiana

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Email: tatiana.anikeeva@gmail.com

Гейгер Н.Н.

студент кафедры тюркской филологии СПбГУ

Email: g30kolya@gmail.com

Гирфанова Альбина Хакимовна / Girfanova Albina

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Филологического факультета СПбГУ

Email: genling.spb@gmail.com

Гузов Виктор Григорьевич / Guzev Viktor

доктор филологических наук, профессор кафедры тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ

Email: vgguzev@gmail.com

Дубровина Маргарита Эмильевна / Dubrovina Margarita

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ

Email: maggydu@rambler.ru

Жуков Константин Александрович / Zhukov Konstantin

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего

Востока Восточного факультета СПбГУ

Email: konstantin.zhukov2011@yandex.ru

Камалова Шахназ Норвуз кызы / Kamalova Shakhnas

аспирант кафедры тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ

Email: shahnazkamal@gmail.com

Капустина Ю.К.

студентка кафедры тюркской филологии СПбГУ

Email: abcd.julia@yandex.ru

Койнова Е.С.

студентка кафедры тюркской филологии СПбГУ

Email: eva.koynova@mail.ru

Колосова Д.И.

студентка кафедры тюркской филологии СПбГУ

Email: darykolosova@yandex.ru

Лебедев Эдуард Евгеньевич / Lebedev Edward

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
секции языкознания филологического направления Чувашского
государственного института гуманитарных наук (Чебоксары)

Оганова Елена Александровна / Oganova Elena

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии
Института стран Азии и Африки МГУ

Пестовская Д.А.

аспирантка кафедры тюркской филологии СПбГУ

Email: daryagreen@yandex.ru

Погуляева Е.В.

студентка кафедры тюркской филологии СПбГУ

Email: pogulaevaelena3@gmail.com

Сарыгёз Ольга Владимировна / Sarigoz Olga

аспирант кафедры восточных языков СПбГУ, старший преподаватель
кафедры английского и восточных языков Белорусского
государственного экономического университета

Султанов Турсун Икрамович / Sultanov Tursun

доктор исторических наук, профессор кафедры Центральной Азии
и Кавказа Восточного факультета СПбГУ

Телицин Николай Николаевич / Telitsin Nikolay

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ

Email: nikolay.telitsin@gmail.com

Фарзалиев Акиф Мамед оглы / Farzaliev Akif

кандидат исторических наук, доцент кафедры тюркской филологии
Восточного факультета СПбГУ

E mail: akifferz@mail.ru

Furat Kamil кандидат филологических наук, Global CV

(Образование за рубежом)

Email: furat.kamil@yandex.ru

Хаджиева Танзиля Мусаевна / Khadzиеva Tanzilya

кандидат филологических наук, ученый секретарь серии «Эпос
народов Европы и Азии» Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН

Чертыкова Мария Дмитриевна / Chertykova Maria

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института
гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии

Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан)

Email: chertikova@yandex.ru

Чугункова Алена Николаевна / Chugunenkova Alena

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан)

E mail: Chugunenkowa@yandex.ru

Шамина Людмила Алексеевна / Shamina Ludmila

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института
филологии Сибирского отделения РАН

Email: Shamina_la@mail.ru